

Фёдор Крестовый

КАК ВЫЖИТЬ В ЗОНЕ

Советы бывалого арестанта

Посвящается моим корешам, с кем отбывал срок у «хозяина».

«От сумы да от тюрьмы не зарекайся», — учит народная мудрость. Если не верите, спросите у Михаила Ходорковского, нашего нефтяного магната, ставшего «узником совести» — он подтвердит.

От автора

Зачем я написал эту книгу?

Не стану врать: прежде всего, чтобы честно денег заработать и немного пожить на воле. Надоело за решёткой. Двенадцать лет там провёл, три судимости за плечами.

Ещё было желание рассказать правду. У меня давно сложилось впечатление, что какой-то деятель ввёл установки, как показывать в книгах и фильмах места лишения свободы, и с тех пор авторы и режиссёры избитыми штампами это и преподносят. Также надеюсь, что моя писанина поможет кому-то избежать тюрьмы и там будет меньше случайных людей.

Я хочу объяснить, что в тюрьме нет ничего особенного. Разве только чуть меняются правила игры, а человек кем был, тем и останется. Тот же детский сад и школа — прекрасный пример: везде свои лидеры, подчинённые, воришки, ябеды. Только в разных местах по-разному называются. У нас: «паханы», «шныри», «стукачи», «крысы». А в остальном всё то же самое. И там, в детских учреждениях, и в зоне строгого режима по звонку бегут в столовую, хотя столы накрыты и еды всем хватит. Везде есть попрошайки. Вспомните школьных с их просьбой «дай кусить!». В неволе таких полно: не успеешь передачу получить — сразу: «Дай, дай!» Или скажете, что в детском саду разборок меньше, правил-понятий нет? Есть, конечно, только на другом уровне.

Тюрьма не может сломать, главное: каким ты в неё пришёл. А те субъекты, которых вы принимаете за отпетых уголовников с синюшными наколками, жестикуляцией, матом через слово, жаргоном и дегенеративной рожей, — так это лагерные клоуны, «черти». Но обыватель замечает именно таких уродов и по ним судит о нескольких миллионах побывавших в зонах. Не надо обобщать, здесь штампы неуместны. Каждый судимый — это отдельная судьба.

Давайте сразу расставим точки над «i»: я ничего не выдумываю. Согласен, излагаю несколько сумбурно, привожу много примеров — времени не было, сроки поджимали. Зато пишу искренне. И хочу, пока в памяти все впечатления ещё свежие, поделиться с вами своим печальным опытом — вдруг кому поможет.

Для начала позволю себе дать несколько советов, как вести себя, попав под арест, следствие, суд. Расскажу о жизни за колючей проволокой. Только не подумайте после прочтения, что я злобный и специально выпятил негатив. Начнём с того, что в местах лишения свободы вообще мало хорошего. Я, наоборот, смотрю на всё с юмором, даже на собственную боль и неудачи. Единственное, что меня может огорчить, — беда с родными и

близкими. На остальное мне наплевать. Не стремлюсь объять необъятное. Но в то же время я очень терпим и считаю: если меня не задевают, пусть делают, что хотят. Только бы мой микромир не трогали. Заключение многому учит. И прежде всего — прощать человеческие слабости и реально смотреть на вещи. Ладно, не буду умствовать.

Пишу я, конечно, в первую очередь для тех, кто о местах лишения свободы имеет смутное представление. Но эту книгу полезно прочитать и тем, кто отбывает наказание. Да-да, экам тоже! Некоторые советы и наблюдения покажутся им знакомыми и, возможно, в чём-то даже наивными, но я ведь описываю разные режимы — «красные», «чёрные», «махновские» зоны, следственные изоляторы, этапы.

Можно всю жизнь провести за решёткой, быть авторитетом в «правильной» колонии, но стоит попасть в беспредельную «махновскую» — и, не зная правил игры, угодить в «обиженку».

Думаю, полезно будет прочитать и про арест и следствие.

Отбывая наказание, я писал надзорные жалобы на несправедливость судов. Видел тысячи приговоров. Девять из десяти эков посадили себя сами. Конечно, они виноваты, но их осудили на основании их же показаний, полученных, впрочем, с грубым нарушением законов. Потому прошу честных россиян и сотрудников карательных органов не роптать и не возмущаться, читая те фрагменты, где даны рекомендации, как не посадить себя на длительный срок. У нас и недолгого ареста хватит, чтобы не то что исправить нарушителя, а сделать из него морального уродца. К тому же честные люди и милиционеры, чекисты, прокуроры, судьи не застрахованы от тюрьмы. Знание кодексов не оберегает вышеперечисленную категорию граждан от того, что их допрашивают и судят с попранием всех процессуальных норм.

Просто наши законы — что дышло: куда повернул, туда и вышло. То есть составлены так, что их можно трактовать по-разному.

Никто не спорит: преступление — зло. Лучше жить праведно. Но и святой не застрахован от ареста, следствия, суда. К примеру, ехал на машине, нарушил правила дорожного движения (а кто не нарушает?) и сбил пешехода насмерть. Подрался, только раз ударил — убил. Но даже если совершил нечто умышленное, тяжкое, ты должен ответить только за сделанное. А не за то, что тебе навяжут, «навешав всех собак», обманув, избив, запугав в милиции.

Глава 1. Задержание и арест

Итак, вас задержали. Неважно взяли с поличным на делюге¹ или пригласили в отделение поговорить, а потом по раскладу стукача кинули в камеру.

Прежде всего постарайтесь дать знать об этом родным и знакомым. Только не надейтесь на положенный телефонный звонок (будете качать права — в зубы получите, а позвонить всё равно не дадут). Сейчас вами занимаются опера. Их задача — за максимально короткий срок «расколоть» вас не только на это преступление, но и на все противоправные действия, совершённые вами за всю свою жизнь (а вполне вероятно, и не только вами). Поэтому, если не поддаётесь, менты могут вас посадить, никак не оформив задержание. Спрятать паспорт, попросить собутыльника из прокуратуры — и вам выпишут месяц спецприёмника, где будут каждый день прессовать, вывозить в УБОП, в отделение. Или просто оставят в ИВС (изоляторе временного содержания).

Только не говорите, что я сгущаю краски. В двухтысячном году псковские УБОПовцы выкрали меня из Питера. Водворили в ИВС Пскова, в камеру-морозильник с температурой плюс десять. Спрятав документы, оформили месяц спецприёмника. Уговаривали сознаться в

¹ Делюга — уголовное преступление. (В конце книги приводится словарь жаргонных слов и выражений.)

преступлении, обещали всякие побрякушки, угрожали убить, вывезя в лес. Забирали в здание УБОП и пристёгивали наручниками на восемь часов к батарее в коридоре.

Когда я попал к «суточникам»², там меня прятали во время обхода прокурора. Я попросил сокамерника, когда выйдет, позвонить моим родственникам: послунывил спичку и на коробке написал телефон.

Чудо, но он сделал это! В отделение приехала моя мать, ей соврали, что в списках меня нет. Только её жалоба начальству УВД помогла тому, что меня официально «задержали». Сотрудники составили подложный рапорт, будто я слонялся по вокзалу Пскова без паспорта. Восемнадцать суток родные не знали, где я. Вот почему важно сообщить, что вы в милиции. В крайнем случае, сымитируйте в камере сердечный приступ — менты вызовут «скорую», а врач зафиксирует выезд. Потом легче будет доказать, что вас незаконно удерживали.

Перед тем как водворить в камеру, вас обыщут. При обыске должны присутствовать двое понятых. Не слушайте сотрудников, которые утверждают, что это не обыск, а досмотр (такого понятия, как «досмотр», в УПК нет). Грозите жалобой.

Внимательно прочитайте перечень изъятых у вас вещей. Только не кричите, что часы или цепь золотые. Указывают: «часы в корпусе жёлтого металла», «цепочка жёлтого металла». Так положено по инструкции.

Посмотрите, не вписали ли чего лишнего. Хотя наркотики и патроны подкидывать вам вряд ли станут — этим опера в отделе занимаются. Поставьте прочерк (в форме большой буквы Z) ниже списка, чтобы туда больше ничего не добавили.

Второй совет: молчите в милиции или разговаривайте на общие темы. Можно продиктовать свои анкетные данные, обсудить погоду или шансы любимой футбольной команды.

Опера применяют к вам весь свой арсенал трюков, уловок, ухищрений. На просьбу пригласить адвоката ответят грубостью или станут врать, что защитник положен арестованным, а вы — «задержанный».

Сотрудникам прежде всего важно знать, вы ли именно совершили преступление. Последует душевная просьба «без протокола» рассказать обо всём. Если молчите, в камеру посадят стукача — опытного уголовника, с которым захочется поговорить, излить душу. Он потом напишет докладную. Кстати, и подсадная утка, и сотрудник, даже если вы без протокола поведали о преступлении, если вы на следствии и суде «в отказе», могут пойти свидетелями, заявив, что вы им говорили о совершённом деянии.

Менты будут упорно внушать вам, что явка с повинной смягчает вину. Поверьте: она только увеличивает срок. Да, если строго по закону, то за явку с повинной вам не могут «впаять» больше двух третей максимального срока наказания. Уважаемые! При наших минималках и максималках статей это не имеет особого значения! От двух лет до восьми или от восьми до пятнадцати — и так не дадут две трети за первое преступление (а за рецидив можно получить и на полную катушку).

Опера начнут обещать подписку о невыезде. Но это решают не они, а следователь. Вот с ним и торгуйтесь при адвокате.

Если выкажете страх, вас попробуют бить. Вопреки байкам про гестаповские методы ментов, бьют не сильно — боятся ответственности. Твёрдо заявите, что напишете жалобу в прокуратуру, в отдел собственной безопасности УВД, сообщите адвокату, родственникам и журналистам. Поверьте, если вас ударили и вы «раскололись», побои не прекратятся. Опера поймут: вы не выносите боль, — и продолжат истязания, чтобы выбить другие признания.

Но вот пришёл адвокат, посоветуйтесь с ним.

Следователь предъявил вам что-то и задержал на двое суток. Всё равно молчите. По нашему УПК (уголовно-процессуальному кодексу), признание подсудимым своей вины, без прочих доказательств, не может быть положено в основу обвинения. Это только в сталинские времена всё строилось по принципу: «Признание — царица доказательств».

2 Суточники — арестованные на срок до пятнадцати суток.

На практике, стоит хоть раз под протокол сознаться, а потом, на суде, отказываться, заявив, что вас побоями вынудили оговорить себя, — бесполезно. Суд не прислушается к вашим доводам и приговорит уже только на основании этого прошлого признания. Дали один раз показания на следствии? Вот их и придерживайтесь, не меняйте. В противном случае будьте готовы к тому, что суд поверит именно тому заявлению, которое вас изобличает. О том, как вести себя в судебном заседании, речь пойдёт дальше.

И ещё, если вы не миллионер и не пригласили адвоката-златоуста класса Падвы или Резника, не верьте своему защитнику. Как говорится, всё дешёвое таит изъян. Дешёвые адвокаты, мягко говоря, халатны. Половина из них работает на ментов. На самом деле им «до сиреновой звезды», сколько лет вам впаяют. Главная их задача — взять с ваших родных деньги помимо тех, что внесены в кассу адвокатуры. Это называется на их жаргоне МИКСТ (максимальное использование клиента сверх тарифа). Потом на суде такой негодяй скажет, что вы кушали в детстве манную кашку, мастерили скворечники, выпускали в школе стенгазету, словом, хороший парень, и попросит дать срок поменьше.

Знакомый мент так объяснил эту ситуацию: «Любой адвокат берёт наличные с родственников арестованного. Если он начнёт нам сильно мешать, заваливать жалобами, мы его просто-напросто арестуем при получении „левых“ доходов. И он схлопочет большой срок за получение взятки, пользуясь служебным положением».

Так что, пребывая «в отказе», даже адвокату ни о чём не рассказывайте. Не передавайте через него записки подельникам.

Теперь дам ещё совет. Если вы состоятельный человек, не надейтесь, что, купив приезжего адвоката из столицы, сможете с его помощью избежать наказания.

Когда по делу получены железные доказательства, судьям всё равно, какой у вас защитник. Лучше наймите местного, бывшего мента. Он знает всех сотрудников, а они знают, что он не «чистодел»³. Попробуйте через него оказать «спонсорскую помощь» следователю или судье — тогда, может быть, избежите наказания.

Есть у меня знакомый бизнесмен. Не очень крупный. У него в одном из торговых комплексов несколько «точек» со шмотьём. Поругался он с любовницей, бросил её. Эта курва в отместку подала заявление, что он её изнасиловал. Закрыли его в ИВС и не слушали никаких оправданий. Вызвал он местного адвоката. Тот договорился с ментами. Бизнесмен вышел за пять тысяч долларов.

Но любовница не успокоилась, написала заявление, что этот бизнесмен совершил развратные действия в отношении её несовершеннолетнего сына — трогал его за попу. Бедолагу опять забрали в отделение, и он сдуру говорит: «Жили семьёй, мальчишка у меня деньги украл. Ну и шлёпнул его разок!» Опера обрадовались: обвиняемый сознался. Опять посадили в камеру. Знакомый адвокат снова заслал им пятёрку «зелени». От греха подальше бизнесмен уехал в Москву на полгода. А не дал бы денег, попал бы в зону минимум лет на пять. Могли бы и «опустить», особенно по последней статье.

За двое суток (по новому УПК подозреваемого можно задержать на 48 часов) сотрудникам надо собрать кучу улик, чтобы судья выписал ордер на арест. Даже если менты накопят хиленькие доказательства и вас арестуют, всё равно молчите. После ознакомления с делом на суде легче оправдаться или ответить только за конкретное преступление.

В случае, когда «грузят»⁴ подельники, никогда не поздно дать признательные показания по тем делам, где, кроме голословных обвинений, есть свидетели вашей вины. Поступая так (то есть признаваясь в самый последний момент), получите меньше тех соучастников преступления, которые в «полной сознanke».

3 Чистодел — чистоплотен в делах.

4 Грузят подельники — дают на тебя показания.

Но при массе очевидцев, веских уликах, подтверждающих несколько преступлений, лучше не запирайтесь. Иначе, если на вас заведено несколько уголовных дел, следователь не объединит их — устроит несколько следствий, судов. В итоге можно получить срок не по совокупности статей, а по совокупности приговоров. То есть вас будут судить за все преступления не одним судом, а несколькими, где сроки будут плюсоваться.

Здесь главное — не ошибиться. В любом случае, у ментов своя работа. Их обязанность — доказывать вашу вину, а не вам вашу невиновность. Зачем же вам облегчать их работу?

Глава 2.

ИВС и СИЗО. Знакомство с тюремными нравами

Теперь расскажу, как вести себя в ИВС (изоляторе временного содержания) и СИЗО (следственном изоляторе).

Обычно опера пугают, что посадят в специальную камеру, где вас будут «прессовать» (то есть издеваться, глумиться, бить) злые ээки. Не верьте: в ИВС таких «прессух» просто нет. Там находятся люди, которые задержаны по подозрению, — они ещё не знают, арестуют их или отпустят на волю. У каждого там свои дела-заботы.

Только в бездарных книжках и фильмах мент шепчет в «хату», что новичок посажен «за изнасилование», и сокамерники тут же начинают его бить и трахать.

Враньё! В ИВС люди находятся двое суток. За это время они не успевают объединиться в коллектив, а значит, и не могут давить коллективно. «Первоходы» (то есть те, кто получил первый срок) сами всего шугаются. А «засиженные» (те, кто уже отбыл срок заключения) не станут наезжать потому, что в СИЗО могут заехать в «правильную» камеру и ответить за беспредел.

Допустим, случилось неприятное, и вас арестовали на пару месяцев. Вот здесь возьмите себя в руки. С этого момента от вашего поведения зависит, кем вы будете в тюрьме и на зоне.

Общаясь с ээками, забудьте обращение на «вы». И сами никогда не кричите урке: «Ты мне не тычь!» Он ответит: «Я тебя ещё не тыкал», имея в виду гомосексуальный акт.

С сотрудниками, наоборот, держитесь предельно вежливо, даже услышав грубость. Менты — тоже люди. Врождённой ненависти к вам они не испытывают. Чтобы тиранить на допросе, им надо соответственным образом настроиться. Эта задача намного упрощается, если вы начинаете хамить.

Для милиционеров важен и социальный статус задержанного. Культурный человек, будучи просто одетым, выглядит более значительно, чем упакованное «от кутюр» быдло с уркаганскими замашками.

Даже если вы жутко «крутой» и «навороченный», не обращайтесь пренебрежительно с плохо одетым сокамерником-бомжом. Это сейчас его трясёт с бодуна и он похож на забитую живность. Может случиться так, что тюрьма для него — дом родной. В СИЗО его встретят дружки с прошлых ходок. Он придёт в себя после пьянок, помоется, побреется, переоденется в подаренные, отнятые или выигранные вещи и будет жутким авторитетом. Попадёте к нему в камеру — нахлебаетесь дерьма досыта, если раньше его оскорбляли.

Итак, вы арестант. Главное — не паникуйте, скрывайте мандраж, не «тормозите». Запомните свою статью. Пусть вы «в отказе», она — ваша. Когда станут переводить из ИВС в СИЗО, и конвой её спросит, чётко назовите. Так же чётко, как фамилию, имя, отчество, год рождения.

Не думайте, что советую ерунду. Половина ээков на этапах теряет бред, «буксует». Гуляющие под подпиской о невыезде и взятые под стражу в зале суда не могут правильно назвать свой срок, его начало и конец, режим содержания. Это вызывает раздражение конвоя, что, в принципе, не так уж страшно, но за вами наблюдают соседи по несчастью. Они делают свои выводы, какой человек перед ними. Если поймут, что вы морально слабый, — могут «наехать», плохо с вами обращаться.

Убывая из ИВС, получите по акту все изъятые вещи. Если чего-то не хватает, не расписывайтесь «Претензий не имею». Будут хамить, торопить — не поддавайтесь. Поставьте в известность начальника конвоя. По прибытии в СИЗО сразу же напишите жалобу прокурору.

Сотрудникам тюрьмы не надо доказывать, что вы невиновны, — им до лампочки.

Во время обыска при команде «раздеться» не устраивайте скандала. Скрутят и обшмонают силой. К тому же такова инструкция.

На медицинском осмотре вообще глупо возмущаться, когда берут анализы (в том числе и мазок из зада).

Если при задержании или в ИВС вас били, обязательно попросите врачей снять побои, то есть задокументировать. Они не любят ментов и никогда не откажут. После напишите жалобу прокурору. Доказать, конечно, ничего не докажете, но крови ментам попортите, а на суде будет хоть малюсенький, но козырь. При очередном этапировании на следственные действия в ИВС (если ИВС находится в областном центре, а преступление совершено в районе) больше трогать не станут.

Потом вас поместят в карантин. Это ещё не камера, где сидят. Это временное пристанище, но в нём уже действуют тюремные обычаи.

Матрас и постельные принадлежности там не выдают. По возможности, ещё находясь в СИЗО, попросите родных в телефонном звонке, предоставленном следователем, или через адвоката, передать вам: ватник, тёплые вещи (даже летом), одеяло, постельное бельё, тапочки, носки, трусы, спортивный костюм, туалетную бумагу, полотенце, мыло, зубную щётку и пасту, бритвенные принадлежности (если станки, то одноразовые), ложку, тарелку и кружку (не стеклянные), щипчики для ногтей, тетрадь, ручку, курицу, чай, конфеты, сало, чеснок, конверты для писем. Пусть принесут всё это в удобной дорожной сумке.

Много шикарных шмоток и продуктов сразу с собой везти не надо — неизвестно ещё, кем вы будете, куда попадёте. Роскошь может вызвать зависть сокамерников, попытки отнять, выпросить. (Помню, однажды нас «принимал» в СИЗО пьяный спецназ — на обыске они отбирали всё, что им приглянется.) Так что не спешите. Когда обживётесь в неволе, вам пришлют всё необходимое.

Заходя в карантин, если там находятся арестанты, поприветствуйте их. Только не каждого за руку и не растерянно: «Здравствуйтесь». А нормально, уверенно: «Здорово!» Не добавляйте «братва» или «мужики» — в камере могут находиться «блатные», «черти», «пидоры».

Бывает, что нары и шконки заняты. В тюрьме количество обитателей не всегда соответствует количеству спальных мест. Не топчитесь растерянно в дверях. Пройдите вперёд, присядьте за стол или с краю нар. Баул не ставьте на стол или шконку, лучше у ног.

Уронили на пол вещь — смотрите по обстоятельствам. Ладно, если пачку курицы на чистое место. Пошутите, типа, «упало на газету» и поднимите. Но если подберёте сигарету у параша и сунете её в рот, можете уехать в «петушатник».

Свободную шконку желательно занять подальше от параша.

Часто после этапа очень хочется облегчиться. Не ломитесь сразу в туалет — посмотрите, как делают другие. В каждой хате свои обычаи. В одних, перед оправкой, обязательно спрашивают: «Никто не ест?..» В других, когда жуют, разрешается сходить только по-маленькому. В третьих — и по-большому. В четвёртых за такое разобьют голову.

Не удивляйтесь, когда вместо имени спросят: «Ты за что?» или: «По какой статье?» Обитателям важно знать, с кем они имеют дело. Вдруг с педофилом. Назовите номер статьи, но не пускайтесь в рассказ о самой делюге. Дальше вас расспрашивать нельзя. Если начнут — значит, перед вами либо стукач, либо дурак. Пресекайте его расспросы фразой: «Я — в отказе», или: «А ты с какой целью интересуешься?..»

Допустим, вы молчали в ИВС, но стали болтать в СИЗО. Агент выйдет к оперу и напишет: «Источник сообщает то-то, поведал то-то...» Помните: возможно, подсадной получил задание поработать именно с вами.

ИВС (только не повторяйте, опасно!)

Арест или задержание по подозрению в совершении преступления — для некоторых трагедия и даже повод к самоубийству. Люди привычные реагируют на это спокойно. Авантюристы рассматривают как очередное приключение. Себя я отношу к привычным авантюристам. Плюс оптимистично смотрю на жизнь. Естественно, как человек, пишущий про криминал, если попадаю в милицию, делаю наблюдения для очередной статьи. Не стану гнать жути, давайте лучше поговорим о забавном. Ведь в ментуре приколов хватает, хотя и с оттенком чёрного юмора. Здесь можно и самому глумиться над сотрудниками, главное — не перебарщивать.

Представьте изолятор временного содержания: тёмная камера без окна, восемь квадратных метров. На две трети площади — деревянный настил. В углу — выносная бадья, «параша». Самое главное в местах лишения свободы — хорошие соседи, но, к сожалению, не мы их выбираем.

Кидают ко мне двух алкашей. С бодуна их колбасит. С классовой ненавистью оглядывают мой дорогой прикид и забиваются в угол. Беседуют о насущном — о спиртном. Через какое-то время в хату заводят знакомого лидера организованной преступной группировки. Он какого-то лоха грифом от штанги побил. Теперь и мне есть с кем поговорить. Мы больше про развлечения вспоминаем. Выясняется, например, что в разное время мы с бандюком отдыхали на одном курорте. Начинаем делиться впечатлениями про рестораны на воде. Он стоит метрах в ста от берега. Работает только летом. Моста к нему нет. Если доберёшься вплавь, обслужат в трусах в баре на первом этаже. Причалишь в лодке и в одежде — будьте любезны в кабак на втором.

Алкаши на минутку замолкают, слушают. После негодующе обсуждают сказанное нами: «Вот, блин, придумали! Тут на суше-то, если в пивной ступеньки, когда выходишь, обязательно разобьёшься, а здесь — сто метров вплавь. Точно утонешь!» Да, для кого-то главное — нажраться.

Дальше меня дёрнули на допрос. В оперативном отделе дверь в коридоре на замке, из него не выйти. Меня оставляют одного. Так как в камере нет места, а организм требует движения, хожу из конца в конец, метров тридцать. Из кабинетов слышен шум. Иду туда, из-за двери доносятся звуки ударов и крик: «А-а-а, хоть убейте, суки, ничего не скажу!..» Дохожу до окна, возвращаюсь обратно, секунд через двадцать тот же голос верещит: «У-у-у, всё скажу, только не бейте!» Из-за другой двери слышно, как опера «колют» бабку. Ладно, когда мужикам обещают «порвать зад на британский флаг». Но, оказывается, у отдельных ментов настолько убогая фантазия, что они пугают этим же и старух.

Слышу: «Говори, идиотка, куда твой сожитель краденые кресла дел?! Иначе посадим тебя в камеру к таким девочкам, что они твои костыли тебе в прямую кишку засунут». Фу, какое неуважение к старшим!..

Молодой, неопытный опер приглашает меня в кабинет. В числе прочих обвинений моё положение усугубляет тот факт, что при задержании у меня изъяли одиннадцать тысяч фальшивых долларов. Ментёнок очень хочет казаться солидным: «Что же вы, задержанный, врётё, что не знали, будто баксы поддельные?» Отвечаю вопросом: «А вы всегда, молодой человек, говорите правду?» Видно, задел за живое или мент припадочный, но он визжит: «Ты меня что, на лжи поймал, за фуфло спросить хочешь?» С невинным видом объясняю: «С ментов и пидоров не спрашивают». Этот дурак доволен. Опытный сотрудник порвал бы за подобное сравнение...

Тут пришёл следователь. Спрашивает под протоколом: «Где вы взяли фальшивки?» Отвечаю: «Нашёл на помойке, но что они фальшивые, не знал. Иначе бы сразу отнёс в милицию». Следак оглядывает мой костюм «от кутюр» и интересуется: «Вы всегда по помойкам лазаете?» Клятвенно заверяю: «Этим и живу». Терпение у него есть, кривится, но задаёт вопрос: «Готовы ли вы на уличном эксперименте показать, где нашли доллары?»

Честно смотрю в глаза и выдаю: «Раз я специалист по помойкам, эту найду даже в темноте, по запаху».

Следователь приковывает меня наручниками к оперёнку. Спускается к машине — в ней шофёр. Выезжаем в город. С понтом показываю, куда ехать. Покатался, у первой же помойки говорю: «Здесь». Выходим. Стоим с опером, скованные одной цепью. Причём на эка больше похож он — небритый, мятый, сутулый. Следак ловит понятых. Сначала приводит бомжа. Тот достаёт из кармана грязный стакан и бормочет, что шёл пить. Видно, бродяжка судим, так что сочувственно интересуется у оперёнка, приняв его за арестованного: «Я тебе не наврежу». Пока мент переваривает услышанное, рявкаю: «Не разговаривать с маньяком!» Тем временем следователь притащил плешивого интеллигента лет сорока. Объясняет ему про уличный эксперимент. Он в полубморочном состоянии от страха при виде нашей компании. Особенно боится ментёнка и бомжа. Плешивый доходяга озирается и спрашивает: «А мне ничего не будет?» Видно, детективы на ночь читает. Его успокаивают, что это, мол, пустая формальность. Уточняют у понятых их адреса для протокола. Бомж врёт. Мужчинка диктует свой с паспорта. Тут же жутким голосом пугаю: «Я запомню: у мафии руки длинные». Он опять начинает причитать. Его успокаивают и поясняют, что сейчас этот человек (то есть я) будет говорить, всё запишут, вы заверите правильность, это сфотографируют, и всё. Начинаю прикалываться, делаю зверскую рожу скотофила и замогильным голосом вещаю: «Ну, в общем, двоих мы застрелили вот здесь, а третьему вспороли живот. Он полз к помойке и там сдох. Собаке — собачья смерть, так будет с каждым. Вот и следы крови остались». Показываю на помоечный сок — от свёклы, что ли. Плешивый интеллигент начинает голосить: «Ой-ой». В толпе зевак переполох. Следак стонет: «Ну не пугай ты людей — будь серьёзен!» Ладно, спектакль мне и самому надоел, да и публики уже многовато вокруг. Нормально рассказываю, как шёл, увидел у помойки пакет, развернул, а там одиннадцать тысяч долларов. Понятые расписались. Мы сели в машину. Несколько человек и бомж начали обыскивать бачок. Видно, надеялись ещё баксы найти.

Приехали в отделение. Достала меня эта бодяга. Сказал следователю, что без своего адвоката больше не произнесу ни слова.

Опять «наша» камера. Лидер ОПГ всё парится. Одного алкаша убрали. Другого «посетил белый конь». Посталкогольный синдром — поганая штука, но пока имеет безобидные формы, всё развлечение. Валяемся с бандюком на наре, а пьяницу глючит. Ему кажется, что он на улице, пришёл к знакомой, а парадная — на кодовом замке. Он ломится в дверь: «Открой, это я, выпить принёс. Какой здесь код?» — «Пять-два-восемь», — отвечаем. Чудик начинает тыкать в стену, искать восьмёрку. На шум приходит дежурный, открывает дверь. Белогорячечный принимает его за любовницу, ругает: «Что же ты, пидораска, не открывала? Я вот водки принёс!» Нас, конечно, веселит, когда к менту обращаются как к падшей женщине, любящей извращения, но забава надоела. Говорим охраннику: «Командир, вызови „скорую“, не косит он».

Через полчаса сумасшедшего забирают в дурдом. Тут и меня выдёргивают. Правда, на допрос. В кабинете два опера: молодой и постарше — наглый, как пидор колымский. Помимо «левых» баксов мне инкриминируют то, что я устроил пожар на водочной базе, положил охрану в лужу и стрелял у них над головой из обрез.

«Где мой адвокат?» — спрашиваю. Старый опер пробует наезжать: «Не будет тебе адвоката. Колись, падла, а то я тебя...» Перебиваю: «Ты у меня только минет можешь! И вообще — заткнись». Опер орёт: «Ты мне не тычь!» — «Я тебя ещё не тыкал», — отвечаю. Дело близко к потасовке. Тут в кабинет заходит какой-то полковник и прокурор: «Ну, что тут у вас?!»

Сажусь на пол, начинаю плакать и торопливо жаловаться: «Эти двое меня бьют. Вызвали без адвоката и следователя». Поднимаю брючину и демонстрирую ссадину и синяк на голени. (Вчера на футболе с другим игроком столкнулся.) «Вот этот старший с геморройной рожой прямо пыром пинал», — причитаю.

Полковник обещает стереть беспредельщиков в порошок. Прокурор негодует. Мне дают позвонить адвокату и запрещают ментам до его прихода дёргать меня из камеры. Через час приходят защитник и следователь. Последний заявляет, что сейчас проведут моё опознание потерпевшими. Приводят двух понятых и двух подсадных. Последние, по закону, должны быть схожи со мной. Мы, конечно, похожи, как член с трамвайной ручкой, но я не возражаю. Мне предлагают занять любое место среди подсадных. Встаю в середину. Заходит один потерпевший охранник. С ним и его напарником мои парни уже провели работу. Потерпевшему задают вопрос: «Не узнаёте ли кого из стоящих?» Тот ломает комедию, просит нас повернуться боком и показывает на подсадного слева. Судя по брюкам, мента. Следак в замешательстве. Он бормочет: «Может, я запишу, что вы никого не узнали?» Возмущённо настаиваю, чтобы в протокол занесли всё, как есть. Перед тем как вызвать другого терпилу, мне предлагают опять встать, где хочу. Остаюсь там же. Следующий охранник-пострадавший пребывает на той же волне, но опознаёт в нападавшем подсадного справа. Тоже мента, судя по усатой «заточке» (лицу). Всё заносится в протокол.

Следователь бежит совещаться с начальством, адвокат — жаловаться прокурору. Через сорок минут меня освобождают, но я ещё требую, чтобы опера извинились за моё «избиение». Тогда обещаю не писать жалобу. Полковник приказал, и старый да малый просили прощения. Надо было видеть их рожи!..

Чайная церемония в СИЗО

В камере могут попросить закурить или поделиться чаем. Не врите, что нет, но и не отдавайте всё. Угостите сигареткой. Если есть чай, скажите: «Давай заварим!» После того как неспешно расположились, отсыпьте на бумажку примерно большую ложку с горкой. Иногда сокамерники могут предложить чифирнуть их чаем.

Заварили, смотрите по людям, — стоит ли полоскаться с ними в одной кружке. Попросить отлить себе отдельно чифира нельзя! Если сокамерники не внушают доверия, просто откажитесь. Или отлейте немного заварки себе в кружку и разбавьте кипятком. Нормальный чай можно пить одному.

Бывает, что в камере нет розеток. Тогда чиф кипятят на «дровах» — на факеле из бумаги или тряпки. «Дрова» — дефицит. Если пожелаете, чтобы вам на них заварили слабого чаю, могут не понять.

Стали пить чифир — сделайте два глотка и передайте кружку дальше: её гоняют по кругу. Будьте готовы, что с непривычки станет тошнить. Скажите: «Я — пас!»

Я потому так подробно описываю эту «чайную церемонию», что для большинства эков она имеет огромное значение. Чай в тюрьме — большая ценность, внутренняя «валюта». Некоторые эки отдают последние вещи, лишь бы чифирнуть. Чтобы достать «заварушку», идут порой на обман и подлость.

Опишу один случай — вы сами можете так «попасть».

Заезжаем в карантин колонии. Он изолирован, сидим-скучаем. Ещё на этапе я сдружился с земляком. Нам добровольно вызвался прислуживать пожилой эк. Расторопный такой — и вещи постирает, и посуду помое. Давали ему за это чай, курево. Несколько раз повторилось одно и то же: гуляем, просим его заварить нам чайку, заранее отсыпем много заварки. Позовёт он нас потом, а напиток очень слабый и невкусный. Наконец один особист (неоднократно судимый, побывавший на строгом режиме) подсказал нам, что эта скотина воду греет, но не кипятит — вся крепость в «нефелях»⁵ остаётся, а их мы ему отдаём. Он воду чуть сольёт, гуцу прокипятит и пьёт чифир.

Как не опуститься на кишке

⁵ Нефеля — жижа, оставшаяся после заваренного раз чая.

Кушать привезённые продукты в одиночку как-то неудобно. Возникнет желание — немного поделитесь. После общения выделите самого приятного вам или авторитетного человека, предложите перекусить. Тогда он будет на вашей стороне в споре, конфликте. Двое — уже коллектив. Одиночки начнут опасаться.

Голод вообще заставляет людей всячески приспособливаться. Ради продуктов многие готовы идти на жуткие подлости.

Ну а если вам предложили потрапезничать, не отказывайтесь. Лишняя скромность может быть неверно истолкована. Подумают, вы за собой что-то чувствуете, что-то по жизни «неправильное». Только не набрасывайтесь на еду, выложенную на стол, даже если очень голодны. Постарайтесь кушать, не чавкая. Не засасывайте, как компрессор, пищу с ложки. Поели — поблагодарите.

Понимаю, длительное пребывание в ИВС поднимает аппетит, но не стоит за один присест сжирать весь хлеб, выданный на сутки. Причём не только свой, но и сокамерников.

Не ругайте вслух качество выдаваемой баланды. Некоторые на ней живут годами — зачем же их сразу принижать?

Кстати, в неволе кишкoblудство часто приводит к жопоёбству. В лучшем случае — к потере уважения. К примеру, был у меня сокамерник, который, когда появлялась «машина безумия» (тележка для развоза пищевых баков), напрочь терял рассудок. С диким визгом «Перловочка!», расталкивая соседей, он нёсся к двери. В руках — большая миска (меня в такой мама до пяти лет мыла). Через «кормушку» (окошечко в двери), улыбаясь баландеру, как родному, начинал с ним разговор: «О, земляк! Ты не с центра?.. Нет? Ну кашки-то подкинь!» Услышав, что каши мало и другим не хватит, он получал свою норму (черпачок в двести пятьдесят граммов) и приходил в неистовство. Верещал, плюясь: «Ложкомойник вонючий!» — и гордо удалялся. Садился за стол и становился особо опасен при приёме пищи с обеих рук.

Ну и как к такому относиться? Естественно, его предупредили: «Повторится подобное — прибьём».

Бывают хаты, где каждый ест свою передачу — народ не берёт «положняк» (пищу с тюремной кухни). Но даже в этом случае всё равно не стоит получать за всех эти пайки и набивать ими желудок. Ощутите именно набитость, а не сытость. Кроме того, открыто вас, может, никто и не осудит, но станут презирать.

Только не фыркайте, читая эти строки дома у битком набитого всякими вкусными вещами холодильника. Кто не голодал, тому понять трудно. А в тюрьме многие «на кишке опускаются».

О внешнем виде и лексиконе

Первое время исключите из своего лексикона слово «спасибо». Замените на «благодарю». Почему так — никто не знает, но такова традиция. В отдельных хатах, где играют в тюрьму, в ответ на ваше «спасибо» можно услышать: «Спаси свою жопу от беспредельного члена!»

Также не говорите «обиделся». «Обиженные» и педики — синонимы.

Не материтесь! Можно не только невольно кого-то оскорбить, но и поставить себя в смешное положение.

Как-то один арестованный солдат рассказывал: «Поехали мы в Москву. Папа, блядь, мама, блядь, сестра, блядь. И я, ёбаный в рот...» Когда ему заметили: «Ну у вас и семейство!», он так и не понял, почему эки смеются.

По возможности приведите себя в порядок. Побрейтесь, переоденьтесь, почистите одежду и зубы. Вам скоро подниматься в камеру. Внешний вид много значит.

Только не переусердствуйте. Да, в местах лишения свободы чистота и опрятность — одно из слагаемых авторитета, но когда человек делает из этого показуху или видно, что он

замарашка по жизни, но всеми силами старается изобразить чистюлю, получается смешно и имеет обратный эффект.

По прибытии в СИЗО или из карантина вас поведут в баню. Осмотрите складки одежды под мышками и резинки трусов. В ИВС легко подхватить бельевых вшей. Конечно, вы человек трудолюбивый и вам не лень чесаться, но в камере вас могут не понять. Сами прикиньте: если там не хватает мест и спят по очереди, кто захочет делить постель с вшивым?

Бельевых вшей и мандавошек (лобковых вшей) в бане можно подхватить в любой момент. Трагедии здесь нет, стесняться не надо. Наоборот — не скрывайте. Завелись у вас — могут завестись и у сокамерников. Пусть они себя тоже проверят. В каждом учреждении имеется так называемая прожарка. По первому требованию сотрудники должны отвести вас на дезинфекцию.

Держитесь естественно, не заискивайте, но и не стройте из себя «крутого». Допустим, ваше «ай кью» превышает двести баллов, вы имеете три высших образования, и мощный интеллект распирает голову. В тюрьме это ничего не значит. Коренной её обитатель при ограниченной дееспособности всё равно опытнее вас. Он годами бок о бок жил с тысячами людей и волей-неволей стал хорошим психологом. Наконец, он знает нравы и обычаи. Это как вам — к дикарям попасть. Будучи умнее их (по меркам цивилизованного человека), вы погибнете, не зная языка, табу и уклада жизни племени.

Да и никогда не надо считать человека дураком. Может, у него другой алгоритм мышления.

Не разыгрывайте в камере пантомиму. Случается, и часто, арестуют человека или получит он срок, и вот он бродит от окна до параша, как страдалец. Весь ушёл в себя: на внешние раздражители не реагирует, плачет, заламывает руки, закатывает глаза. Подзываешь такого и интересуешься: «Слушай, а если бы здесь никого не было, ты бы так же паясничал? Тогда какого хера перед нами театр устраиваешь? Или у тебя одного горе?»

Ещё совет тем, кому возраст позволяет: позанимайтесь, хоть недолго, спортом. Особенно боевыми единоборствами. Конечно, голову развивать хорошо, но сколько в тюрьме всяких умненьких «головастиков» в «черти» и «петухи» попали! Потому что боялись.

Помню, первый раз заехал в карантин «Крестов» (там его «собачником» называют). Небольшое помещение. Настил в два яруса от стены до стены. Ещё в автоэске познакомился с бандюком из казанской организованной преступной группировки. Оба мы накачанные, стрижка полубокс, спортивные костюмы. На верхнем настиле расположились с ним вдвоём. На нижнем, в темноте и тесноте, — пятеро «ботаников», молодых, худосочных парней, тоже «первоходов». Заметьте, мы никого не били, ни на кого не «наезжали». Стало скучно. Доходяги по очереди рассказывали нам анекдоты. Казанский и я смеялись не над юмором, а над тупостью услышанного. После попросили одного студента показывать всяких зверей. Он изображал — змею, орла, изюбра, скунса, гниду. Вместо того чтобы сказать «нет» или послать нас подальше. Из уважения и бить бы его не стали. Но его страх заставлял пресмыкаться. Именно благодаря страху в армии процветает «дедовщина», а в тюрьме творится настоящий беспредел. Потому что девяносто процентов мужчин воспитаны как бабы. Только умствовать могут в привычной обстановке, а чуть изменились правила игры — превращаются в потерпевших. В местах лишения свободы такие умники терпят унижения и по-тихому утешают друг друга, что в другой хате, в «правильной» зоне с «махновцев» спросят. Да чтобы спросить, надо предъявить! Но как ты расскажешь, что тебя прессовали, когда никто тебя пальцем не тронул, а ты плясал. Или не пресёк, когда других тиранили. Ты же первый молчать будешь!..

Извините, отвлекся. Хотя это поможет вам, если что, правильно настроиться.

Стучать или не стучать?

Иногда медосмотр проводят не сразу, а дёргают с карантина. Обязательно поведут фотографироваться, «играть на рояле» (снимать отпечатки пальцев). Часто по очереди вызывают оперативники. Беседуют, предлагают сотрудничать. Если вы знаете, что в этом учреждении содержится ваш враг, которого боитесь, или вы известный в городе гомосексуалист, — скажите операм об этом сразу, чтобы в камере не было эксцессов.

Насчёт сотрудничества вам решать. Особых льгот на следствии вы не получите. Вас будут вызывать — якобы на допрос — в кабинет оперов. Там предложат написать, кто из соседей чего говорил, есть ли у кого запрещённые предметы. Возьмут с вас расписки о получении небольших сумм, но денег не увидите, на этом опера наживаются. Зато могут премировать куревом, чаем (соврёте в хате, что адвокат принёс). Или устроят свидание с родными в кабинете.

После суда при небольшом сроке, если боитесь зоны, оставят с подследственными, дальше стучать. Типа, у вас ещё одно уголовное дело. Так же можете в СИЗО хозобслужбой устроиться. Потом за нарушения закроют в лагерь, горя хапнете.

При большом сроке попросите этапировать в определённое, нужное вам учреждение. Бывает, две колонии рядом: в одной беспредел, а в другой порядок.

Знайте, что среди ментов нет дружбы, они сжирают друг друга. Сотрудники не любят оперов, сдают экам их агентов, которые следят за внеслужебными связями контролёров, инспекторов, когда они проносят наркоту, спиртное, мобильные телефоны.

Возможно, предложат вам сидеть взрослоком — «вспомогалой» на малолетке. Мол, там дети. Присмотрите за порядком, наставите на путь истинный, а вам за это характеристику составим, зачтётся на суде...

Гладко стелют, красиво говорят. Только помните: после того как были «вспомогалой» у малолеток, попадёте в зону к взрослым, весь срок — этот и следующие — будете жить плохо. Могут и покалечить...

Дело в том, что по закону об оперативно-розыскной деятельности нельзя привлекать к сотрудничеству несовершеннолетних. Но информацию собирать и за агентуру отчитываться оперативникам надо. Вот они и попросят вас передавать разговоры из камеры. Отказаться — уехать обратно к взрослым. А там какая разница, что вы сидели «вспомогалой» недолго?

Втянетесь постепенно и начнёте стучать на мальчишек. Они же станут советоваться с дяденькой, о преступлениях ему рассказывать.

Может случиться и другое.

В ленинградской тюрьме на Лебедева взрослых к малолеткам набрали из мальшевских братков. Им-то чихать на понятия, и за себя постоять они умеют. Бандиты наладили питание: пельмени, мясо, молоко. В созданных ими спортзалах заставляли заниматься пацанов спортом. Запрещали курить, пить чифир. Ребята развивались физически, бандюганских идеек нахватались.

Но тут за коррупцию арестовали начальника СИЗО. «Мальшевских» вывезли. На их место нанесли, как положено, «вспомогал» из числа ранее несудимых, с нетяжёлыми статьями — аварийщиков, мелких мошенников, чиновников-взяточников.

И вот попадает такой додик к сплочённым парням... В камере их человек пятнадцать. Некоторым по семнадцать лет. В лучшем случае воспитателей избили — они мыли полы, пели песни, изображали телевизор. Другим повезло меньше. Их скрутили ночью и поимели во все дыхательно-пихательные отверстия. Утром объяснили: «Сломишься, сдашь ментам — им пидор не нужен, тебя на взросляк переведут. Ты молчи, и мы никому не скажем. За это будешь минеты делать и зад подставлять». Вот так они и жили, севшие по глупости почтенные отцы семейства на воле.

После суда, если шли в зону, там, конечно, узнавали, что они «петухи».

Советовать не стану, но решайте сами, стоит ли соседствовать с детишками-уголовниками.

Осторожно — психиатры!

Большая вероятность, что вас вызовут на «пятиминутку» — обследование у психиатров. Будьте настороже: они хоть и врачи, но хуже ментов.

Первый раз я попал на такую «пятиминутку» в «Крестах» ещё при перестройке. Тогда шла борьба с пьянством. В уголовном кодексе имелась статья 62. То есть, если человек совершил преступление в нетрезвом состоянии или признан алкоголиком, ему давали максимальный срок.

Вот психиатры и решали: пьющий он или нет. В комнате стояли пять столов, за каждым врач. На ээка они тратили полминуты и почти всех признавали алкашами. Тем самым обрекая на самое суровое наказание. Меня тоже хотели признать бухариком, но даже конвой возмутился. Дело в том, что на столе лежало моё уголовное дело, а там значилось моё спортивное звание, плюс тогда у меня была фигура, как у Шварценеггера. С большим сожалением признали непьющим.

Второй раз столкнулся с ними через пять лет. К тому времени я уже имел диагноз, проще говоря «временное помутнение рассудка, частичная невменяемость».

Зашёл в кабинет, там тройка врачей. Спросили меня, типа, сколько будет два плюс два, и говорят: «Здоров». Объяснил, что в одном учреждении в Питере есть моя история болезни. Они потупились, решили перенести «пятиминутку». Через месяц они же вызвали. Следователь запросил копию моего диагноза. Врачи прочитали, гляжу — пишут в заключении: этим заболеванием страдает, но в момент совершения преступления был вменяемым. Спрашиваю: «Как это вы определили? По данным следствия, с момента совершения преступления прошло полгода. Я „в отказе“, то есть утверждаю, что невиновен. Суда ещё не было, а только он может решить, совершал я вообще преступление или нет». Психиатры разозлились, дописали внизу: «Лжив, изворотлив».

Примерно такая же история повторилась при очередной моей судимости.

Того, кто в сознанке, они просят рассказать о правонарушении. Потом это записывают, а также то, что вы не сожалеете о содеянном. И вот для суда ещё одно свидетельство против вас.

Так что меньше с ними общайтесь.

Как не попасть впросак

С этим ясно, вернёмся в карантин. Только вроде обжились, открывается дверь, называют вашу фамилию. Надо ответить имя и отчество. После команды «С вещами на выход» — не ломитесь на галеру. Не спеша, но и не тормозя, соберите вещи, ничего не забывая. Оденьтесь, обувайтесь. Скажите сокамерникам «бывайте» и выйдите в коридор. Ждите команды. Прикажут «лицом к стене» — встаньте. Никуда не идите, пока не велят. Руки за спиной. Несёте сумку — свободная рука за спиной. У поворотов и лестниц притормаживайте, пока не услышите «налево, направо, вниз, вверх».

Вот ваша камера, где можно провести несколько месяцев, а то и лет. При входе также поприветствуйте обитателей. Уверенно, но не нагло пройдите. Не изображайте отпетого уголовника, падая и крича в экстазе: «Родной пол, родные стены!» Смотрите по обстоятельствам. В каждой хате свои порядки.

Не навязывайтесь с беседой. Следите, чтобы вас закамуфлированно не подкалывали. Мне приходилось видеть, как первоходу говорили, что существует правило, пока не придёт следующий новичок, ты моешь посуду и полы. Ответьте, что о таком не слышали, и посоветуетесь со «смотрящими» или авторитетом тюрьмы. Не комплексуйте, скажите, что посуду будет мыть предложивший такое вам.

Не впадайте в панику, когда контролёр на вечернем обходе назовёт через дверь вашу фамилию и назначит дежурным. Не исключено, что ээки начнут врать, будто вы обязаны что-то делать. На самом деле менты назначают дежурного, чтобы он присутствовал и был

крайним на нечастых шмонах. Максимум, что вам грозит, например, при обнаружении заточки для резанья хлеба — водворение в ШИЗО (штрафной изолятор — карцер). И не устраивайте шоу, не подписывая постановление, если не согласны с помещением туда. Это всего лишь бумага об ознакомлении. В карцере — с подъёма до отбоя — положены письменные принадлежности. Обращайтесь с жалобой в прокуратуру.

От ШИЗняка никто не застрахован, но постарайтесь не лезть на рожон, не нарушать дисциплину, зарабатывая у сокамерников дешёвую популярность. Все ваши ШИЗО фиксируются в карточке. Попадёте в зону, сразу будете числиться «отрицательно настроенным».

В зависимости от тяжести статьи можно освободиться условно-досрочно или заменить колонию на штраф, по одной трети, половине, две трети срока. То есть не досидеть много лет. При наличии нарушений это невозможно. Их надо снимать.

Есть маленький шанс попасть в беспредельную или пресс-хату. Знайте: из камеры в падлу ломиться. Но это при ничтожном поводе. Если столкнулись с «махновцами», бьют — попросите сотрудников перевести в другое место. Только никогда не закладываете: скажите, что не сошлись характерами. Обычно такого объяснения достаточно.

Не переводят из пресс-хаты — разбейте себе лоб до крови при ментах на обходе. Попросите адвоката решить этот вопрос с начальником изолятора.

Можно самому менять правила. Помню, после «собачника» меня, первохода, подняли в хату — шесть шконок, десять человек. Сплошной дурдом. Вольготней всех себя чувствовал грузин Нейман. День посмотрел я на всякие фортели. После, на прогулке, спросил здорового, но спокойного Шурика из Боровичей, не надоело ли ему так жить. Попросил поддержать физически в случае кипиша. Вечером объяснил соседям, что будем жить по-новому. Когда спят — не кричать. Курить по двое у окна. Не «наезжать» на новеньких. Нейман возмутился. Пришлось дать ему по бороде. Воцарился порядок. Воздух относительно свежий. Убирались по очереди. Продукты с передач делили поровну. Перестали изображать из себя отпетых уголовников и жили спокойно. Только не подумайте, что я сидел только в этой хате и попал на «лохов» — за двенадцать лет сменил их более тридцати и везде устанавливал человеческие правила.

Конечно, я не призываю вас навязывать свои порядки, не у каждого и получится. Но ведите себя прилично, и вас не тронут. На юмор отвечайте шуткой. На грубость — грубостью или ударом.

Правда, по неведению можно попасть впросак. Не зная того, что на воле и в тюрьме одни слова имеют разные значения. Раз помню. Уже прижился в тюрьме, лежу под одеялом, мечтаю. Молодой парень, желая завести разговор, спрашивает: «Гоняешь?» Думал, он интересуется, мастурбирую ли я. Жёстко на него наехал. Оказалось, на жаргоне «гоняешь» значит «переживаешь». Видите: ни за что оскорбил человека.

Поэтому вначале меньше говорите. Пока не усвоите лексикон, шуточки. Особенно будьте осторожны с ранее судимыми.

Хотя некоторые сами виноваты, что над ними смеются, — ведутся на всякую глупость. Самая старая и популярная подначка — объявить новичку, что менты отпускают на базар и сейчас его очередь. Дать денег и вещей на продажу. Научить, чтобы стучался в дверь и требовал отвезти себя на рынок. И ведь всерьёз требуют!

Или дать первоходу чайник в банный день и сказать, чтобы после помывки получил на всех квас. Тоже верят.

В камере мы над новичками несильно прикалывались. Заодно и проверяли, кто перед нами. Особенно молодых разыгрывали. В день совершеннолетия (18 лет) малолеток поднимают на «взросляк». Они наслушались про тюрьму ужасов и чувствуют за собой «косяки». Ведь то, что у них там норма, в правильной хате — беспредел. Но с пацанов за это не спрашивают, если сам лично никого не трогал. Есть камеры, где «отписывают» за человека, который не с воли пришёл. Мы больше в процессе общения смотрели. Главное, чтобы не «петух» был, — ведь некоторые не объявлялись. На это (петух — не петух) мы с

чёрным юмором тестировали. Заходит пацан в хату, стоит в дверях, нервничает. Спрашиваешь его: «А у тебя по жизни всё правильно? Ты не „обиженный“?» Он отвечает: «Нет». Удивляешься: «А как ты к нам попал? Здесь же „петушатник“». Начинает он в ужасе ломиться из хаты — значит, действительно правильный. Объясняешь, что пошутили.

Или с порога не огораживаем, а предлагаем чаю попить. Начинаем гонять кружку по кругу. Приятель начинает на меня наезжать: «Ты чего три „хапка“ (глотка) делаешь, когда два положено?!» А я, типа, оправдываюсь: «Да никак не пойму эти порядки! С блатными чифирим — две „тяпки“ делаем. С „петухами“ — четыре. Вот я и решил где-то посередине брать, три делать». Надо видеть ужас новичка. Но мы тут, естественно, ржать начинаем.

Засиженным зекам проще — они (если нормальные) владеют жаргоном, набором выражений, знают, как шутить не только со своими товарищами, но и с ментами. Те, когда долго работают, тоже насчёт этого подкованные. Ну, к примеру, знакомится с тобой в колонии сотрудник, вызвал в кабинет. В числе прочего спрашивает: «Профессия?» Одно дело — просто промямлить, что нету. Другое — сказать, допустим: «Печник-садовод». Это значит, что зимой спишь на печи, а летом — в саду.

Но даже если вы обладаете нормальным чувством юмора (тут лучший критерий, когда не любите семейство Петросянов: значит, норма), не вздумайте сразу шутить в неволе, как это делают рецидивисты. Здесь столько нюансов, что сразу их не понять. Ведь шуточки часто крутятся вокруг жопы, и здесь — тончайшая грань между иронией и оскорблением. К тому же надо научиться разбираться в людях, кому и что можно сказать. И уметь мгновенно переходить от шуток к жёсткому разговору. Это касается и серьёзного общения. В силу психической неуравновешенности у эзков случаются резкие перепады настроения. Он может вас всегда спокойно воспринимать, а в какой-то момент осыпать бранью или выразить недовольство совершенно невинной фразой. Здесь тоже надо уметь осаживать или сгладить конфликт. Уверенно ответьте на его хамский выпад: «Оставь это мнение при себе!» Или спросите: «А то что будет?» Тут уже он сам или «врубит заднюю», или пойдёт до упора. Ссоры лучше сразу доводить до конца, чтобы не было дальнейших эксцессов.

Не подумайте, что в тюрьме все прожжённые уголовники: только и делают, что пьют чифир, «жуют» за понятия и мечтают поиметь кого-нибудь в зад. Люди разные, но большинство — вполне нормальные. Конечно, они придерживаются определённых правил. Типа, с «петухом» из одной посуды не есть. А так мы в камерах и в жмурки играли, даже мужики пятидесятилетние. В прогулочных двориках — в «слона и мильтона». Шили из материала перчатки, набивали ватой и спарринговались.

Есть хаты, где жёстко играют в тюрьму. Тем нелепее их обитатели выглядят среди приличных людей. Как-то сидим, скучаем. Заходит нечто — весь в наколках, лысый, голова тыковкой, пальцы веером. С порога выдаёт: «Привет братве, достойной уважения, в натуре. Ну чё пригорюнились, давай чифирнём. Чай-то есть?» Сам как на шарнирах, костопыжится, выёживается, матерится через раз. Понимаю: можно развлечься. Говорю: «Мы — первоходы, не чифирили, а ты завари себе, попей». Он, ничуть не смущаясь, замутил пол-литра, давится, сдерживает рвоту. Интересуюсь с серьёзным видом: «Скажи, а зачем чифир пьют? Ходят слухи — от него кончают». Уркаган хохочет, как гиена: «Да ты чё, в натуре, бля буду! Кто тебе сказал?! Короче, чиф кровь гоняет, давление поднимается, бля...» Ему советуют: «Так ты отожмись пятьдесят раз от пола, тоже давление поднимется». В общем, доставали его капитально.

Беда этого гоблина в том, что и так он от природы полуимбецил, да ещё сначала в камеру к дуракам попал. За четыре месяца он там искололся с ног до головы «портачками» (некрасивыми татуировками). Нахватался верхушек и стал вести себя так, как, по мнению обывателей, должен вести себя отпетый уголовник.

За три дня обработали его. Ради забавы заставили, когда дежурившая на галере женщина пригласила на прогулку, порвать на себе манку и заорать: «Начальница, открой дверь пошире — пальцы не пролазят!» Раскорячиться и с песней: «Сколько я зарезал, сколько перерезал, сколько душ невинных загубил...» направиться к выходу. Сотрудница даже замок

не захлопнула — с визгом убежала от такой погани. Нажала кнопку тревоги. Примчался наряд. Объясняем, что пошутили. Кстати, если не умеете общаться и ладить с ментами, — не дуркуйте. Наживёте кучу неприятностей.

У нас этот урка смешным казался, а представьте, когда таких собирается много и к ним неопытный новичок попадает, чему они его научат.

Только отдельные личности внушают опасение сразу. Других узнают в процессе общения, прощупывают, пробуют задеть, наехать. Часто не грубо, а подленько, чтобы если что — не предъявили как зачинщику ссоры.

К примеру, посещение туалета может стать предметом подковырок. От тюремного, непропечённого хлеба сильно мучают газы. Вот вы громко пукнули. Посыпались реплики: «Я так не крикну. У меня машина тише работает. Как ноги не оторвало?» Это не оскорбление. Более грубо скажут: «Манжеты (ягодицы) не держат». Тоже не смертельно. Могут ляпнуть: «В этой жопе член бывал». Бейте в морду без раздумий. Пусть проиграете в драке. После не полезут, и порядочные эски будут на вашей стороне.

Уголовники вообще очень остры на язык. Почувствуют в человеке слабинку — поставят в смешное положение. К примеру, морально и физически сильный урка говорит закомплексованному соседу: «Дай я тебя за жопу потрогаю». Тот начинает трусить и нервно отказывает. Уркаган продолжает: «Ты вот своей девушке (или жене) позволяешь, а мне нет. Что это за обезличка?» Или дружеским тоном скажет: «Мы будем серыми братьями: я — волк, ты — крыса» (это просто прикол такой).

Лучше держать себя так, чтобы подобных разговоров не возникало. Если всё же возник — смотрите по обстоятельствам. Не общайтесь тесно не пойми с кем — не нарвётесь на хама. Не заводите панибратских отношений.

Учитесь, слушайте больше. Например, в неволе в добром пожелании после бани: «С лёгким паром, с чистой дырочкой!» — хоть и имеется в виду анус, но оскорбления в этой фразе нет.

Что такое «правильная» хата, и как вести себя со «смотрящим»

Можете попасть и в «правильную» хату, где есть «смотрящий». Тогда вас пригласят на беседу познакомиться. Объяснят, как себя вести. Доморощенный авторитет решит, кем вы будете жить, где спать. Ведите себя естественно. Сейчас он лидер, но не начальник, поэтому не заискивайте. Главная его задача: понять вашу полезность лично ему и камере. Прямо этого он, конечно, не покажет, но всеми этими неформалами движет корысть. Прежде всего ему интересна ваша материальная обеспеченность (потом вы обратите внимание, что в «смотрящие» попадают люди неимущие), отчисления с передачи в общак (для отчёта перед старшими), ну и подношения ему лично. Как не угостить того, кто решает споры, приговаривая неправого к наказанию, распределяет спальные места и вправе положить у параша. Можно, конечно, ничего не давать, но тогда съедят тебя самого.

Ещё он посмотрит, можно ли ждать от вас физической поддержки или вы приспособленец с определённым складом характера, из которого легко сделать помощника типа блатного. Тогда, и если вы к тому же богаты, примут в семью, в группировку. Если поймут, что вы беспонтовый «пассажир» — оставят в покое, начнут присматриваться. Люди не всегда сразу проявляют себя. Порой придёт новичок в хату — собственной тени боится. Обживётся, увидит, что здесь ничего страшного нет, начинает наглеть.

В беседе со «смотрящим» особо не врите, но и не откровенничайте. Такие деятели частенько и на ментов работают.

Вообще, воровское движение — интересная штука. Создано при коммунистах, по такому же принципу, для поддержания порядка за решёткой. Структура партийная. Воры — это «политбюро» (но под контролем ментов). Они сейчас обычно на свободе деньги делают. На местах, в тюрьмах и зонах, руководят «положенцы», ставленники воров, и «смотрящие» — выдвиненцы из среды блатных. Это примерно то же, что раньше — секретари обкомов,

райкомов, первичных организаций на предприятиях. Отчисления в общак — партийные взносы. Большая часть оседает у тех, кто их собирает. Мужикам в колонии у них же взятые чай и сигареты дадут и кричат, что с общего подогрели. К желающим пролезть в уголовную знать (партийную номенклатуру), как и к кандидатам в члены КПСС, раньше предъявлялись определённые требования к биографии. Потому что вора́м запрещалось иметь семью, служить в армии, быть пионером или комсомольцем, сдавать подельников, купаться в роскоши, надо было сидеть в тюрьме, ну и так далее. Сейчас на зонах в блатные попадает всякая погань, лишь бы передачи получал. В «смотрящих» нередко ходят наркоманы и насильники.

Умирает красивая традиция. Держится ещё скорей стараниями ментов.

У авторитетов свой язык, устав. Как и у партийцев: на словах одно, на деле — другое. Лозунги, конечно, привлекательные: «Общак, братство, порядочность». Но рядовые уголовники понимают всю порочность этой системы. Шепчутся между собой, как шептались люди в СССР на кухнях про коммунистов, но открыто выступить не могут — задавят, запрессуют.

Криминальная верхушка друг друга тоже сжирает. Живут как в курятнике — «Оттесни ближнего, обосри нижнего». До поры, конечно, держатся стайей — коллективно они сильны.

Все воры в законе, «положенцы», «смотрящие», якобы авторитеты в камерах и зонах объединяются во временные группы, чтобы нормально провести срок. То есть, ничего не делая и не получая передач с воли, рассказать мужикам о понятиях и есть их посылки, спать на хороших местах. Сотрудники позволяют существовать им не на общих основаниях — носить вольную одежду, пьянствовать, употреблять наркотики. В обмен на это такие группировки, связав эзков «понятиями», жёстко поддерживают дисциплину.

Но некоторая польза от воровского движения есть, даже при всей его лживости. Сидел я и в «махновских» зонах, там — беспредел. И на «красных» — там маразматический режим. (Про все виды колоний рассказано подробно дальше.)

Надо признать: власть у воров ещё есть. Сейчас случается, что в камере первоходы сидят с рецидивистами, ворами в законе. Совершенно не лишне свести с ними знакомство. Если потом, в другой хате или на зоне, станут на вас «наезжать», можно сослаться на своё знакомство с жуликом⁶. Хорошо взять номер его мобильного. Возникнет в колонии конфликт — можно позвонить.

Как сохранить здоровье

Ну вот, вроде вы чуть обжились. И тут начинают одолевать грустные мысли, тоска по семье, по дому. Что здесь можно сказать? Да, тяжело, но утешьтесь: родным всяко легче, чем вам. Довольствуйтесь малым. Сейчас просто изменились правила игры. В конце концов, что человеку нужно? Тепло, пища, сон, воздух. Остальное: духовность, любовь, этикет, искусство и всё прочее — выдуманно. Только не надо негодуяще возражать, что этим-то мы и отличаемся от животных и дикарей. Тем, что читаем Шопенгауэра, посещаем Эрмитаж, слушаем в филармонии классическую музыку.

Конечно, если с детства так живёшь, не понять.

Многое осознаёшь, когда тебя годами кормят тухлой капустой, залитой кипятком. Когда сидишь в карцере, где зимой нет стёкол. Когда твоего сокамерника забили пьяные менты, а самого тебя запинали так, что кровь горлом пошла. Вот тогда ясно понимаешь, как немного, на самом деле, человеку надо.

Ну а на свободе я тоже тонкий эстет с интеллигентными манерами, обожаю Шуберта. Но легко принимаю изменения прикольной штуки под названием жизнь. Не жалею себя и не ищу справедливости, которая существует только в романах, да и то — весьма относительная.

⁶ Жулик — вор в законе.

Самое вредное для нервов и на воле, и за решёткой — вторичные переживания. Вроде бы неприятное событие, оскорбление, унижение миновало, а вы месяцами накручиваете себя, изводите. Поймите: прошлого уже нет, будущее не наступило — живите настоящим, но, конечно, мечтайте о хорошем.

У каждого свой запас прочности. Бывает, человек сразу после ареста или в процессе срока так накрутит себя, что наступает состояние эмоциональной тупости. Отсюда — всего один шаг до нервного срыва. Это как же себя жалеть надо!..

Встряхнитесь! По собственному опыту скажу: в тюрьме стоит посидеть только ради последующего освобождения. Как тогда начинаешь радоваться жизни! Ценишь вещи, которые раньше не замечал: горячую воду из крана, красивую сервировку, мягкую и чистую постель, одиночество. А с женщиной только от общения чуть сознание не теряешь, не говоря уже о сексе.

С первых же дней в неволе главное — сохранить здоровье. Не утешайте себя тем, что вы здесь ненадолго и вас скоро отпустят. Этого «скоро» можно ждать несколько лет. Обязательно ходите на ежедневные прогулки. Только не стойте там у стены — разминайте ноги.

Читайте, это отвлекает от тяжких дум. Не пейте чифир. Хоть и говорят, что в нём витамины, но это спорно, а вот желудок он точно убивает и портит зубы. Гонял кружку по кругу тот, у кого кариес, значит, и вы подхватите. К тому же чифир искусственно бодрит. Привыкаешь, а при отсутствии чая начнутся недомогания, головная боль, депрессия.

Бросьте курить, но только постепенно. Объясняю простым языком, без научной зауми. Когда вы курите, в организме вырабатывается противоядие, которое само по себе ядовито. Но, вступая в реакцию с табачной гадостью, оно нейтрализует её и себя. При резком бросании противоядие первое время вырабатывается в привычном количестве, нейтрализации не происходит, и оно травит человека. Могут быть и смертельные исходы. В случае постепенного снижения выкуренного уменьшается и противоядие.

Кстати, рассказы о вреде пассивного курения сильно преувеличены.

Не наносите себе татуировки. По большому счёту, они несовместимы с христианством. Церковь ссылается на 19-ю главу книги Левита: «Не делайте нарезов на теле вашем, и не накальвайте на себе письмён. Я Господь». Только Бог имеет право расписываться на созданных по его образу и подобию телах.

Красота синюшных, кустарно выполненных татуировок — очень относительная. Да и большую часть времени вам жить на воле. Даже если исколите себя с головы до пят, вы всё равно не сойдёте за своего в преступном мире. Здесь главное — поведение.

К тому же иммунитет после тату-процедур сильно снижается, а он и так ослаблен стрессом, плохим питанием и нехваткой воздуха.

Не экспериментируйте со своим половым членом. Зэки часто вставляют под кожу пениса шары, шпалы, усы. Делают «розочку» — разрезая головку члена на четыре части, загоняют в неё до двадцати кубов вазелина и тетрациклиновой мази. Типа, потом все бабы будут «ихними»!.. Извечные комплексы мужчин по поводу размеров пениса.

Поверьте, даже с небольшим «прибором» можно приласкать женщину так, что она потеряет голову. В то же время после описанных выше манипуляций часто развивается заражение, что ведёт к ампутации. Знаю случаи, когда вазелин под кожей отторгался через восемь лет. Не спорю, можно быть «гигантом большого секса», умело действуя только руками и языком, но с членом, пусть и небольшим, как-то привычнее и лучше — больше удовольствия себе доставите.

Постарайтесь спать по ночам. Ведь днём дремлешь урывками — то прогулка, то обход, то прочие движения. Организм, по сути, полноценно не отдыхает.

Давно обратил внимание: те, кто в местах лишения свободы вёл нормальный образ жизни, спал с отбоя до подъёма, ел в меру, не пил чифир и спиртное, очень молодо выглядят и абсолютно здоровы. Наоборот, их ровесники, нарушающие режим, выглядят и чувствуют себя как колымские доходяги.

Только не занимайтесь, чтобы сохранить здоровье, спортом в прокуренных камерах. Получите больше вреда, чем пользы. Повторюсь: ходите в прогулочных двориках, приседайте, если есть скамейка — отжимайтесь от неё.

Не рекомендую качаться в хатах и по другой причине. Алкоголики, наркоманы и прочие рахиты, нередко захватывающие в тюрьме доминирующее положение, ненавидят спортсменов. На вас могут «наехать»: типа, вы не на стадионе. В принципе — будут правы. Лучше вспомните, что через несколько месяцев вы попадёте или в зону, или на свободу. В обоих случаях сможете успешно продолжить спортивную практику. Переждите, не губите себя, загоняя при учащённом дыхании в лёгкие и кровь табачный дым, пыль, испарения немых тел и параша.

И не становитесь жертвой рекламы: не поддерживайте материально фармацевтических махинаторов. В смысле: не заказывайте родным дорогостоящие витамины. Лучше — чеснок, сухофрукты, цитрусовые. Как-нибудь при случае загляните в питерский музей Арктики и Антарктики. Экскурсовод вам расскажет, что в первые экспедиции на Крайний Север пробовали брать разные концентрированные витамины. Но что с ними, что без них цинга начиналась одинаково быстро. Вот полярники и везут с собой сушёные, консервированные овощи и фрукты.

О пользе мастурбации

Раз уж говорим обо всём откровенно, поведаю ещё об одной проблеме. Особенно страдает молодёжь, когда нет сексуальной разрядки.

В некоторых камерах у малолеток, например, существует обычай: четверг — день дракона; кто не дрожит, тот мент. При всей своей похабности — не такая уж глупая традиция.

Редко встречаются хаты взрослых, где можно во всеуслышание сказать: «Пойду передёрну», взять картинку женщины и удалиться за занавеску в туалет или поиметь «обиженного».

Есть, конечно, и такие, кто даже кошек в зад трахает, но это исключение. Чаще нормальные люди стесняются друг друга, терпят. Это ещё больше способствует развитию неврозов.

Конечно, прилюдно онанировать не стоит, но делайте это при первой возможности, когда останетесь одни — в карцере, «стакане» с туалетом.

Мастурбация — не извращение. Согласно медицинским исследованиям, если мужчина более полугода воздерживается (поллюции не в счёт), у него пропадёт репродуктивная функция. По крайней мере, велика вероятность этого. Для простоты объясню так: сперматозоиды «склеиваются хвостами», и женщина не беременеет. Да и так уж лучше в тайне, быстро «шею гусю сломать», чем после ночной поллюции, всему обтруханному, подмываться холодной водой в умывальнике для посуды или на глазах у всех менять трусы, постельное бельё.

Особенно эта проблема актуальна для тех, кому за тридцать, — у них без постоянных сексуальных тренировок эрекция пропадает навсегда.

Кстати, пониженное, низкокалорийное питание в течение длительного времени ведёт к недозреванию спермы, переходит, так сказать, в хроническую форму, и потомства тоже не ждите. Вот почему тройное преступление, когда менты воруют вашу пайку.

Только никогда не разговаривайте на интимные темы. Сам присутствовал на сходняке, когда моего знакомого, хорошего мужика, перевели в «обиженку» за то, что рассказал, как делал жене куннилингус (промежность лизал). При всей моей симпатии к нему и личном авторитете, ничего не мог сделать в его защиту. Да, я считаю, что в сексе нормы не бывает, но в тюрьме такое мнение держу при себе. Здесь свои обычаи. «Нырять в пилотку»⁷ — значит, «петух»!.. За свои сроки наблюдал множество подобных историй.

⁷ Нырять в пилотку — делать куннилингус.

Вообще неэтично, даже с близкими друзьями, обсуждать интимные пристрастия.

О спиртном, суевериях и верующих за решёткой

Не пейте спиртного. Ослабленный организм, расстроенная нервная система могут неадекватно среагировать на «палёное» пойло. Накопившаяся агрессия найдёт выход, а там — драка, убийство. И знайте: если вы немного выпили и ввязались в конфликт, считая себя на сто процентов правым, на разборках у братвы будете крайним. Таковы понятия в отношении нетрезвых.

Не принимайте психотропные и сильнодействующие таблетки. Тем более наркотики. Сейчас многие воры в законе, «положенцы», «смотрящие» «травятся», но отношение к ним, даже у своих, отрицательное. Частенько за вредные пристрастия они лишаются сана и попадают в «черти».

Предостерегаю родственников и знакомых заключённых: не передавайте им спиртное, «колёса», наркоту. Нанесёте только вред.

Ещё родным надо опасаться подставы. Часто вы не знаете, чем занимался ваш муж, брат, сын. Его друзья могут принести продукты, вещи и спрятать в них наркоту. Станете сдавать передачу — найдут. Посадят вас. Такие случаи — не редкость.

Теперь, что касается веры в Бога. Молитесь на здоровье. Приехав в зону, ходите в церковь, сколько влезет. Не советую только вступать в так называемую общину. Это же не тусовка и не клуб. Среди них много приспособленцев: педофилов, убийц, «обиженных». Когда они вместе, на них презрительно смотрят эски. Эти, так сказать, «верующие» желают выделиться. Прочитав по слогам часть Евангелия, пристают к народу и «несут слово Божие» (на самом деле — несут бред и ахиною). Навязываются, как репей, со своими маразмами. Думая, что приобщают осуждённых к вере. Хотя происходит обратная реакция. Да и есть ли за решёткой истинно верующие? Что-то за двенадцать лет, сменив восемь учреждений, наблюдая десятки тысяч эзков, я не видел, чтобы в Пасху после слов «Христос воскрес» кто-то троекратно расцеловался. И ладно бы с «петухом», так и с мужиком стесняются. Вот и получается, что верят в неволе по уголовным понятиям, с оглядкой на братву.

Кстати, эски очень суеверны и верят в приметы, естественно, в тюремные. Например, в камере нельзя убивать паука. Он считается хозяином, так как всегда здесь живёт. Если паук начинает ползать — это к новостям. Ползёт вниз — жди плохих известий. Вверх — хороших. Попался лавровый лист в супе — жди письма. Нельзя свистеть — денег не будет.

Как создать свой микромир

Арестанту надо быть готовым к тому, что в любую минуту его перекинут в другую хату, и так несколько раз. Опера что-то мутят или просто тусуют или к другому своему стукачу переводят. Если прежнему вы ничего не сказали.

Можете попасть в «бомжатник». Со мной такое случалось. Захожу в камеру: девять квадратных метров, с двух сторон — шконки в три яруса, восемь человек. Вонючка, на полу мусор по щиколотку. В унитазе — говна по пояс. Тараканы — как живой ковёр. На шконках — грязные, завшивевшие «черти».

Подходит ко мне молодой парень, чистый, накаченный первоход, и говорит: «Привет, я со вчерашнего дня здесь и даже присесть не могу». Спрашиваю: «Чего ж не ушёл?» Он пугается: «Ты что, из хаты ломиться в падлу!» Объясняю ему: «Так это из „правильной“, а здесь паноптикум и рассадник заразы». Стучу в дверь. Прошу галерного перевести нас. Тот зовёт опера. Приходит капитан. С бодуна возражает: «Посидите тут — вы не на прогулке!» Странно, обычно без разговоров переводят... Тогда спокойно ставлю его в известность: «Видишь семерых ублюдков? Не перекинешь, мы их прибьём до поноса. У тебя ЧП будет». Какой-то бомж пробовал возмущаться. Велел ему закрыть хлебало. С подобными можно не церемониться. Естественно, нас посадили в другую хату, и у соседей вопросов не возникло.

Никогда не ввязывайтесь в споры по поводу вкусов, информации. Только если не защищаете своё достоинство. Но и тогда не уподобляйтесь базарным бабам, которые несколько часов подряд осыпают друг друга оскорблениями. Иначе услышите: «Парни, у вас что, рук нет?.. Языками работаете».

Если спор возник из-за мелочи, значит, и вы, и ваш оппонент — дурак. При том, что выхода эмоциям нет, при вечном неврозе невинная перепалка может привести к драке и убийству. Был очевидцем («свидетель» в тюрьме не говорят), как двое решали, что вкусней — омлет или яичница, не сошлись во мнениях, и один зарезал другого.

Вообще — меньше общайтесь. Семьдесят процентов знакомств в неволе заканчиваются ссорами. Оставайтесь загадкой, тогда вас будут опасаться. Вспомните, как КГБ окружил себя слухами, тайнами, и эту организацию боялись до ужаса. Хотя большинство чекистов жили дармоедами. Следили за вечно всем недовольными евреями, алкоголиками, писателями, иностранцами.

Наконец, знакомство может скомпрометировать. Вы с ним чай гоняли, а он оказался скрытым «петухом» или попался на «крысятничестве».

Помните и то, что врагом не может стать посторонний человек — только близкий после ссоры с вами. Лучше не общайтесь ни с кем, чем с кем попало. Это, естественно, крайность. Создайте свой микромир и оберегайте его. Да и хороший приятель, он лучше всякого психотерапевта. Ему можно излить душу, поделиться наболевшим, но такие друзья встречаются редко. Не ошибитесь в выборе, отбросьте иллюзии. Здесь лучший оценочный критерий на психологическую совместимость — когда вы вдвоём, не обязательно говорить. Молчите — и вам всё равно хорошо вместе, комфортно.

Сидя в камере, не давайте никому свои дорогие вещи: куртку, ботинки, брюки, свитер — съездить на суд. Он получит условный срок, а ваши вещи пропадут. Вы не в дворянском собрании: обратно он их не пришлёт.

Не обменивайтесь адресами. Знаю много случаев, когда приятель, получив данные родственников другого зэка, освобождался раньше и обворовывал, грабил и даже убивал их.

Не изображайте больного перед медиками. Поставят в карточку «с/с» (систематический симулянт) — потом в серьёзном случае могут не оказать помощь.

Чем грозит голодовка

Каждый, естественно, слышал про такую акцию протеста, как голодовка. Зэки объявляют её, когда не согласны с арестом, осуждением или действиями сотрудников. Поверьте, если голодовка не массовая — это бесполезное дело, она принесёт вам только вред. Администрации учреждения наплевать на такие движения.

Скажем, вы написали заявление об отказе от приёма пищи. Вас переведут в одиночку, изъять продукты. Умереть от дистрофии не дадут. Запахнет от вас ацетоном (при длительном голодании им сильно воняет от человека) — скрутят, вставят расширители в рот, повредив или выбив зубы. Засунут в желудок шланг и зальют питательный раствор. Если горячий — обожжёт трубку, останетесь инвалидом. Всё равно не отпустят. Максимум — с вами побеседует помощник прокурора по надзору. Пообещает разобраться в законности следствия, осуждения, беспредела ментов, и... ничего не изменится.

При голодовке очень мёрзнешь. Иммуниет и так ослаблен тюрьмой, а тут вы его окончательно добиваете. Можно легко заболеть — тот же туберкулёз подхватить.

Ещё глупее — вскрывать в знак протеста вены. Тогда на вашем деле и полосу поставят «склонен к самоубийству». На этапах станут в наручниках возить. А в зоне каждые два часа будете бегать на вахту отмечаться. Вдобавок прокурор может завести дело о членовредительстве, а суд впаяет немалый иск за лечение.

Протестуйте написанием жалоб. Только если понимаете в законах и пишете о том, что можете доказать. Не изливайте на бумаге бред и эмоции.

Ещё две предосторожности.

Не продавайте зэкам вещи. В неволе этим занимаются барыги, которые платят процент в общак.

Поначалу старайтесь не подходить к кабуре (отверстию в стене в соседнюю хату), не лезьте к «дороге» (нитки за окном, по которым гоняют груз в соседние камеры). Во-первых, вы не знаете условного языка, на котором общаются. Во-вторых, не умеете отправлять и принимать грузы. В-третьих, за утерю груза с вас жёстко спросят.

Забыл упомянуть гарантированный способ выйти из следственного изолятора под подписку о невыезде. Сам видел его в действии. Посадили ко мне в камеру богатого бизнесмена. Статья была не очень страшная — какие-то финансовые махинации. Начал он о крутых знакомствах рассказывать. Я посоветовал: «Если за тебя поручатся два депутата, то следователь, не отпустив тебя под подписку о невыезде, выразит недоверие уже непосредственно им». И что вы думаете: на следующий день к бизнесмену пришёл адвокат, связался с его знакомыми депутатами, и после обеда мой сокамерник оказался на воле.

С богатыми очень интересно сидеть. Во-первых, они прикольно рассуждают: «Вот они, кошелёк у старушки украли и считаются правильными преступниками!.. А я эшелонами воровал и почему-то — барыга». Во-вторых, миллионеры часто откровенничают, и видишь, как много деньги и связи решают, и насколько законы у нас несовершенно.

Однажды со мной посадили одного деятеля. Он украл вагон чего-то ценного на весьма приличную сумму. А в нашем Уголовном кодексе, чем больше размер похищенного, тем строже часть статьи 158 и, соответственно, суровой наказание. Вот и грозила ему часть четыре и срок от пяти до десяти лет. Но дружки подсуетились и нашли нужного прокурора. Дело обернули так, что он похитил вагон не сразу, а совершал кражи по частям. В результате это дело разбили на несколько эпизодов, где иски были небольшими, и пошёл наш богатей домой, выплатив штраф (мотайте на ус!).

Как вести себя со следователем

Ладно, будем считать, вы прижились в тюрьме и про вас можно сказать, что «все идут, а он канает, все плюют, а он харкает».

Следствие кончилось, теперь ознакомление с делом.

По закону срок ознакомления с материалами уголовного дела не ограничен. Но на практике, если умышленно станете затягивать чтение, следователь позовёт двух понятых, составит рапорт, и вы не узнаете, что на вас накопили, поскольку дело у вас отберут.

Обычно на ознакомлении с делом присутствует адвокат. (Повторяю: особо на него не надейтесь.) За время пребывания в СИЗО вы наверняка юридически подковались, общаясь с сокамерниками, ознакомились с Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами.

Очень много зависит от следователя. Не удивляйтесь, если он повесит на вас более тяжкую статью или часть Уголовного кодекса, чем вы заслуживаете. Например, вместо грабежа — разбой, то есть вместо тяжкого — особо тяжкое преступление. Ему нужно для статистики отчитаться, что прямо «преступление века» раскрыл. Дешёвый адвокат будет вас утешать, что на суде «перебьют» (изменят статьи). Не верьте! Лучше сразу написать жалобу прокурору.

Многое решает то, понравится вы следователю или нет. Особенно это касается женщин-следачек. Помню, взяли меня по подозрению в совершении преступления. Как всегда, я пребывал «в отказе». Доказательств по делу — ноль. Только расклад моего знакомого, который вместе со мной совершал преступление. По его наводке меня и задержали. Но это не доказательство: его слова против моих. Опера меня «кололи», но впустую. После них вызвала на допрос молодая толстушка-следователь с массой комплексов. Она играла роль супер-профессионала — спокойной, с изысканными манерами столичной штучки. Мне стало весело. Совершенно без хамства, на одной иронии, я довёл её до припадка. Она сорвалась — стала орать, с пеной у рта сыпать матом, оскорблять меня. Тогда я действительно искренне рассмеялся и сказал: «Вот наконец-то колхоз и попёр из всех

щелей! Его никаким паясничеством и должностями не скроешь. Кстати, навозик под ногтями не мешало бы выковырять».

Она на минуту даже задохнулась. Покраснела, как будто сутки вниз головой висела. Смотрит на меня с ненавистью.

Не начни я прикалываться, ушёл бы домой через двое суток. Но эта курва прекратила — «в связи с изменением обстановки» (есть такая формулировка в Уголовном кодексе) — уголовное дело на моего подельника, и он превратился в полноценного свидетеля. Хотя и давал показания, что он навёл, привёл на место, участвовал в краже и получил больше половины похищенных ценностей.

Мне выписали арест на два месяца. Сажу в СИЗО. И вот однажды — как будто для обратного примера — меня вызывает женщина-следователь из другого района. У неё в производстве находится уголовное дело, и есть железные доказательства, что сделал это я. И статья тяжелее, чем сейчас. Эта пожилая, но пребывающая в прекрасной форме блондинка мне понравилась. Вижу, что и я ей как мужчина интересен. Отпустил пару комплиментов. От того, что давно не был с женщиной, от дикого желания у меня даже голос прерывался. Очень её взволновало, что она так на молодого парня действует. Она даже о деле забыла, шариковую ручку в шутку выкинула. Достала из сумки термос с кофе, бутерброды, печенье. Я был голодный, но старался держать марку — не спеша грыз печенинку, запивая кофе. Пофлиртовали мы с ней часа три. Обещал, что после освобождения найду её, она даже телефон дала. Потом сказала, что прекратит уголовное дело. Я не поверил: слишком оно тяжёлое, и улик много. И ведь сдержала слово!.. Через неделю в камеру принесли распечатать постановление, что я не при делах. Она даже на явный подлог пошла, карьерой рискнула.

Если бы толстушку не «достал», вообще бы в тюрьме не был. Ведь все мы люди — от симпатий и антипатий многое зависит. Сколько раз в отделении простые опера, ничего не получая взамен, вырвали меня, уводя из-под ареста.

Когда вы попадаете за решётку, против вас настроен весь мир. Иногда просто поражаешься наглým оговорам и выводам. Взять хоть такой случай. Раз закрываю дело. В числе прочих бумаг вижу запрос следователя участковому по месту моего жительства с просьбой меня охарактеризовать. Местного «Анискина» я в глаза не видел (хотя прожил в новом 12-этажном доме четыре года). И вот читаю его ответ. Он опросил моих соседей слева и справа. Одни сказали, что мы только здороваемся, но веду я себя в быту тихо. Другие ответили, что меня не знают, но тоже ничего плохого сказать не могут. Тем поразительней был вывод мента: «По месту жительства характеризуется отрицательно».

Я поинтересовался у следователя: «А что же плохого увидел участковый в моём поведении?» Тот пожал плечами: «Я же запрос для уголовного дела отправил. Вот если бы к представлению на медаль, тогда ответ был бы другим».

Следователи зачастую очень халатны и допускают небрежности. Обнаружив в своём деле нарушения, не кричите об этом во всеуслышание. Иначе следователь исправит оплошность, и у вас будет меньше козырей. Ознакомившись с делом, ждите, когда в камеру принесут уведомление, что оно направлено в суд, то есть ушло от следователя. И вот тогда составьте жалобу председателю суда об обнаруженных нарушениях.

Заранее позаботьтесь, передав через адвоката или позвонив по сотовому (в некоторых камерах они имеются) родным, чтобы свидетели, говорящие в вашу пользу, явились в судебное заседание. По закону их должны вызвать. Ибо только показания, данные лично, являются доказательством. Но явка в суды по стране крайне низка, так что же их (суды) не проводить, что ли? Пленум Верховного суда РФ разрешает судам на местах, посоветовавшись, оглашать показания, данные на предварительном следствии. То есть не приглашать свидетелей, которые не явились по повестке.

Тем более позаботьтесь о явке тех, кто не фигурирует в обвинительном заключении. Если заявите ходатайство о вызове уже в зале суда, к этой просьбе могут не прислушаться.

Вообще — настройтесь на беспредел и нарушение судом всех ваших представлений о законах.

А судьи что?

Определите линию своего поведения. Если с первого дня были полностью «в сознанке» — не спорьте по мелочам, изображайте раскаяние. Если пребываете «в отказе» — не хамите, не давайте выхода эмоциям.

Когда спросят — отвечайте чётко. Не орите с места, услышав явный оговор, — могут удалить из зала суда и продолжить заседание без вас. Участвуйте в прениях. В последнем слове ещё раз подчеркните все несоответствия и нарушения. Не надо только, озлобившись, понтоваться и заявлять типа: «Жопа есть, отсижу», или: «Ваша честь, надуйте меня в член и запустите в космос!» Добавят пару лет за неуважение к суду.

Только не думайте, что всё так уж серьёзно. Судьи выполняют опостылевшую работу, им важно скорее от вас избавиться. Понравитесь — дадут срок поменьше. Не понравитесь — на всю катушку.

Помню, был у нас случай: троих из нашего коллектива замели на краже. У всех висел условный срок. Естественно, их закрыли в СИЗО. По любым раскладам — надо сушить сухари и ехать на зону.

У меня был знакомый ди-джей. Как-то помог ему выгодно продать машину, подстраховал, чтобы не кинули. Его жена работала секретарём в том суде, где должно было слушаться дело моих приятелей. Подъехал к ней, говорю: «Маша, нельзя ли дать судье взятку, чтобы не был суров?» Она возражает: «Мы тебе и так обязаны, я скажу Его чести, и ребята получают по два года условно». Так и вышло.

Судья тоже человек. Ему важно, кто ваши родные. Присутствуют ли они, переживая за вас. Дорогой ли нанят адвокат. Ведь если в уголовном деле много процессуальных нарушений, и он вынесет приговор, близкие осуждённого не успокоятся, и посыплется жалобы во все инстанции. Это если они богаты. Ну а пролетариев чего бояться! Они привыкли, что их बारे судят, как левая нога захочет. Чего церемониться с забитым быдлом?.. Тем более что закон разрешает выносить приговоры, руководствуясь внутренним убеждением судьи. А у них убеждение одно: раз угодил на скамью подсудимых — значит, виновен. К тому же всё вершит один судья — тот, что посередине. По бокам — народные заседатели (уголовники называют их «кивалы»). У них и юридического образования нет. Это учителя, рабочие с заводов и прочий разночинный люд. Как им скажут, так они и сделают. Иначе от такой «кормушки» могут к себе на предприятие вернуться. А здесь они всё же долю от конфиската имеют.

Часто человека судят не столько за противоправные действия, сколько по прокурорской папке. Это такой «конduit», где менты собрали оперативные сведения, которые не имеют доказательств, но приписываются вам. «Его честь» с ней ознакомится и настраивается к вам отрицательно.

У всех судей, которых я видел, мне показалось, были смещены моральные ценности. Наглядно это продемонстрировала передача Познера. В ней принимали участие юристы. Каждый гнал своё — о трудностях в работе. Выступил адвокат, рассказал, в частности, что его подзащитная загорала в стороне от пляжа. На неё напал маньяк, пытался изнасиловать. Женщина оказалась сильная и, защищаясь, его задушила. Сейчас она арестована и находится в СИЗО.

Следом выступил молодой судья и на всю страну заявил: «Совершенно справедливо женщину посадили. Возможно, у насильника не было умысла лишить её жизни. Здесь оборона не равнозначна нападению». Бедная Россия, где такие законы и такие ненормальные люди решают судьбы граждан!.. А ведь судей сейчас назначают пожизненно. Раньше они хоть компартию боялись. Теперь — полная независимость. Если только вышестоящая

коллегия не приструнит. Но ворон ворону глаз не выклюет. За ними даже надзор милиции невозможен: запрещено следить, вести оперативную работу. В общем, делай что хочешь!..

Самый убедительный пример, как у нас расследуют преступления и судят, это когда вместо меня в зоне оказался незнакомый парень. Об этом можно рассказать, так как прошло немало лет.

Был у меня хороший наводчик. Как-то он рассказал мне про свою родственницу — она ему доверяла, и он знал, где в её квартире спрятаны ценности. Ну, я их и изъял. Потом узнаю от наводчика следующее. Его родственница владела фирмой. Накануне кражи поссорилась с молодым любовником. Он в сердцах при свидетелях ляпнул, что она нищей останется. На его беду, он тоже знал о тайнике и имел запасные ключи. Потерпевшая сразу обратилась в УБОП, который её «крышевал»: парня взяли в оборот и посадили в СИЗО. Из интереса я сходил к нему на суд. Он пребывал в отказе, но судья ничего не слушал. Самый замечательный аргумент «Его чести» был таким: «До этого я судил (называет фамилию известного бандита), у него нашли помповое ружьё. У вас, подсудимый, тоже нашли помповое ружьё (зарегистрированное). Значит, вы одна банда!» И сколько парень ни кричал о своей невинности, что он не знает бандита и любовницу не обворовывал, ему дали пять лет общего режима.

Жалобная лотерея

Получили срок — не отчаивайтесь. После получения приговора быстро напишите кассационную жалобу.

Ознакомьтесь с материалами судебного заседания. Получите их копию. Не удивляйтесь, если обнаружите много несоответствий и пропусков.

Даже приехав в зону, пишите надзорные жалобы. Это как лотерея. При массе нарушений процессуальных норм могут всё оставить без изменений. А могут при соблюдении всех формальностей скинуть срок.

Только при составлении жалоб не указывайте что при рассмотрении дела поверили не вам, а потерпевшему или свидетелю. Поймите: если первый суд признал какие-либо доказательства достоверными, то вышестоящий суд не только не может, но и не вправе подвергать их сомнению. Все доводы, влекущие изменение или отмену приговора, носят формальный, а не сущностный характер. В общем, не заморачивайтесь, доверьте это дело юристам-зэкам — они есть в каждой колонии.

Убывая на этап, возьмите с собой пластиковую бутылку с водой, чаем (могут не давать пить) и пустую. Порой ехать приходится несколько суток, а в туалет водят два раза в день. Будете мочиться в бутылку и на оправке выливать.

Глава 3. Ад для малолеток

СИЗО для несовершеннолетних. Прописка. Отмазки. Ритуалы

Ранее я уже писал, что жизнь за колючей проволокой похожа на сумасшедший дом. Но такого маразма, как на «малолетке», нет ни в одном дурдоме.

Хочу рассказать о так называемой «прописке». Это когда новичок приходит с воли в камеру, и его как бы тестируют, что он за «пассажир». Задают вопросы и за неправильный ответ со всей силы бьют кулаком в грудь. Если заранее не знать, как ответить (впрочем, даже если кое-что знать), придётся туго.

Итак, новичок в хате. Вечером, когда все движения в тюрьме закончены, около двери ставят на «шухер» пацана. «Блатной» камеры начинает «прописку». С правилами игры все ознакомлены. Вновь прибывшему предлагают: «В жопу дашь или мать продашь?» Боже

упаси с чем-нибудь согласиться — «отпетушат». Пока думаешь, бьют в грудь. Правильный ответ на эту подначку: «Жопа не ебётся, мать не продаётся». Подобных загадок много. Отгадки — такие же идиотские.

Например: «Кто тебе в камере мама и папа?» — «Мама — кормушка (окошечко в двери), она меня кормит. Папа — шнифт (глазок в двери), он за мной смотрит».

«У длинного (вариантов несколько: горбатого, рыжего) в рот возьмёшь?» Надо знать, что имеется в виду водопроводный кран. Ответ типа: «Воду пить буду».

«Кто в „хате“ хозяин?» — «Паук, он всегда здесь живёт».

«Море спермы, лес хуёв, куда падать будешь?» — «В каждом море есть остров, а в лесу поляна».

Дают веник: «Сыграй нам что-нибудь». Надо кинуть его обратно со словами: «Настрой — сыграю».

«Жопу за ботинки (тапки) поставишь?» Вопрос подразумевает, что жопа за тапками стоит во время испражнения, когда ты присел. Если ответишь просто «Нет», не дадут пользоваться туалетом. Обделаешься — «опустят».

Рисуют на стене мента: «Ударь его». Надо сказать: «Пусть первый заведётся».

Рисуют футбольные ворота, за штангой — мяч. «Загони мяч в ворота, будешь блатным». «Отмазка» (ответ): «Я зэк, а не футболист».

Хорошо ещё, если знаешь ответ, — бьют не до бесконечности, а раз десять, двадцать.

Таких подначек много, и в каждой тюрьме они разные. Так что грудь «экзаменуемому» всё равно отобьют до огромной опухоли, и лёгкие будут хлюпать. Нельзя заплакать. Издевательство в любой момент можно остановить, отказавшись от «прописки». Тогда одна дорога — в «петушатник».

Завязывают глаза. Надо прыгнуть вниз головой со второго яруса нар на кафельный пол. Испытуемый думает, что он покалечится, и отказывается. Но если прыгнет, его поймут на растянутое сокамерниками одеяло.

Во время такой экзекуции проверяется не сообразительность, а дух новичка. Смотрят, как он терпит боль, не станет ли жаловаться ментам. Если стойко выдержат посвящение в арестанты и потом не «тормозить», будешь нормально жить. «Тормозам» в неволе плохо.

Я уже упоминал, что у зэков практически не бывает серьёзных разговоров. Сплошные — «ха-ха и хи-хи». Но у малолеток шутки над тугодумами бывают жестокими. Раз предложили они одному тупому «петуху»: «Хочешь обратно стать путёвым пацаном?» Тот просиял с надеждой: «А можно?» Ему объяснили: «Конечно, есть один ритуал — очищение огнём. Тебе осквернили задницу. Закапаем „шоколадный глаз“ (анус) расплавленным полиэтиленом, и станешь чистым, даже в блатной мир сможешь выбиться. У нас тридцать три „масти“ („касты“), ты — низшая. Капнем тебе на „очко“ тридцать два раза, будешь пацаном». Обиженный очень боялся боли, но ежедневные побои и унижения сделали его жизнь непереносимой. Ему было всего четырнадцать лет, ещё и природа ума не дала. Он согласился пройти процедуру очищения. Его голышом связали, положили на живот. Заткнули рот, чтобы заглушить вопли. Подожгли полиэтиленовый пакет и закапали бедолаге в зад ровно тридцать две горящих капли.

Не знаю, как он не сошёл с ума. После экзекуции несчастный, конечно, попал в больницу. Причём никого из садистов не выдал. Самое печальное, что все его страдания оказались напрасными — над ним, естественно, подшутили: в неволе из «пидоров» обратной дороги нет.

Не все малолетки жестоки. Во время мучений сокамерника многим жалко истязаемого. Но нельзя проявить сочувствие, чтобы самому не превратиться в жертву. Часто сказывается как бы своеобразное мщенье: раз со мной так жестоко поступали, пусть и другим достанется. Есть, конечно, типы, с детства страдающие патологиями — они ещё до школы кошек пытали. Срабатывает также стадное чувство, боязнь показаться слабым (добрым), не таким, как все. Ещё у несовершеннолетних (в отличие от взрослых зэков) лидерами обычно становятся не из-за умной и хитрой головы, а из-за большой физической силы, не подкреплённой

интеллектом. Вот и происходят всякие маразмы, потому что как вожак решил, так и будет. А разумные пацаны не имеют слова. Хорошо, если начинания пахана достаточно безобидны. Например, все поели, надо сдать баландеру посуду. Но главшпан кидает миску на пол и объявляет: «Кто подаст „шлёмку“ в „кормушку“, тот пидор». И хоть сколько кричит надзиратель с галеры, чем ни грозит, никто в камере до «шлёмок» не дотронется. Потом придёт корпусной с нарядом, откроют дверь, всех избьют, дежурного малолетку посадят в карцер. И только тогда заберут посуду. Хуже бывает, когда главарь решает (как не один раз бывало) взять заложников, потребовать денег, машину, оружие. Сразу все тоже хотят бежать (хотя многим эта затея не по душе) и начинают точить черенки от ложек. По пути на прогулку приставляют заточки к шее сотрудницы и чего-то там требуют. Заодно всю её ощупают и накончат в штаны. Заканчивается такой захват плачевно и одинаково. Малолеток обезвреживает охрана изолятора. Одним добавят срок, других избьют и для начала посадят в штрафной изолятор.

Несовершеннолетние арестанты имеют право ненавидеть охранников. Взрослые эки хоть и бесправны, но могут дать отпор администрации. Ту же жалобу напишут куда надо и как надо. Малолетки из-за возрастной ограниченности ума не могут по-людски протестовать и жаловаться на беспредел. Сотрудники их избивают. И как пареньку не озлобиться, если, к примеру, у него умирает близкий родственник, а его не только не отпустят на похороны, но ещё на полгода в личном деле красную полосу поставят: «Склонен к побегу». В колонии он будет каждые два часа бегать в дежурку расписываться в специальном журнале. В СИЗО будут строже следить за камерой, где такой бедолага находится. Мало того что следят сотрудники, так ещё и взросляки, они же и стучат. Про них я писал ранее, рассказывал, как их самих бьют.

Встречаются и другие расклады. Бывает, вся хата оказывается во власти взросляка. Знаю случаи, когда такие «вспомогалы» насильовали всех обитателей хаты и, грозя разоблачением, делали это регулярно, прививая пагубные наклонности.

Я считаю, что надо менять законы. Содержать четырнадцатилетнего пацана в таких условиях — само по себе преступление. Ведь эта система калечит психику и зрелым мужикам. Не говоря уже о том, что подросток останется недоучкой — следствие и суд тянутся очень долго, а вечерние школы в колониях ущербны.

К тому же пацаны не всегда осознают, что совершают преступление. Они привыкли, что если с друзьями до четырнадцати лет отнимут у других ребят мелочь, то за это их всего лишь поругают в школе и дома. И вот после очередного дня рождения такое же действие квалифицируется уже как грабёж. Слишком рано и резко мы помещаем детей в тюрьму — они же не только несовершеннолетние, но в силу возраста ещё пока «несовершенноумные».

Зона для несовершеннолетних. Масти, обычаи, раскрутка

Прибывает этап. Новеньких помещают в отдельный, изолированный барак — карантин. Все строятся в коридоре. В каптёрке сотрудники проводят обыск. Присутствуют банщик, санитар, завхоз карантина. Зона «красная», так что — это блатные эки. Пока шмонают этап, троица высматривает и отбирает у прибывших хорошие вещи. После — баня, медицинский осмотр, анализы. Карантин продолжается четырнадцать дней. Завхоз учит всех маршировать строем с песней, заставляет наизусть выучить правила поведения. Вызывает осуждённых по одному на беседу. Начинает издали. Чем на воле занимался? За какие преступления сел? За всё ли ответил?.. Потом, если видит слабину, заставляет рассказывать о совершённых ранее правонарушениях. Побоями выбивает признания и вынуждает силой писать явки с повинной.

В колонию попадают пацаны с четырнадцатилетнего возраста. А активисты сидят до двадцати. Представьте, как здоровый завхоз прессует мальчишек. Многие не выдерживают, «колются» и пишут расклады на себя и подельников. Позже их увозят обратно в СИЗО на «раскрутку»⁸. Возвращаются они с дополнительными сроками.

⁸ Раскрутка — в момент отбывания срока совершение нового преступления.

Кстати, помните, я упоминал, что несовершеннолетних запрещено вербовать, привлекать в качестве стукачей? Зоновские опера постоянно нарушают эти правила. Впрочем, официально на них работают только оставленные после восемнадцатилетия помощники администрации.

Сотрудники угнетают и запугивают осуждённых руками таких же зэков.

Перед переводом в отряд с новичками беседует воспитатель — сотрудник. Спрашивает о профессиях, где хочешь работать. Выбирать, по сути, не из чего. Труд тяжёлый и низкооплачиваемый. В отрядах по двести человек. Каждая бригада — двадцать пять человек, живёт в отдельной спальной секции. Бригадир укажет спальное место. На первых порах новичка закрепят за опытным зэком, чтобы он объяснил нравы и обычаи колонии. В отряде всем заправляют завхоз, бригадиры и прочие активисты. Они следят за порядком. Щемят неугодных администрации и лично им. Отнимают посылки и передачи, оставшиеся хорошие вещи.

Распорядок дня таков. В 6.30 — подъём. Физзарядка. По очереди — уборка. Санитар проверяет чистоту полов. Берёт любую подушку, проводит по линолеуму. Если грязная — изобьёт дужкой от кровати. Дальше зэки моются сами. Заправляют идеально одинаково постели. Больше до отбоя в спальную секцию не войти.

В восемь часов — поверка. Она проводится каждые два часа. Строем следуют на завтрак. В столовой встают у своих столов. Воспитатель командует: «Сесть, приступить к раздаче и приёму пищи». Своим подхалимам даёт лишнюю пайку хлеба. Кормят плохо. Активисты почти не едят — пьют чай. Они отнимают передачи и сытно питаются в отряде. Воспитатель ориентируется по ним. Командует: «Сдать посуду». Многие не успевают доесть свои пайки, хотя порции маленькие. Продукты некачественные. Правда, когда приезжает прокурор или комиссия, кормят хорошо. Отпускают всех из карцеров, у нас, мол, нарушителей нет. Жаловаться проверяющим боятся: они уедут, а заявитель останется.

После завтрака — выход на работу, на промзону. В четырнадцать часов — съём с работы. Обед. Потом школа до семнадцати тридцати. Строем идут в отряд, сидят в ПВР (комната политико-воспитательной работы). В девятнадцать часов — ужин. После — лекция. В 21.00 — просмотр программы «Время». Потом прогулка строем с песнями. Дальше — уборка. Подготовка ко сну. 22.30 — отбой. За целый день времени свободного нет. Очень устаёшь к вечеру. От такой жизни дуреешь. Постоянно тянет спать. Но если днём тебе сделали замечание (плохо работал, учился, плохо себя вёл), не уснёшь. Активисты сильно изобьют. Так поддерживается дисциплина. Администрация это поощряет. Стукачи за лишнюю пайку стараются, часто даже придумывают тебе нарушение. Скажут, что у тебя был конфликт или что плохо трудился. Ничего не докажешь, будут бить. Отомстить нельзя. Посадят в карцер или, если тронул активиста, добавят срок.

Такая же участь ждёт, если партнёров застукают за гомосексуальным актом. Под давлением сотрудников «пассивный» пишет заявление. «Активный» едет на раскрутку. Обычно любовью занимаются по ночам. Активист с нижней шконки велит обитателю второго яруса временно перебраться с матрасом на место «обиженного». «Петух» идёт в проход к активисту. Если во время секса в секцию заглянут сотрудники (считать зэков по головам), достаточно быстро лечь на свободную шконку — не надо далеко бежать.

Обратите внимание на этот маразм: если днём ты просто дотронешься до «петуха», то «оформишься» (опустишься). Ночью же не в падлу лежать с ним в одной постели.

Сильно наказывают за свежие наколки. Нередко заставляют выжигать их марганцовкой.

При такой тяжёлой жизни арестанты добавляют себе трудностей нелепыми обычаями. Зэки постоянно живут в напряжении. Ведь в любой момент могут «опустить».

На «малолетке» много «мастей» (каст). Каждый зэк знает своё место. Подняться в высшую масть можно только из первых четырёх. 1) «Блатные», 2) «Приблатнённые», 3) «Третий стол», 4) «Пацаны», 5) «Форшмаки» (допустившие проступок по незнанию), 6) «Черти» (ворующие у своих), 7) «Нехватчики» («опустившиеся на кишке»), 8) «Прачки»

(думаю, ясно), 9) «Шныри» (слуги), 10) «Козлы» (стукачи), 11) «Маслобойщики» (дрочат член другим), 12) «Петухи» (пассивные гомосексуалисты).

В каждой колонии для несовершеннолетних насчёт каст свои названия и порядки.

Выше я упоминал, что можно «опуститься» в любой момент. На малолетке западло делать многие вещи. Например, сходил в туалет и не помыл руки. Докурил после низшей масти — сам такой станешь. Нельзя поднимать упавшие предметы. Особенно зубную щётку, сигареты, в бане — мыло. Нормальным экам в падлу есть чёрный хлеб с чаем. Тем более всухомятку. Также «опустишься», если заштопаешь себе носки. «Опустить» может воспитатель — за нарушение дисциплины переложит с приличного спального места к «чертям» у выхода или к «моченикам», которые писаются.

Могут блатные трахнуть, придравшись к словам. В этой зоне, кстати, в бане мылись двумя мочалками: одна — до пояса, другая — ниже. Нельзя ошибиться и назвать вафельное полотенце — «вафельным» («вафел» — делает минет). Надо говорить: «полотенце в клеточку». Даже во сне нельзя расслабиться. Опустишь с кровати руку ниже локтя — окрестят «чертилой».

В наше время маразма стало чуть меньше. Но совсем недавно идиотизм доходил до крайностей. До 1991 года заключённые отрицательно относились к советской власти. «Комсомолец», «коммунист» среди эков означали ругательства. Власть была красная, и малолетки не признавали этот цвет. Нельзя было курить «Приму», потому что пачка красная. Даже если мать на свидание приезжала в красной кофте, сын отказывался от встречи. Потом переживал, конечно, но не показывал вида. Эти понятия исчезли после смены режима в стране.

Кое-где у несовершеннолетних ещё в ходу нелепые обычаи, касающиеся некоторых предметов, особенно еды. Даже существует целый свод правил-одностишей. («Сало, масло — западло. Колбаса — на член похожа. Сыр — мандятиной воняет. Курицу — петух топтал. Хлеб — растили коммунисты. По картошке — мент топтался. Воду — рыбы обоссали».) И так далее на все продукты питания. Это, конечно, скорее, шутка. Но в описанной выше колонии малолетки не едят ячневую кашу: сечка считается петушиной пищей. И не употребляют капусту, капуста — козлиная пища.

Тяжелее всех приходится тем кастам, которые принадлежат к «высшему свету». Те, кто ниже «пацанов», — опущенные. Тронь их — побегут жаловаться, даже в штаб, минуя активистов своего отряда. Только «пацаны», чтобы не прослыть «ломовыми» (ябедами) и не потерять лицо, терпят издевательства. С низшими мастями опасаются связываться из-за их мстительности. Ведь им терять нечего. Они и пакостят. Можешь, обидев такого вечером, проснуться утром с «прокачкой» (вантузом для пробивки унитазов). Этого достаточно для перевода в «обиженку». Или кинут половой тряпкой в лицо.

Естественно, такое не касается активистов. Строптивых, покусившихся на авторитет актива, избьют и могут макнуть головой в унитаз.

Из-за таких порядков весь спецконтингент постоянно живёт в напряжении. Малолетки зарабатывают неврозы и психозы.

Странно одно: зоны для несовершеннолетних называются воспитательными колониями. Неужели администрация этих учреждений, создавая подопечным такие условия существования, надеется, что способствует их перевоспитанию?

Глава 4. Зона — школа выживания

В «блатные» и «смотрящие» лучше не лезть!

Как вести себя за решёткой — тут универсальных советов нет. Как ни банально звучит, многое зависит только от вас.

Подъезжая к зоне, помните, что в России больше нет тех профессиональных преступников, которых вы видели по телевизору. Не очень важно, в какую колонию вы прибыли. Ведите себя как мужчина и будете жить нормально.

Посидев на всяких «командировках», скажу, что мне даже нравятся «махновские» зоны. Да, с одной стороны, там творится страшный беспредел, а с другой — хорошо себя чувствуют нормальные люди, а не говоруны и приспособленцы.

Так же, как и «прописка» у малолеток, беспредел — не такая уж глупая штука. В «махновской» зоне вас жёстко избивают в карантине зэки. Но ведь и побои можно снести достойно — не скулить, не молить о пощаде, не ломиться потом жаловаться ментам. Тогда отстанут. Дадите слабину — будут прессовать весь срок. Такой «естественный отбор» в чём-то даже справедлив.

Но, допустим, вы едете в обыкновенную колонию (они сейчас все смешанные: на «чёрных» хватает «красноты», на «красных» — «черноты»).

Во-первых, сразу усвойте, что исправительно-трудовые учреждения — это деревня. Пусть в ней все зэки — горожане, но от ограниченности пространства и общения они уподобляются деревенским жителям в худших их проявлениях. Привыкают сплетничать, жить мелочами, стремиться всё знать про соседей. Многие осуждённые перестают соблюдать этикет, приличия, гигиену.

Так что встретите в зоне хорошего знакомого по воле, помните, что он был хорошим именно на воле. Здесь среда обитания заставляет человека выживать. Будьте осторожны: неизвестно, какая гниль из него пойдёт.

Прибыв в колонию, я лучшего друга юности встретил, который там отсидел уже два года. Пока был в карантине, дал ему свои вещи на сохранение, а он, чтобы «с члена соскочить» и с карточными долгами рассчитаться, их продал. Потом напрочь отказывался, что я ему что-то давал...

При встрече со знакомым сошлитесь на плохое самочувствие и пообещайте, что пообщаетесь позже. За короткое время точно узнаете, сколько «косяков он впорол» (совершил гадких поступков) за время срока.

Пишу это в расчёте на нормальных людей. Так что будем считать, ваша цель — освободиться досрочно.

Для этого лучше всего устроиться работать на промзону. Только не на должность бригадира, кладовщика, коменданта, а простым тружеником. И спокойно живите. Не конфликтуйте с ментами и зэками. Не становитесь передовиком, нужным администрации. Иначе в суд на условно-досрочное освобождение вам даже характеристику прекрасную напишут, чтобы отношения не портить, а сами судью попросят, и тот не отпустит. А сотрудники будут лицемерно вздыхать и всячески вам сочувствовать...

С работой не торопитесь. Срок большой: главное — не ошибиться. Должность завхоза отряда, заведующего столовой, баней, клубом, нарядчика, активиста секций занимать не советуется. Зэки их не любят, да и менты порядком «достаю».

В «блатные» и «смотрящие» тоже лучше не лезть. Нет, если вы на воле ошивались по «хазам» и «малинам», играли в карты и душой болеете за уголовный мир, тогда, конечно, идите в «смотрящие». Но эта группировка тоже жестоко наказывает своих за проступки или слабину — поломать могут. А сотрудники, хоть и пользуются такими, но досрочно не отпускают.

Остальные советы, не зная человека, давать сложно. В одной голодной зоне кто-то на помойке питается, спит в переполненной грязной секции на пятом ярусе под потолком. В то же время на промзоне у другого зэка есть кабинет с городским телефоном, спальня, оранжерея, спортзал, душ, а еду ему доставляют из ресторана.

Или в «красной» зоне менты избили весь карантин, а со мной с первого дня на «вы» общались.

Встречались мне в колонии барыги, чей ежемесячный доход составлял несколько тысяч долларов, а на воле они от голода пухли.

Бывает, что авторитеты за решёткой имеют власть, несколько слуг (не самых глупых эзков), по одному их слову решаются судьбы, жизнь и смерть арестантов, а на свободе они в канаве валяются и на них собаки ссут. Так что в неволе только от вас зависит, кем и как вы будете жить.

Как общаться с вертухаями

Теперь поговорим про сотрудников в колонии. Ни в чём не верьте им, особенно офицерскому составу. За все годы, проведённые за решёткой, видел сотни «граждан начальников», и у меня сложилось стойкое впечатление, что их в специальных учебных заведениях учат врать осуждённым. Чтобы добиться сиюминутной выгоды, чтобы ээк сделал как им надо или отстал от них, они дают обещания, легко клянутся погонями. Так что к сотрудникам пенитенциарной системы (и МВД тоже) надо относиться как к радио, — их можно послушать, но нельзя с них спросить.

В зоне, по моему мнению, работают очень непорядочные люди: начальник, заместитель начальника по безопасности и оперативной работе (то есть глава двух отделов — безопасности и оперативного), у каждого из них есть свои начальники, заместители, старшие и простые сотрудники. Дальше — заместитель начальника по кадрам и воспитательной работе. К воспитательному отделу относятся начальники отрядов. Потом — заместитель по тылу (хозяйственник) со своим штатом, спецотдел, психологи, социологи, медики.

В исправительной системе практикуется старый испытанный метод «разделяй и властвуй». Начальник колонии и его зам по БОР имеют разную «крышу» в Управлении исполнения наказаний и стучат друг на друга. В свою очередь, на них и своих коллег «сливают» информацию в управу другие замы, начальники отделов и их подчинённые. Так что хоть менты и делают общее дело, но между собой они тихо враждуют. Межвидовая борьба!

В зоне не всегда доминирует «хозяин». По должности он главный, но если у него стали слабоваты «крыша» и собственная голова, то власть может перейти в руки к любому хваткому заместителю.

Теперь что касается написания жалоб. Не советую писать их на сотрудников колонии. Положим, вы чем-то недовольны, с вами поступили несправедливо, и вы «накатали» телегу Президенту РФ. В любом случае его представитель для встречи с вами не приедет. По закону, конечно, запрещено спускать жалобы для рассмотрения в ту инстанцию, на которую жалуются. Но вам ответят из Москвы, что дело взято на контроль, о результатах проверки вам сообщат. С вами встретится сотрудник местного управления (УИН) или прокуратуры. Они годами покрывают нарушения в этой зоне, «кормятся» за счёт неё, получают взятки, ширпотреб. Ворон ворону глаз не выклюет!

Однажды я и несколько эзков, доведённые до отчаянья беспределом начальства, написали много жалоб в Генпрокуратуру и уполномоченному по правам человека. Позвонил я знакомым журналистам в редакцию известного журнала. Они перезвонили в местное управление исполнения наказаний. Подключились и наши родные.

Приехали к нам для проверки местные прокурорщики, управленцы. Пятеро осуждённых подали заявления, что их избил начальник учреждения — огромный истеричный хохол. Поломал им рёбра, челюсти. Были и свидетели избиений. Также мы написали, что дежурный майор запинал насмерть в ШИЗО осуждённого.

Началась свистопляска — эзков, подавших заявления об избиении, вызвали сотрудники управления. Уговаривали: «Напиши, что претензий не имеешь. Клянёмся — первым судом пойдёшь на УДО!..» Пугали, давили через блатных. Со свидетелями поступили иезуитски. Прокурор по надзору спрашивает: «Сколько раз начальник ударил осуждённого?» Очевидец говорит под протокол: «Раз пять-шесть». Прокурор пишет: «5». Спрашивает другого, ответ тот же, но прокурор пишет: «6». Потом делает вывод: «Показания не совпадают. Значит, ложны».

Что касается убийства, то зампрокурора с бегающими глазками (живущий в огромном коттедже, ездивший на дорогом джипе и купивший дочке квартиру в Москве) говорит мне: «Зря вы утверждаете, что осуждённого убили. Вот заключение экспертизы». Читаю: «Умер от удара тупым предметом». Прокурор спрашивает: «А где вы видели в карцере тупые предметы?» Говорю: «Кулак и сапог ментов». — «Нет, — возражает он, — осуждённого уже посадили в ШИЗО с гематомой, он пьяный изувечился до этого. Но мы накажем врача, который не обратил на это внимание, понизим его в должности».

Кстати, никакой врач эков перед водворением в «трьом» не осматривал. Все бумаги составили задним числом.

В общем, кого из заявителей уговорили посулами (после гноили в СУСе), кого запугали. Меня месяц, пока работала комиссия, прятали в полной изоляции в одиночной камере на пересылке, в соседнем городе.

После вручили отписку из Москвы, что проверка нашу жалобу не подтвердила. Посидел я ещё в ШИЗО пару месяцев, и перевели меня в другое учреждение этого же Управления. Там «хозяин» прямо сказал: «Будешь писать, скажу блатным — зарежут или срок тебе „наболтаем“». В то же время выделил мне хорошее, отдельное помещение для жилья. Разрешил открыть спортзал. Даже закрыл глаза, когда я там экам начал бокс преподавать и устраивать жёсткие спарринги. Жил я прекрасно, по зонамским меркам, но вот на УДО меня не отпустили. Мог бы при шестилетнем сроке три года не досидеть, но характеристику плохую написали. «Чалился звонком». Я ещё дешёво отделался, другие (у кого не было связей в прессе) пострадали больше.

Жалуйтесь, только если совсем невомогуту. Бывает, конечно, сотрудников и с должностей снимают и сажают. Это если в Управлении к власти пришла новая группировка, а он к старой принадлежит, на которую любой компромат используют.

Ещё лучше, прежде чем писать, посмотрите на других эков. Если они не «кипишут»⁹, значит, всё не так уж плохо. Вам по неопытности может показаться, что в колонии — концлагерь, типа Освенцима или Дахау. Но другим осуждённым есть с чем сравнить, и они видят, что тут ещё более-менее нормально. Почему же вы хотите что-то исправить, не считаясь с соседями по несчастью?

И помните: вы не на курорт приехали, где-то менты и должны вас тиранить, режим наворачивать, чтобы экам жизнь мёдом не казалась.

Теперь, что касается жалоб на несправедливый приговор. Сотрудникам до них нет дела. С момента ареста не потеряйте ни одного документа, вручённого под расписку. Сохраняйте все ответы кассационных и надзорных судов, приговоры — их надо прикладывать к жалобам.

Ранее я упоминал, что «надзорки» — это лотерея. Переписывался я с крутым адвокатом из Москвы. Он помогал мне составлять заявления в суд и прокуратуру. Три года никакого толка. Потом я сам от скуки настроил в Генпрокуратуру, что всего лишь не согласен с иском. Дело взяли на контроль, передали в суд, а в итоге — аннулировали иск, погасили прошлые судимости и снизили срок. Просто повезло. Так что иной раз простая, безграмотная бумажка имеет больше толка, чем писанина именитого юриста.

Кстати, международные правозащитные организации и суды не признают законными наши надзорные суды, куда вас не вызывают, а только присылают ответ. Так что после «каساتки» можно смело подавать в международный суд. Но знайте, что Россия подписала, конечно, обязательства выполнять решения Международных судов, но последние не могут спорить с уголовным кодексом другой страны. Там рассматривают дела в том случае, если к вам применили пытки на следствии или в зоне, и вы это сможете доказать. Но как доказать, что вас в ИВС били?..

Так что пишите внутри страны — по инстанциям судов и прокуратуры. В конце я приведу адреса, куда можно отправлять «надзорки» и «телеги» на сотрудников, вдруг достанут.

9 Кипиш — скандал, бунт.

Как зэки себя удовлетворяют

Издавна народная молва и песни, а сейчас нередко средства массовой информации и писатели детективов идеализируют обитателей зон и тюрем. Их воображение, оторванное от реальности, рисует им этакий романтический образ сидельца — благородный разбойник с замашками Робин Гуда. Сам я провёл за решёткой двенадцать лет и утверждаю, что за колючую проволоку (за редчайшим исключением) попадают не лучшие представители человечества. Все рассказы про воровские понятия — красивые сказки. В неволе очень немногие могут жить сносно. Сильные и хитрые подавляют слабых и туповатых. Особенно трудно первоходам — они не знают нравов тюрьмы и нередко попадают впросак не по собственной глупости, а потому что не догадываются об обычаях и порядках, царящих в камерах. Иногда безобидные на первый взгляд слова по укоренившейся годами традиции таят в себе скрытый смысл.

В местах лишения свободы народ общается совсем иначе, чем на воле. Как я уже говорил, многие слова имеют другое значение. Из-за этого приходится следить за «базаром» и быть постоянно начеку. Иначе ты можешь невольно оскорбить собеседника или сам нарваться на грубость. Или поставить себя в смешное положение.

Все россияне, конечно, наслышаны, что означают среди засиженной братии выражения «козёл» и «петух».

Многие зэки — тонкие психологи, потому что годами очень тесно общаются с массой народа и видят, кого можно задевать, а кого нет. Задевать так, чтоб не поставили на место окружающие.

Морально слабого унижают скрытым смыслом прибаутки. Горе тому, кто не знает, как правильно ответить на враждебные выпады. Защита должна быть адекватной нападению. В каком-то случае надо посмеяться. В другом — ответить на грубость грубостью. В третьем — без промедления ударить остролова.

Простой пример. Один сокамерник говорит другому: «Сегодня видел сон, в нём ты меня от смерти спас. Идём мы по пустыне, меня змея укусила, а ты яд отсасывал. Змея-то меня в член цапнула». Или скажет: «Нравится мне в тебе одна черта. Та, что между булок (ягодиц) находится». Здесь, конечно, надо смотреть на личность собеседника — насколько он вам близок, как он котируется в зонавской иерархии. Или обратить всё в шутку, или дать по голове.

Особенно много прибауток у эзков направлено на обсуждение гомосексуальных тем. Зэки часто обмениваются шпильками в адрес друг друга. Не дай Бог, если ты в душе мыло уронил — нагнёшься за ним и тут же услышишь: «О, это он, наверное, специально сделал!»

Витают в воздухе стихи в том же духе. К примеру: «Лучше нет влагалища, чем очко товарища», «Кто кого поборет, тот того и порет», «Жили-были два Ивана, жили-были без девчат, завалил Иван Ивана, только яйца и торчат». Или: «Петуха „имел“ за баней. Журавли летели. Петух на хуй серанул — сапоги слетели».

Подобные «шедевры» можно перечислять часами. Арестанты вообще на серьёзные темы говорят только с очень близкими товарищами, «семейниками». С остальными перекидываются шуточками. Своеобразная защитная реакция от окружающего мира. Хотя близкие знакомые, имеющие авторитет, могут позволить по отношению к равным себе любые фразы, заодно бросая и вызов толпе. Один кричит: «О, тебя ещё не трахнули!» В ответ слышит: «Трахнуть-то трахнули, но доказать не могут».

Первое, на чём можно «опустить» новичка, не прибегая к беспределу, это азартные игры. Все наслышаны, что, попадая на нары, играть «на интерес» не стоит. И поэтому напрямую осторожному зэку делать ставки не предложат. Но вовлечь в игру можно так: «Давай сыграем, а то скучно». — «Я не хочу», — ответит вновь поступивший. «Да не бойсь, мы на просто так перекинемся». Если согласился и проиграешь — предъявят. Фраза «просто

так» означает «просто — в жопу», «так — в рот». Окружающие подтвердят, что это соответствует действительности.

Или садится играть новичок и засиженный урка. После одной партии урка предлагает: «Так неинтересно, давай на сигареты или спички играть, ставка — по одной». После очередного кона спрашивает: «Ну что, ещё по штуке?..» Выиграв, заявляет, что проигравший даёт одну штуку (тысячу) рублей или баксов. Такое, конечно, прокатывает с туповатыми, запуганными «чертями», но в тюрьмах их немало.

Есть опасность и в честных играх, если сразу не просчитаешь ситуацию. Предлагает сразиться в шахматы — двадцать партий. Ставка — сигарета, в случае ничьей — ставка удваивается. Предложение поступает от очень опытного игрока. Он делает двадцать ничьих. И если первый взнос — одна сигарета, то в конце цифра вырастает до 524288 штук. Геометрическая прогрессия!

Хотя при тех порядках, которые царят сейчас за решёткой, долги отдают немногие. Обычно бегут жаловаться операм. Те вызовут игровых и предупредят, чтобы не трогали проигравшего. Кому охота получить дополнительный срок, разобравшись с должником? Правда, с некоторых честных удаётся получить деньги, вещи. Бывает, родственники с воли помогают расплачиваться.

Ссоры, драки, убийства нередко случаются в камере из-за ерунды. Причины лежат на поверхности: девяносто процентов арестантов имеют психические отклонения. Нельзя не учитывать таких факторов, как постоянные стрессы, половое воздержание, перенаселённость. Отсюда — нервные срывы. Невинный спор может перерасти в поножовщину. За решёткой не редкость водка, брага, самогон.

Хотя ничего страшного в неволе нет. Сильные духом становятся только сильнее. Если психопаты заезжают, их состояние только ухудшается. Про таких я, кстати, говорю: они не нервные, а распущенные.

Выкидывая всевозможные фортели, такие психи выбирают, перед кем можно выпендриваться. Они ведь не станут прыгать, как настоящие больные, на более сильного или на автомат. Конечно, между нормой и психическим отклонением порой слишком тонкая грань. Как можно, к примеру, назвать человека нормальным, если он с ног до головы искололся татуировками или экспериментирует с половым членом, не только как я описывал ранее, но и совсем по-варварски. Например, ловят мышь, отрезают у неё уши. Делают два разреза на своей крайней плоти и пробуют вживлять туда мышинный орган слуха. Свято веря, что такое возможно. Всё нередко кончается нагноением и ампутацией мужского достоинства, длительным лечением.

Впрочем, многие только и мечтают попасть на больничную койку. Любым путём. Не секрет, что в зонах и тюрьмах жизнь тяжёлая. В больницах для экков нравы помягче. Кстати, вопреки общепринятому мнению, в этих заведениях нормально лечат и обращаются с пациентами. На фоне серых будней попасть в санчасть — как на курорт съездить. Но ведь для этого надо ещё ухитриться заболеть. Вот некоторые и занимаются членовредительством. На жаргоне — делают мастырку. Часто сдуру калечат себя. Способов (помимо манипуляций с пенисом) великое множество. Соскабливают с зубов налёт и загоняют под кожу руки или ноги. Вскоре начинается заражение. Бывает гангрена и как следствие — ампутация. К таким же печальным последствиям может привести действие, когда экк набирает шприц чужой слюны и вводит её в свою конечность. Чтобы вызвать высокую температуру, в вену загоняют холодную воду. Мастырщики «косят» на язву, принимая внутрь хлорку.

Иногда глотают «якорь»: затачивают оба конца булавки, разгибают её в другую сторону до упора (отпусти — спружинит), засовывают в половину карамельки, глотают. Желудочный сок разъедает конфету, и булавка возвращается в прежнее положение, впивается в стенки желудка. Естественно, неминуемы хирургическое вмешательство и инвалидность. Есть ещё много способов съехать на больницу, но вам они, конечно, неинтересны. Вы так делать не станете, даже за решёткой.

Расскажу лучше, как, кроме мастурбации и гомосексуализма, зэки себя удовлетворяют. Все, конечно, наслышаны, что в местах лишения свободы процветает педерастия. Но не всякому нравится иметь партнёра того же пола. И не всегда «петухи» доступны. В зоне их полно, а в тюрьме «обиженных» не обязательно содержат с «мужиками». Остаётся — мастурбация. Многие только так и снижают напряжение. Но есть среди заключённых и не очень брезгливые люди с извращённой фантазией. Для полового удовлетворения они используют весьма экзотические приёмы. В СИЗО раз в неделю камеры обходит медицинский работник. Спрашивает, кто чем болен, и может выдать немудрёное лекарство. Некоторые просят валерьянку. Применяют капли весьма своеобразно. По территории изолятора бегают много кошек. Зэк мажет валерьянкой гениталии, а кот их интенсивно лижет, пока извращенец не достигнет оргазма. Бедных животных используют и по-другому. Кота сажают в валенок или сапог вперёд головой, чтоб не царапался. Потом несчастное животное насилуют в задний проход. Само собой, шансов выжить после такой экзекуции у кота нет. Но подобное глумление над меньшими братьями — редкое исключение.

Самый извращённо-экслюзивный метод секс-разрядки следующий. Во многих камерах сейчас есть тазики для стирки. В таз садится голый зэк, чтобы из воды торчала его крайняя плоть. Поймав большую муху и оторвав у неё крылья, сажает её на головку пениса. Муха в воду не пойдёт, улететь не может, вот и носится как угорелая. Удовольствие в тюрьме — редкость, разрядка наступает быстро...

Таких случаев вообще единицы. Для этого надо, чтобы в камере одни скотопидоры собрались. Нормальные люди им так развлекаться не позволят.

Вернёмся ещё раз к разговору о беспределе. Вообще, кричать о нём и несправедливости глупо. Раз к вам на протяжении длительного времени плохо относятся, виноваты только вы. Почему иные зэки в шестьдесят килограммов весом ходят в авторитетах, а в то же время сильные двадцатикилограммовые парни ошиваются в «шестёрках»? В неволе, как и везде, всё в ваших руках. При коммунистах людям задурили голову лозунгами о всеобщем равенстве. До сих пор многие, поступая как подонки, являясь идиотами и лентяями, хотят жить хорошо и богато. За хорошую жизнь бороться надо. Обычно к человеку относятся так, как он позволяет к себе относиться. Конечно, есть редкие случаи, когда нарвёшься на отморожков, которые прессанут ради забавы. И всё равно они тиранят только слабых. Иногда удивляешься, как человек ломается в тюрьме. Опускается из-за собственной трусости. В беспредельных хатах и зонах есть старый прикол. Новичку с порога начинают задавать вопросы: кем живёшь, нет ли по жизни косяков (проступков)? Главное — нормально ответить, независимо держаться. Есть люди, начинающие сразу «вестись» (излишне нервничать). Таких начинают разводить, пугать, наезжать потихоньку. Спрашивают: чего это ты ведёшься, может, что-то за собой чувствуешь? Если новичок нелепо оправдывается, усиливают нажим: «Слушай, а может, ты пидор?» Порядочный арестант должен жёстко ответить за такое оскорбление. Трусы лепечут: «Нет, я не пидор». Их окончательно добивают: «Знаешь, мы в этом сомневаемся. Есть способ доказать, что ты не „петух“. Мы все здесь засиженные рецидивисты, постоянно трахаем педиков, кое в чём разбираемся. Покажи нам дырку в заднице, по её структуре мы поймём, „баловался“ ли ты „под хвост“ или нет». Находятся идиоты, снимающие штаны и раздвигающие ягодицы. Хотя можно без драки поставить «махновца» на место. Сказать, что легко проверить, трахаюсь я в попу или нет. Я сяду в таз с водой, а ты будешь мне в член дуть. Если у меня из жопы пузыри пойдут, значит, трахаюсь.

Вообще, давно известно: так, как вредят себе сами зэки, не навредят никакие менты. Последние только охраняют, а арестанты варятся в собственном соку. Да взять хотя бы ситуацию с теми же жалобами, когда кто-то кричит: «Меня сдали». Напрашивается вопрос: «Не от тебя ли узнали?» Закладывая человека, стукач ничего не выдумывает. Он всего лишь передаёт операм услышанное. Хотя ранее я про них рассказывал, но тема эта интересная, остановлюсь подробнее.

Как становятся стукачами

Стукачами не рождаются, ими становятся. Но всё же, чтобы доносить, нужно иметь особый склад характера. Только в дешёвых детективах умный сыщик ловит кого-то на чём-то противозаконном и предлагает альтернативу: или ты работаешь на меня, или садишься в тюрьму. И всё, потекла к оперу информация. Ерунда это, через некоторое время компромат устареет. К тому же порядочный человек выберет второе — тюрьму. Ну а если задержанный согласится «помогать» органам, то он уже готов был стать осведомителем. Его к этому просто подтолкнули. Опера, кстати, предлагают сотрудничать почти всем арестованным, но не все же дают согласие. Как правило, шантаж уместен лишь в том случае, если человек постоянно находится под контролем. Бывает, в следственных изоляторах оперативники вербуют насильников-малолеток. Мы, мол, скроем от сокамерников твою статью, посадим тебя к неопытным первоходам, а ты будешь докладывать: кто что говорит и у кого какие запрещённые предметы в камере. А поскольку насильника в случае отказа ожидают малоприятные (для кого как) манипуляции со сфинктером прямой кишки, то он принимает предложение. В основном же люди сами идут на контакт с администрацией. Кто-то — чтобы иметь курево и чай, другие — для свиданий с родными, третьи — потому что озлоблены на весь мир и по своей природе гнилой не могут не стучать. Продавшиеся операм за пачку курева и заварушку чая — самые примитивные и легко выкупаются. Обычно это неоднократно судимые зэки. Их подсаживают к неопытным первоходам. И рецидивисты, пользуясь у новичков дешёвым авторитетом, выступают в качестве советчика. Мало того что выпросят о преступлениях сокамерника, так ещё и явку с повинной порекомендуют написать, посулив, будто отпустят под подписку о невыезде.

Опера в тюрьме сажают по режиму. Первоходов, строгачей и особистов отдельно. Так что, если в камере все в первый раз судимые, а с ними сидит «засиженный» арестант с непогашенными судимостями, стоит насторожиться. Сексоты, описанные выше, с большим энтузиазмом продолжают стучать и после освобождения. А поскольку в силу ограниченных умственных способностей совершить крупное преступление они не могут, то промышляют по мелочам. Когда такой экземпляр попадает, опер, памятуя его былые заслуги, может «отмазать» своего человека.

Сложнее дело обстоит с так называемыми добровольцами. Они стучат потому, что презирают серую массу. Считают себя выше других. Их гложет зависть. В голове у них каша из чувства ложной справедливости и личной подлости. Такие, только чтобы получить возможность сделать кому-то плохо, доносят с вдохновением. Эта категория буквально горит на работе, только бы выведать у конкретного лица информацию. По просьбе опера они легко могут сесть в карцер с интересующим администрацию объектом. Случается, что интеллект у них мощней и вычислить их довольно трудно. Это в СИЗО.

В правильной («чёрной») зоне определить осведомителя не так сложно. Хотя его контакт с оперативником, само собой, происходит без свидетелей. И сексот всегда отопрётся, сказав, что вызывали за заказным письмом. Но всё-таки о «кумовских» все знают, но не связываются с ними. Бывает, конечно, если кто-то «спалился» по его доносу или по пьянке, осведомителей сильно избивают, «опускают», убивают, но нечасто. Кому охота лишний срок получить?

С другой стороны, законопослушным гражданам от стукачей только польза. Но их ненавидят в народе. Не последнюю роль здесь играет статус. Если ты милиционер и внедрился в банду, то ты герой-разведчик. А если без погон, то — фу, стукач-доноситель!

Впрочем, в России каждый второй — сексот. В зонах и тюрьмах более миллиона заключённых, не они же сами себя сдали. В «красных» колониях народ стучит поголовно, бегают в штаб наперегонки. Посмотрите, с каким энтузиазмом откликнулись наши люди на призыв властей после террористических актов сообщать о подозрительных соседях. Правда, власти потом сами не рады были. Ничего конкретного им не сообщили, но по сто звонков в

день одному участковому принимать приходилось: сосед на соседа косо взглянул и сразу попал в разряд подозрительных.

С другой стороны, когда человека сдают милиции, это расплата за его деятельность. Ведь не будут же без оснований доносить на нищего работягу. Дыма без огня не бывает, и если вами заинтересовалась карательная система, значит, вы что-то нарушили.

Как же уберечься от внимания ментов? Поменьше говорите, ведь на реплику «меня сдали» всегда можно спросить: «Не от тебя ли узнали?»

«Красная» зона. Беспредельная

Зона «красная» — общий или строгий режим. Как известно, в местах лишения свободы осуждённые не любят активистов (зэков-помощников администрации). Сотрудники их также презирают, но используют в своих целях, чтобы держать под контролем массы спецконтингента. К тому же активисты соглашались выполнять такие поручения, которые нормальный арестант никогда не сделает. Совсем наглеют всякие завхозы, председатели секций дисциплины и порядка и прочая «шерсть»¹⁰ в зонах, где начальство насаждает «красное движение». «Воровской ход» там под запретом. Вообще, там под запретом само сносное существование. Менты лично за порядком не следят, а только направляют и поддерживают своих приспешников. Те навязывают дисциплину, доводя её до маразма. Простые заключённые с подъёма до отбоя буквально не могут спокойно дышать. Есть целые регионы, где тысячи осуждённых деградируют под гнётом идиотских инструкций и отсебятины, навязанной людьми в погонах.

Зэков ломают прямо в карантине. Пока не напишешь заявление о приёме в секцию (в «чёрных» зонах это в падлу), не вымоешь пол в туалете (в правильных колониях этим занимаются «петухи») — в отряд не поднимешься. Но надо ещё выучить колониистскую песню, правила поведения. Научиться маршировать. Громко, хором и по одному приветствовать сотрудников.

Дальше — жизнь по распорядку: подъём, выход на зарядку в любую погоду. После — идеальная заправка коек, уборка. В столовую — строем и с песней. Там команда: «Садись». На приём пищи отпущено очень мало времени. Но даже если не доел, по команде «Встать» надо быстро и синхронно метнуться в строй. За любое нарушение — штрафной изолятор, строгие условия содержания, помещение камерного типа. То есть карцер, лишение здоровья, побои, беспредел УИНовского спецназа.

В колониях, как и на воле, часто нет работы. Значит, несколько часов надо провести на табуретке. Сидеть на кровати запрещено. Выйти покурить или в туалет можно только с разрешения дневального (он может долго не разрешать). Задержишься там более пяти минут — посчитают ушедшим в побег.

Есть ещё часовая прогулка строем с песней. Хозработы. Нигде нельзя расслабиться. Не понравишься активисту или не дашь ему щедрый «подгон» (на воле чиновники называют это «откатом») с передачи, он напишет на тебя рапорт. Кретинский по содержанию, но вполне достаточный для начальства, чтобы сгноить тебя в карцере. Самые распространённые рапорты привожу дословно: «Смотрел в сторону „запретки“ (ограждения), думал о побеге». После такого доноса могут признать склонным к побегу (повесят красную полосу). Выйдя из штрафного изолятора, будешь бегать на вахту — отмечаться у дежурного каждые два часа. Спать положат у самой двери, на сквозняке. Или в столовой спросишь раздатчика: «Почему суп жидкий?» Рапорт будет таким: «Гнал жути повару, пытался завладеть гущей». Когда активист увидит, что ты дал кому-то закурить или угостил чем-то, напишет два рапорта: «Занимался поборами» и «Пытался заработать дешёвый авторитет, делал подгоны». Даже когда, получив разрешение, завариваешь чай, активист рядом. Он оценивает крепость

10 Шерсть — активисты, помощники сотрудников.

напитка. Если, по его мнению, чай слегка крепковат, пишется донос: «Пил чифир, поддерживал воровские традиции».

Находясь в одном бараке, невозможно пообщаться со знакомым из соседней спальной секции. Передвигаться надо тоже по правилам. Нельзя подойти к двери наискосок. Только под прямым углом, держась правой стороны. За этим тоже внимательно следят.

Отбой проводится так: без пяти десять все стоят в трусах у расправленных коек. Ровно в 22.00 — звонок. За секунду нужно оказаться под одеялом. И нельзя разговаривать. Много чего нельзя в этой зоне. Везде глаза и уши администрации — подлые активисты. От них зависит, освободишься ли ты досрочно, оставив несколько лет срока. Будут ли тебя прессовать и бить сотрудники. Выйдешь ли ты здоровым. От них зависит буквально всё.

Это я рассказал про одну из самых нормальных «красных» зон. Обычно в них всё намного запущенней.

Раз начал про эту «красную» зону говорить, поведаю, как пострадали помощники администрации.

Отмечали день колонии. Приехала делегация из Управления исполнения наказаний. Зона сверкает. Подготовили большую концертную программу силами местной самодеятельности. В качестве приятного дополнения администрация Учреждения приготовила высоким гостям сюрприз, конечно, заранее согласованный. Загнали на буксире списанный автобус «ПАЗ». Поставили на плац. Управленческое и местное начальство расположилось на трибуне, метрах в пятидесяти. По сценарию якобы произошёл захват заложников-сотрудников злыми зэками. И тех и других поручили изображать особо доверенным активистам. «Козлов» набилось — полный автобус. Для достоверности стукачи и суки орут требования: «Открыть ворота! Миллион долларов! Оружие! Наркотики! Вертолёт!» Стараются, надрываются в крике...

Дальше, по сценарию, с ними вступают в переговоры. Но «ужасные террористы» не поддаются и повторяют свои требования. Как и было предусмотрено, после паузы следует команда «Захват». В дело вступает настоящий спецназ. Бьют стёкла в «пазике», на щитах заскакивают внутрь. Дымовые шашки, крики, удары, мат. В общем, только боевыми не стреляли, а так всё по-настоящему, чтобы натурально выглядело и начальству понравилось. Тем понравилось, покивали одобрительно и пошли за территорию, праздновать за накрытым столом. После их ухода дым рассеялся, и из автобуса начали извлекать активистов с выбитыми зубами, переломанными носами, челюстями, рёбрами... Всех в крови. Зона ржала, когда эту братию тащили в санчасть. Большинство из них там и осталось, кого-то срочно увезли в больницу. Но об этом, конечно, членам комиссии не доложили.

Ночью в спальных секциях ещё долго слышался истеричный смех мужиков. И никто на них рапорт не написал. Дисциплина пошла насмарку.

Зона «чёрная». Нормальная

За колючей проволокой убивает однообразие, скука. Но не писать же, как зэки едят, стоят на проверках, спят... Вот и бытует в народе книжно-киношный образ про места лишения свободы, в котором специально гонят жути, рассказывают про самое мрачное: насилие, беспредел, убийства. Конечно, это присутствует, но, к счастью, всё-таки редко.

Попробую передать читателю, как действительно живут в колонии. Не все, естественно, и не в каждой.

Чтобы не утомлять вас рутиной серых будней, ограничусь одним днём из своего срока. Он практически такой же, как все остальные. Изменения бывают, но незначительные.

Представьте колонию строгого режима на северо-западе России, у самой границы с Прибалтикой. Этапы маленькие, сроки у спецконтингента большие, народ меняется редко — одни и те же рожи друг другу надоели. Жилая зона разделена на три локальных участка по четыре барака. В первом живут работяги. Во втором — бомжи. В третьем — тубучёт. В четвёртом — хозяйственно-лагерная обслуга. В остальных смешанный коллектив:

блатующие, мужики, активисты, обиженные. Только в нашем отряде собралась публика, которую воровской мир не хочет признавать, хотя боится и вынужден с нами считаться. Среди нас — бандиты, спортсмены и просто те, у кого всё нормально с головой и моральным настроением. Кто хорошо живёт на свободе, тот и в неволе может держать себя независимо. Сотрудники тоже вынуждены с нами считаться. Да они и так здесь спокойные. У зоны есть свои традиции, нарушения — редкость. «Смотрящие», как и везде, давно превратились в помощников администрации и следят за порядком и дисциплиной.

В нашем отряде есть «смотрящий», голимый придурок, так что всем заправляет питерский завхоз из «тамбовской» организованной преступной группировки. Его боятся даже менты. Так что у нас вообще спокойно.

Итак — лето, пять часов утра. Все спят. Просыпаюсь без будильника, по привычке. Можно не вставать до девятичасовой проверки, но мне надо на беговую дорожку. Днём народу много и жарко. Надеваю шорты, кроссовки — и вперёд, пять километров в быстром темпе. Потом турник, брусья, пресс. Отягощениями качаю только ноги. К шести утра тренировка закончена. «Шнырь» (слуга) выносит на улицу ведро холодной воды — я обливаюсь в любую погоду. В зоне — подъём. Кому не спится и кто ходит на завтрак в столовую, вылезают из-под одеял. В столовой кормят плохо: кашей на воде. Мне помощник готовит в отряде. Завтракаю. Сажусь за писанину. Статьи для журналов — для заработка. Письма родным и знакомым. В девять — построение. Все мрачные, сонные. Считают нас минут пятнадцать. До четырёх проверок не будет. Чем себя занять? Повезло: несколько человек согласились играть в волейбол. Пару часов хлопаем по мячу. На улицу из умывальника выведен шланг с водой — моемся и расходимся. Самая большая проблема — достать книжку. Местная библиотека прочитана. Даже труды Ленина. Личные книги осуждённых — тоже. Есть три вида досуга: загорать, гулять по локалке, лежать на шконке. По телевизору одно и то же. Тем более утром — неинтересная программа. Магнитофонные кассеты прослушаны по сто раз, они орут везде — и на улице, и в бараках.

Во событие — в локалку заехал самосвал!.. Привёз песок на волейбольную площадку. Многие эки очень давно не видели машину вблизи. С восторгом её рассматривают. Застыли соляными столбами. А лица знаете какие?.. Посмотрите на соседей в кинотеатре в самый интересный момент. Но самосвал быстро уехал. Опять стало скучно. Ведь так живём уже несколько лет, впереди — ещё столько же. Видим надоевших знакомых, городим всякую чушь, типа, шутим. Те, кто поглупее, — сбиваются в стайки, пьют чифир, базарят за жизнь. Каждый старается говорить сам. Врёт, какой он крутой на свободе был. Как имел классных любовниц и костюм от Версаче (других брендов, похоже, никто не знает). Про пистолет «ТТ» с обоймой на двадцать патронов. Или заводит «бодягу» на час-полтора, как он шёл выпивать, кого встретил, к кому зашли, что говорили. Минут пять стучит себя по лбу, вспоминая, как точно звали его собутыльника, которого всё равно никто не знает, хоть Скотопидором назови, но для рассказчика — это вопрос жизни и смерти. Нам с такими неинтересно. Чем бы заняться? Вот! Два кота столкнулись, собираются драться, завывают. Все эки побросали свои дела, замерли, тишина. Коты расходятся. У осуждённых опять галдёж. Пойду поем. После гуляю со знакомым. Обсуждаем давно пережитое, прочитанное. Но у нас обо всём давно переговорено. Час сплю.

Кое-как дожид до проверки. Стоим по пятёркам, сплетничаем про дурные рожи ментов, про их стрёмные причёски и ботинки. Ко мне пристал начальник отряда. Спросил, почему я в светлых брюках на построении. Так мне всё равно: если положено, хоть скафандр на себя надену. Знаю, что не прав. Можно сказать, что тёмные штаны в стирке, но здесь такая возможность порамсить¹¹, потрепать нервы, какие-то эмоции испытать. Начинаю пререкаться. Отрядник понимает, что спорить бесполезно, и уходит. Проверка закончена. Опять скука. Нет, приятели нашли забаву, пойду посмотрю. Притащили в нашу спальную

11 Порамсить — поспорить, поговорить.

секцию осуждённого. На воле он был священником. Когда сел за мошенничество, его лишили сана. Но он до сих пор играет роль святоши, хотя та ещё bestia.

Похож он на гоголевского дьячка с «Вечеров на хуторе близ Диканьки». И имя у него опереточное — Досифей. К нам же кличут «обиженного» «Светку». Это ээк лет сорока, с наколками на лице, страшный, как моя жизнь. В зоне нет беспредела, молодых и смазливых не «опускают», так что «Светка» — «королева бала». Он привык к своему статусу, его трахнули впервые лет двадцать назад. Начинаются приколы. «Петуху» велят: «Расскажи, как тебя поп любил в попу». Педик понимает, что Досифей ему ничего плохого не сделает, ни сейчас, ни потом, и открывает представление. В принципе, правдивое, но на свой лад. «Светка» закатывает глаза, заламывает руки и театрально восклицает: «О, это такой мужчина! Я стою вот так (падает на четыре кости), а он, как маньяк, вцепился мне в плечи и давай „жарить“. На что уж я привычная, но после него еле хожу и „манжеты“ не держат (непроизвольно пердит)».

Этот восторженный монолог сексуальный проказник Досифей пробует прервать дикими визгами: «Врёшь, анафема! Тьфу на тебя, нехристь! Пустите меня, уйду я!» (Его держит, приобняв, огромный «качок»). «Светка» оскорблён в лучших чувствах, патетически восклицает: «Перекрестись, что я вру!» Поп-расстрига сыплет проклятиями. В общем, забавно, но всё это я видел с разными вариациями раз пять.

Размышляю, чем заняться. Длительное свидание будет только через месяц. Посылка через два дня. Надо поужинать. После захожу к барыге (спекулянту), он же дневальный в нашем отряде. Так-то мне ничего не надо, но от нечего делать интересуюсь товаром. Барыга в знак особую расположения продаёт мне дефицит — шоколадное масло. Обычно нормальных продуктов у него не найдёшь. Просто я иногда отдаю ему журналы, которые присылают из редакции. Он их подгоняет ментам, и те его меньше трясут. Спекулянт ещё раз предлагает всякие шмотки. У меня своих два баула, но скуки ради смотрю «сэконд хэнд». Всё развлечение. Беру шоколадное масло и иду в гости, в соседний отряд. Пьём чай со знакомым, говорим обо всём. Спускаюсь по лестнице, у кладовой три ээка предлагают по знакомству обслужиться вне очереди. В кандейке работает «петух» по кличке «Килька», исполняет минет. Он ещё страшнее «Светки» — лучше волка мороженого иметь. Отшучиваюсь, что я Кильку в голодный год за «КамАЗ» с блинами трахать не буду.

Есть не хочется, но от скуки сам жарю блины. Съел две штуки, остальными угостил знакомых. Мы друг друга часто угощаем.

Собираемся человек десять продвинутых, идём в комнату ПВР (политико-воспитательной работы) смотреть телевизор. Даже если интересных программ нет, при таком коллективе не это главное. Мы живо обсуждаем происходящее на экране, отпускаем идиотские штучки. Кто отдыхал в дружной компании, поймёт. Ну вот хоть фильм «Приключения Буратино». Считаем, сколько там нарушений закона, целый букет: покушение на убийство, разбой, киднэпинг, мошенничество, хулиганство, побег из мест заключения и прочее. Почти весь Уголовный кодекс.

Или идёт мексиканский сериал. У героя крутейшая проблема. Он двадцать лет любит одну бабу, но стесняется ей об этом сказать. И сохраняет ей верность все эти годы, даже наедине с собой. Что, по мнению режиссёра, должно говорить о его положительных качествах (представьте, что думают и говорят ээки). Единственная, с кем он может поделиться наболевшим, его глухая климактеричка-мать с лошадиной рожей. Нас это, конечно, сильно забавляет. Виктор Карена, напомаженный говнюк с замашками истеричного, проткнутого пидора, от неземной любви (о горе!), лишился всего, кроме сна и аппетита. В порыве отчаянья он, желая найти сочувствие у зрителей, восклицает: «Ну почему я такой невезучий?!» «Потому что ты чёрт вонючий!» — орёт наш бандюган, и мы ржём. Плоско? Согласен, но чем бы ни тешиться, лишь бы убить скуку. Потому что иначе она убьёт нас.

Приносят письма. Счастливики (и я в их числе) жадно глотают новости из дому. Будет чем заняться завтра на час-два — написать обстоятельный ответ.

Восемь часов вечера. Последнее построение. После смотрим нормальный фильм уже в тишине. Зона ещё долго бодрствует. Ложусь спать. Завтра рано тренировка. Чуть изменю её, остальное будет по той же схеме, что и сегодня. И так — каждый день, годами.

На первый взгляд, в описанном нет ничего страшного, но именно систематическое ничегонеделание сводит людей с ума. У меня хоть писанина есть и спорт. Те, кто ест «положняк» (пищу из столовой), еле ноги таскают. Многим даже письма черкнуть некому. От такого однообразия ээки начинают жрать любые таблетки, какие найдут. Лишь бы испытать новые ощущения. В большинстве колоний за ширпотреб, сделанный своими руками, и продукты с передачи можно достать спиртное, наркотики. Деградация неминуема.

Зона «махновская» с красным уклоном

В девяностых годах прошлого века милиция немного пришла в себя от лавины криминала, обрушившегося на страну, и стала сажать организованные преступные группировки почти в полном составе. Тогдашние бандиты — бывшие спортсмены: борцы, боксёры. Наглые, без всяких моральных и этических принципов. На воровские понятия, когда братаны вместе, им глубоко плевать. Да и уголовники растерялись от того, что в колонии хлынул такой неудобный контингент.

За решёткой некоторые бандиты договорились с администрацией и поступали на должности завхозов, ночных, дневальных, заведующих банями и столовыми, бригадиров, кладовщиков. Таким давали отдельную комнату, где тусовались они и их дружки, бойцы из группировки. Бандиты прессовали «мужиков», держали их в страхе.

Вновь прибывших обыскивают в бане сотрудники и помещают в карантин. Тут же бандиты начинают отнимать понравившиеся вещи. Недовольных избивают. Бьют за всё. По понятиям в падлу вступать в секции правопорядка, работать на уборке территории. Если же ээк отказывался, его увечили. Впрочем, увечили даже в том случае, если морда не понравилась.

Утром приходил пьяный начальник учреждения, осматривал карантинщиков. Если кто-то рискнул на него смело взглянуть, говорил: «Что-то этому подонку мало дали, добавьте!» И ээка запинывали до полусмерти.

Бывали случаи, когда оперативник вызывал завхозов и ставил в известность, что завтра придёт большой этап из другой области. «Там у них правят воровы. Покажите, какие здесь порядки». Вновь прибывших поголовно пускали под молотки.

Попадая в отряд, осуждённый оставался под властью беспредельщиков. Его могли поднять ночью, ради развлечения побить, забрать передачу. Можно, конечно, не стерпеть такого беспредела и убить бойца. Объясню, что ожидает ээка в таком случае. Он «завалил» бандита и успел добежать до штаба. Дежурный по колонии поместит его в штрафной изолятор. Ночью прапорщик откроет двери карцера (он сам боится), и туда вломятся несколько дружков убитого. До утра они будут издеваться над «мокрушкой», а напоследок изнасилуют. Так что решившийся на отчаянный поступок поедет на другую зону инвалидом, «петухом» и с солидным довеском к сроку.

Администрация всячески заботится о бандитах. Они ходят в отпуск, освобождаются досрочно, их не наказывают за довольно грубые нарушения. Например, избил майора-дежурного по пьянке — дадут трое суток карцера, чтоб проспался.

Чтобы бойцы держали себя в форме и могли заниматься спортом, в столовой им готовят — отдельно от «мужиков» — качественную еду. В отрядах они занимают, потеснив остальных, спальные секции и устраивают в них спортзалы.

Ничего нового здесь нет. Недаром говорят: новое — это хорошо забытое старое. Точно такие же порядки царили в фашистских концентрационных лагерях. Там немцы-уголовники притесняли остальной спецконтингент, получая дополнительное питание и другие поблажки.

Помимо всего прочего, бандиты приносят сотрудникам прибыль. Например, «шнырь» дневального санчасти продаёт сильнодействующие и психотропные препараты. Маленький

процент отдаёт бандиту-дневальному, часть денег — главврачу, остальные деньги — оперативникам. Так же продают наркотики в отряде.

Воры пробовали присылать в колонию своих «смотрящих». Их избивали до увечий, а если не успокаивались — «опускали». Когда в зону попал настоящий авторитет с сильной поддержкой с воли, бандиты опасались его трогать. Но как только он пробовал что-то изменить, по рапорту начальника колонии его быстро переводили куда-нибудь поближе к белым медведям.

Самое смешное: если беспредельщик попадает потом в «правильную» зону, с него очень трудно будет спросить. По понятиям, не пресекавший беспредел — сам беспредельщик. Из-за этого эки молчат. В «чёрных» зонах их не поймут. Там живут спокойно, и каждый наивно думает: «Вот я бы не позволил так над собой издеваться!..» В «махновской» колонии такие «герои» в лучшем случае живут тихо, терпят избиения. Бывает, они убивают, но не бандитов, а себе подобных «чертей», и уезжают досиживать в другое место. Не дай им Бог попасть к беспредельщикам и изменить мнение о себе.

Вообще же заключённые в неволе относятся друг к другу отвратительно. В «махновской» или «красной» зоне просто все проявления враждебности более открыты. В «чёрной» — закамуфлированы понятиями. А всё потому, что народу много, и хорошо жить большинство не может. Вот и притесняют слабых и глупых более сильные и хитрые.

Зона «пьяная». Игры в гестапо

Странные вещи творятся в некоторых колониях России. Человек, попадая туда без вредных привычек, через какое-то время становится... алкоголиком или наркоманом. Причём сами сотрудники ставят эку в личное дело пометку о пагубных пристрастиях. Но разве администрация исправительных учреждений не расписывается тем самым в собственной нерадивости? Именно она (особенно отдел безопасности) обязана пресекать появление в неволе запрещённых предметов. А между тем штрафные изоляторы забиты эками, задержанными в пьяном виде. Но сотрудников за это наказывают крайне редко. Бывают, правда, исключения, когда начальству ставят на вид такие упущения. Когда кто-то из родственников с большими связями поднимет скандал. Так было в нашей колонии. Одного осуждённого посадили в карцер за то, что он был пьян и у него в тумбочке нашли несколько бутылок водки. И сидеть бы ему в изоляции как минимум пятнадцать суток, если бы не его «крутая» мама. Она работала в мэрии и смогла привезти в зону замначальника управления исполнения наказаний. Зайдя с генералом в кабинет «хозяина» колонии, женщина поинтересовалась, почему её сын водворён в ШИЗО. Вызвали зама по безопасности, тот пояснил. Дама справедливо возмутилась: «Как это сын был пьян?.. У вас что — в зоне спиртным торгуют, ларёк стоит?» Конечно, если бы не её связи, подобный вопрос просто проигнорировали бы. И начини возмущаться «простой» родственник, потом его близкому отомстят сотрудники. Эта история кончилась для заключённого благополучно. Сына пробивной мамы выпустили из карцера, а после обходили стороной.

Так как же спиртное и наркотики попадают в неволю? Часть кидают через забор знакомые и родные. С такими нарушениями сотрудники серьёзно борются. И в то же время сами продают зелье направо и налево. Из-за нелегальности и малодоступности цены на спиртное превышают вольные в несколько раз.

Чтобы быть справедливым, не хочу стричь всех под одну гребёнку. Учреждения и люди, которые в них работают, — разные. В одних командный состав борется с контрабандой, и если кто-либо из сотрудников попадает с запретной ношей, то его выгоняют со службы. У других начальство само руки греет на спекуляции всякой дрянью.

Интереснее то, на какие ухищрения идут рядовые сотрудники, когда занимаются бизнесом тайно.

Оговорюсь, что у эков по рукам гуляют немалые деньги. Их привозят на свидание родственники, кидают через забор знакомые. В зонах открылось много предприятий, хозяева

которых за халтуру могут неофициально платить наличкой. Так что спрос на одуряющую гадость большой, несмотря на дороговизну.

Про наркотики писать не стоит: из-за малых размеров их в зоне отследить трудно. Если только «несуна» не сдадут операм, а такое случается редко и по дурости. Обычно опера сами и контролируют продажу наркоты.

Что касается спиртных напитков, их занос связан с немалыми трудностями. Одну бутылку можно ещё спрятать под формой, но обитателям зоны требуется не один ящик в день. На вахте у сотрудников проверяют сумки. Если же договориться с дежурным на вахте и поделиться, досмотра можно избежать. Но там, бывает, дежурят и «безопасники».

Шофёры машин, заезжающие на промышленную зону за товаром, договариваются с работниками шлюза, чтобы их не слишком тщательно шмонали. Доходило до того, что машины с обыскниками досматривали и «петухи», преданные оперчасти.

И всё же спиртное проносят.

Прапорщики нашей колонии проявили изощрённую изобретательность. Они договорились с работницами комнаты передач, и те принимали с воли сумки с водкой (бутылки, чтобы не звенели, заворачивали в тряпки) под видом продуктов. Ну а после выдавали как посылки официально. Нормальная смена могла предупредить охранника на вышке и позволить кидать знакомым спиртное через забор в грелках и пластиковых бутылках.

Пойло за решёткой — страшное зло. Наркоман «раскумарится» и тащится потихоньку, а выпивших тянет на приключения. Учитывая постоянное напряжение, изоляцию и стрессы, остаканившиеся становятся агрессивными. Нередки драки, убийства. Вспоминаются старые обиды. Многие и сели-то по пьянке из-за буйного нрава.

Особенно опасны во хмелю спортсмены-бандиты. Они к спиртному не привыкли, их от алкоголя буквально клинит. Когда идёт массовая пьянка у бойцов, они избивают целые отряды. Или вызывают по одному и издеваются над жертвой. Куражась, засовывают избиваемым в задний проход палки, черенки от лопат. Играют в гестапо. Бывали случаи, когда, не выдержав, жертва прыгала со второго, третьего этажа в окно. Кто-то после унижений или изнасилований кончал жизнь самоубийством.

Бывает, когда во всей колонии напьются много человек, вспыхивают стихийные бунты. Тогда убивают активистов, друг друга, громят зону. После прибывает спецназ — при наведении порядка прибьют ещё немало эков. Добавят срок зачинщикам и ярым участникам.

Или бывает такое: в нашей колонии двое блатных, напившись, решили взять заложников, чтобы выйти на свободу. Воспользовались халатностью инспекторов, прошли в комнату длительных свиданий. Забаррикадировали дверь. Сразу убили дневального и кинули его на решётку окна, выходящего на зону, чтобы все видели серьёзность их намерений. Согнали в одну комнату жён, матерей, детей, приехавших повидать родных, отбывающих наказание. Объявили, что у них заложники. Эки, когда узнали об этом, просили сотрудников: «Пустите нас туда, мы этих тварей порвём». Все негодовали. Террористы выдвинули требования, чтобы им передали два автомата, денег, предоставили машину для выезда из зоны. Группа захвата решила действовать, пока «дуэт» не протрезвел.

Внушительных размеров сотрудник колонии пошёл передавать оружие, за ним спрятался небольшой спецназовец. Когда эк протянул руку за автоматом, из-под мышки толстого сотрудника раздался выстрел. Спецназовец попал эку в грудь. Тут же стрелявший и группа захвата бросились в комнату с заложниками обезвреживать второго захватчика. К счастью, он не успел зарезать никого из пленников. Но жертвы испытали сильный шок. А тут ещё на их глазах спецназ насмерть забил террориста, превратив его за полминуты в кусок мяса. Его товарищу, схлопотавшему пулю, повезло больше — он выжил. Ему добавили срок до пятнадцати лет. Самое страшное — тот работник промзоны, который передавал автомат, сам носил до этого случая (и продолжал носить после) спиртное в колонию. Жадность и тяга к наживе сильнее совести.

Ещё раз повторюсь: если в неволе арестанты пьют спиртное и употребляют наркотики, виноваты только сотрудники учреждений пенитенциарной системы. Они обязаны обеспечивать изоляцию спецконтингента не только от свободы, но и от запрещённых предметов. За употребление всякой дряни зэков можно и нужно сажать в ШИЗО. Но одновременно с этим надо наказывать сотрудников зон и тюрем.

P.S. Сейчас в колониях, если ловят пьяного, в постановлении о водворении в ШИЗО не пишут, что зэк был нетрезв. Указывают: «Опоздал на проверку». Так что, если верить статистике, за решёткой пьянства нет.

Колония-поселение. Лесоповал. Лафа для «петухов». Вольные женщины смертельно опасны

Опишу ещё один вид исправительных учреждений. Итак, знакомьтесь — колония-поселение.

Кто сказал, что крепостное право в России отменили в девятнадцатом веке? Не так давно я наблюдал тысячи безропотных рабов и сам был одним из них.

Когда подсудимый после суда получает срок с отбыванием его в зоне, совсем не обязательно, что он отбудет его до конца. В исправительной системе существуют льготы, и при хорошем поведении, отбыв определённую часть срока, реально выйти на свободу условно-досрочно. Ещё раньше и с меньшими проблемами можно поехать в колонию-поселение. Я тоже был наивным и полагал, что там будет легче, чем в зоне. Прошёл административную комиссию и суд, мне изменили режим, и я стал поселенцем. Большинство поселений находится на Севере, на лесоповале и бирже по его переработке. Думал: «Ничего, здоровья хватит».

Как я путешествовал через всю страну, по тюремным пересылкам, это отдельная история. После полутора месяцев скитаний я и другие этапники прибыли в посёлок на севере России. На дворе — апрель месяц. Нас привезли к штабу на «автовозе» и посадили на ночь в карцер, ужасный клопятник. Утром вызвали к операм, побеседовали наедине, всех вербовали стукачами.

Мне всё интересно, спросил их: «Ну, допустим, я соглашусь на вас работать. От пахоты в лесу вы меня освободите? Большую зарплату дадите? В комфортабельные условия поселите?» Получив на все вопросы отрицательный ответ, сказал: «И у вас хватает совести предлагать сотрудничество? Да на хер вы кому-то нужны». Они обозлились и сказали, чтобы ждал на крыльце, мол, позже получите аванс, и за нами придёт дневальный и отведёт в общаги.

Наше поселение располагалось на отшибе довольно большой деревни. Жили в ней в основном сотрудники ближайших зон и нашего учреждения, представляющего собой штаб, три общаги и баню. Забора почти не существовало. Бежать оттуда малореально — кругом леса, зоны, военные части. Работать нам предстояло на лесоповале, кормиться за свой счёт, отовариваясь в магазине за наличные и питаться за плату в столовой.

Позвали нас в бухгалтерию штаба получить аванс. Выдали «смешную» сумму, которой хватало на десять буханок хлеба. Хорошо, кому могли помочь переводом родные, остальным — хоть сдохни.

Приковылял тощий дневальный. Спросил у нас: «Хлебца нету?» Привёл в общагу, показал комнаты без замков, где в наше отсутствие менты устраивали шмоны.

Дневальный рассказал, что посёлок плохой, нам не повезло. Платят мало, нормы выработки большие. Тех, кто в лесу не даёт план, сажают в карцер с выводом на работу. Выходной один и никуда не пускают, так как в выходной семь проверок. Рабочий день — двенадцать часов. Посоветовал не лезть к местным бабам, хотя последние поселенцев любят, ведь многие зэки из больших городов и симпатичные. Местные жители и менты, наоборот, алкаши и дегенераты. Но очень ревнивы, и если узнают о связи с деревенской красоткой, забьют зэка насмерть.

К сожалению, он не гнал жути — реальность оказалась ещё хуже.

Послали меня и других этапников в лес. Опыта нет, техника и бензопилы старые, ломаются. И хоть ты перевыполни план, заплатят копейки. Рядом вольные лесорубы работают меньше и получают огромные деньги. Аванс быстро кончился. Пришёл к начальству просить ещё. Он отказал и посоветовал: «Кору грызи!» У кого было что продать, продали. Мне запоздал перевод из дома, три дня ничего не ел и вкалывал. Позже «подмазали» мастера, начал лучше закрывать наряды. Стали чуть больше получать, на двадцать буханок хлеба хватало. Собирали, пока чинили технику, зимнюю клюкву и продавали за бесценок.

Очень много было несчастных случаев. Народ неопытный, большинство горожане. То кого-нибудь деревом прибьёт, то бревном. У нас в первый же день задавило елью вальщика. Мне трелёвочник (трактор) «лопатой» ногу придавил. Дали больничный на три дня. После медики говорят: «Здоров, езжай в лес». А у меня трещина в плюсных костях, нога опухла, как бочка. Начальник разрешил полежать ещё неделю и выгнал на работу. При сороковом размере обуви я на левую ногу натягивал калошу 46-го размера. Хорошо, мужики из бригады не напрягали. Протестовать нельзя. Забьют в карцере — лес всё спишет. На севере менты — власть, все делают деньги и повязаны круговой порукой, в том числе и крупные прокуроры.

Сотрудники лесных исправительных учреждений с помощью махинаций продают на большую землю пиломатериалы и лес — эшелонами. Так что стремление было одно: поехать обратно в зону. Но это сложно, ты же рабочая сила. «Возникнешь» или будешь плохо трудиться, повесят за наручники и забьют. Оформиат как несчастный случай.

Сотрудники жутко спиваются, живут хуже скотов, но слова им поперёк не скажи. Правда, некоторые зэки при должностях имеют поблажки, ходят в деревню и даже общаются с семьями ментов. Дети их, пока маленькие, говорят, что хотят быть поселенцами, потому что они весёлые и нарядные. В отличие от вечно пьяных пап и мам, которые ходят в грязном камуфляже.

Лучше всех поселенцев, как ни парадоксально, живут «петухи». Их не отправляют в лес. Они работают в бане, убираются в штабе, в деревне. Мало того что зарплату получают поболее лесорубов, так могут ещё подхалтурить — нарубить местным дров, насобирать ягод, наловить рыбы. Так они ещё, до кучи, и сексом «подрабатывают». Вольные женщины смертельно опасны. Вот многие зэки по привычке (или по скрытой ориентации) «пользуют» «петухов». Видел на поселении мужиков, добровольно идущих в «обиженные». От голода, за пайку хлеба, делающих минет.

Некоторые от безнадёжности, чтобы закрыться в зону, убивают таких же зэков. Или пробуют уйти в побег. Всех ловят и бьют смертным боем.

На поселении одно хорошо — сводить счёты, мочить «козлов». Частенько какого-нибудь «кумовского» «грохали» и зарывали под возводимую лежнёвку (дорогу из брёвен), типа, «в побег ушёл». Или деревом придавит — якобы несчастный случай.

После того как я, собирая зимнюю клюкву, заблудился и плутал в лесу три дня, меня посадили в карцер. В соседней камере менты насмерть забили осуждённого. Он долго орал, потом хрипел и затих навсегда. Позже я узнал, что в нашей бригаде покалечило ещё одного вальщика. Я решил: всё, с меня хватит...

Когда начальник делал обход, поговорил с ним по-человечески. Попросил отправить меня в зону. Видимо, у него было хорошее настроение, через десять дней был суд, и я, счастливый, поехал в колонию.

После этого я ещё два раза был на поселениях в республике Коми. Изменилось только одно: стали кормить баландой и высчитывать её стоимость из зарплаты. В остальном всё стало ещё хуже.

Прочитав этот рассказ, вы поймёте, почему всё-таки у воров и блатных в неволе нет реальной власти. Они играют по правилам ментов, иначе уедут в такое вот Учреждение. Кстати, не самое страшное из существующих для ломки авторитетов преступного мира. Хотя

сотрудники и там ничего не боятся. Того же легендарного вора в законе Бриллианта там убили, в своё время никто наказания не понёс. Что уже говорить, когда прибьют простого дурака, нахватавшегося блатных вершушек и не понявшего, кто в неволе хозяин.

Но это всё ещё цветочки по сравнению с тюрьмами с романтичным названием «Белый лебедь».

«Белый лебедь». Изощёренные издевательства

Прибывает этап. Приём дел производят сотрудники Учреждения. Они же обеспечивают охрану периметра объекта. Следят, чтобы не было побегов. На этом их функции заканчиваются. Всем остальным заправляют осуждённые из хозяйственной obsługi.

Они отбывают весь срок в тюрьме. В колонию идти боятся из-за провинностей перед блатным миром. Многие из них этим самым миром приговорены к смерти. Есть среди них воры в законе, которым «дали по ушам» (проще говоря — развенчали, лишили сана). Есть «петухи» (они баланду раздают), озлобленные на весь мир и срывающие злобу на ком только можно. Им здесь лучше, чем в зоне, во сто крат, здесь они — власть.

Первое, что ощущаешь, попадая внутрь учреждения, — запах душистого мыла. Везде с мылом моют коридоры и камеры. И все, за исключением сотрудников и хозобслуги, передвигаются только босиком. После водворения этапников в камеру, эки-надзиратели (их здесь за глаза называют «погонялами») заявляют, что хата обязана собрать дань за «прописку». По две пачки курева с человека (в камерах всё равно курить нельзя), душистое мыло, зубные пасты и другие, весьма ценные в неволе вещи. Если дань не собирается в нужном объёме, хорошего отношения не будет. В любом случае устраивают обыск. Тем более что на шмоне при поступлении обслуга примечает, у кого что есть. Утаившего «ценности» не трогают, бьют его сокамерников, чтобы они потом разобрались с провинившимся.

Поскольку «погонялам» позволено вытворять с зеками что угодно и отнимать у них всё, что приглянется, хозобслуга мало похожа на арестантов. Все откормлены, одеты в вольные вещи, ходят с резиновыми дубинками и нередко пускают их в ход. Администрация специально закрывает глаза на беспредел, так как в это учреждение любят отправлять так называемых «отрицал» — нарушителей дисциплины, борцов с начальниками колоний. Очень удобно: на ментов вроде и жаловаться нельзя — эков такие же эки прессуют. А друг на друга осуждённым писать жалобы в падлу.

Из этапников сразу выделяют тех, что помоложе. Объявляют: «О, какой симпатичный мальчик! Сегодня трахнем». И вечером насилуют несчастного. Некоторые жертвы после такой «процедуры» вешаются, вскрывают веры. Сотрудники подобные суициды преподносят как естественную смерть из-за сердечной недостаточности. Более отчаянные сводят счёты с жизнью накануне, не дожидаясь, пока из них сделают «петухов». Хотя это трудно, могут помешать сокамерники.

Бывает, для изощёренных издевательств поместят молодого зэка в специальный карцер, где по колено воды, и предлагают: «Дашь добровольно в попу, выпустим». Несчастный стоит несколько суток в воде, если упадёт — захлебнётся. Через каждый час ему говорят: «Подверни зад — выйдешь».

После того как кого-то «опустят», даже по беспределу, сочувствия от сокамерников такой бедолага не дожждётся. Его также переведут в «обиженку».

Команды «погонял» выполняются бегом. Когда они входят в камеру, все встают смирно. Дежурный ээк рапортует о количестве народа. Чтобы поприкалываться, «погонялы» — часто без цели — навещают хаты. Им нравится, когда народ прячет глаза. Придравшись к тем, кто чем-либо не понравился, выведут в коридор, избьют, посадят в карцер. Самое культурное обращение с их стороны — «педераст», «козёл».

Распорядок дня простой. В 6.00 — подъём, заправка коек. До 22.00 нельзя прилечь, иначе — экзекуция.

Кормят сносно, но и тут не обходится без издевательств. Баландер — «петух», взять от него пищу значит, «законтачиться» и тоже стать «обиженным». Не возьмёшь баланду — избыют или сдохнешь от голода. Ну, воры разрешили питаться из рук педиков и не считаются такими же. Конечно — вдруг сами туда попадут?..

Ещё, когда открывается «кормушка» (окошечко в двери), надо за секунду успеть кинуть на её низ белое полотенце. Чуть замешкались, раздатчик пищи кричит: камера такая-то отказалась от обеда. Вся хата идёт под пресс. Тарелки он буквально кидает в руки, не дай Бог уронить хоть одну — прибьют. Горячая еда в казённых мисках (свои иметь запрещено). Через две-три минуты следует команда: сдать посуду. Мешкать нельзя — накажут. Поесть не успевают никто, особенно те, кто получил «шлёмку» последним.

Водят на хозработы во двор тюрьмы. Всё под присмотром «погонял». Зимой — уборка снега. Его вообще к вечеру не видно. По настилу, имеющему угол сорок пять градусов, на уровень второго этажа поднимают тяжёлые носилки и высыпают снег в большой котёл внизу. Под котлом — печь. Другие зэки носят к ней горбыль с пилорамы — на топливо. За территорию отведена труба — растаявший снег стекает через неё. Работников, обессиливших от высокого темпа, избивают, погоняя дубинками, заставляют всё выполнять бегом. Если кто-то упадёт и не может встать, его, особо не церемонясь, сильно пинают ногами.

Начальник учреждения, бывает, запрягает в сани тройку бывших воровских авторитетов и, подстёгивая кнутом, катается по двору.

Летом водят на уборку двора. Или на вычерпывание бассейна вручную. После вычерпывания вёдрами его моют и так же заливают воду вновь. Заключённым приходится часами стоять в холодной воде. Некоторые зэки после такого субботника попадают в больницу, это когда уже совсем подыхать начинают.

Бассейном пользуются как сотрудники, так и «погонялы». Последним созданы все условия. Есть спортзал, многие из них — бывшие спортсмены. В комнатах — телевизоры. Не хватает свободы и женщин, но последних заменяют «петухи».

В подвале находится цех, где работают художники, резчики и другие мастера. Прибыль от реализации изделий и сувениров идёт в карман администрации. Маленькая толика перепадает «погонялам». Они находят мастеров-зэков для работы. Они всем заправляют.

Ещё тюрьма поражает «мёртвой тишиной». Томящийся в камерах люд разговаривает только шёпотом. Иногда слышны команды «погонял» да вопли тех, кого они избивают в коридоре.

Случаев неповиновения не бывает. Любая попытка жестоко пресекается. Массовый бунт поднять невозможно. С другими камерами нет связи — не покричать, не отправить записки. Да и бунты бывают только там, где слабая, мягкая власть.

Не все, конечно, пройдя эту тюрьму, забывают обиды. Но «погонялы» знают, что их могут ждать за забором. Из-за этого освобождаться опасаются. Их часто вывозят на хлебных машинах.

Другое странно: почему воры не трогают сотрудников, всё это устроивших и поддерживающих? Значит, правила игры не позволяют.

Как развлекаются в тюремной больнице

Многие зэки мечтают попасть в больницу, чтобы отдохнуть. Причём настолько сильно этого хотят, что даже занимаются членовредительством. Можно ещё понять особый «крытый» режим, где люди годами чахнут в тесных камерах, или обитателей беспредельных зон. Для них в лазарете — рай. Новые люди. Смешаны все режимы. Даже малолетки сидят здесь же.

В зоне, конечно, устаёшь от однообразия, и я тоже решил съездить в тюремную больницу. Наша колония располагалась недалеко от этого заведения. Подарил самодельную шкатулку врачу санчасти и следующим этапом поехал. Гораздо сложнее попасть сюда из других регионов — только в самых тяжёлых случаях.

Больница считается лучшей в исправительно-карательной системе. Здесь проводят сложнейшие операции. Здание построено крестом. На этажах изолированные отделения по профилю заболевания. Каждое отделение представляет собой большой коридор, палаты и кабинеты врачей. Инфекционные больные сидят по камерам. А так эски спят даже в рекреации, там же стоит телевизор. Прогулок нет, хотя многие лечатся месяцами.

Когда после 17.00 врачи уходят домой, арестанты начинают дымить куревом.

Собственно, больных там наберётся едва ли половина. Остальные — «косари». Дело в том, что, если туда доставили, держат три недели, пока не проведут полное обследование. Так что, если вам удалось «закосить» под больного и вы попали в больничку, в любом случае трёхнедельная передышка обеспечена.

Для всякой погани, может, здесь и благо, но я быстро убедился, что нормальным по вольным меркам людям тут делать нечего. За решёткой всё перевернуто. Порядочным арестантом порой считается исколотый татуировками, чифирящий, жрущий для кайфа любые таблетки гоблин, разбавляющий каждую фразу матом вперемешку с жаргоном.

Если есть деньги — купишь психотропные «колёса», наркотики, спиртное. Продают зелье рабочие — заключённые из хозобслуги. В доле — врачи и оперчасть.

Нет денег — можно раскумариться на халяву. Например, раковым больным несколько раз в день колют наркоту как обезболивающее. Подгоняешь такому пачку сигарет или чая, и можно получить инъекцию за него. Бывают наркоманы, у которых уже полностью атрофирована мораль: они проходят в процедурную и получают «чужую» дозу, не ставя в известность больного — медсестре до лампочки кого колоть, лишь бы фамилия совпадала. Когда вскрывается обман, наркоше всё равно — он уже «ширнулся».

С ними один курьёз связан. Прибыл в больницу из пьяной зоны наркот, он и там «торчал». Ему надо было делать серьёзную операцию, а у него все вены «ушли» (истончились). Анестезиолог мучалась час, не могла ввести иглу. Кололи огромную дозу внутримышечно, чтобы отключился. У другого такого же субъекта нашли одну вену в члене. Так он и лежал во время операции с катетером, торчащим из пениса.

За наличку в больнице можно многое. Вот где бандитам раздолье! За мзду ходят друг к другу в гости. Имеют женщин-зэчек с бабского отделения. Передачи — хоть каждый день. За плату можно остаться «лечиться» надолго. Врачи поставят в карточке серьёзный диагноз с осложнением.

Частенько бандиты «зависают» здесь годами, загоняя взамен «гуманитарную помощь». При мне один такой, числящийся «смотрящим» за отделением, выпил и устроил спарринги с больными (против воли последних). У одного парня только начала срастаться сломанная спецназом челюсть, пьяный «смотрящий» ударил его в подбородок, после чего опять потребовалось вмешательство врачей. Пришёл «смотрящий» за всей больницей, приспособленец-уголовник, и говорит: «Ну что, пошалили немного...» По понятиям запрещено устраивать любые разборки в больнице, но по пьяни они не редкость. Ведь ретивое берёт своё, покоя не даёт.

А теперь представьте, каково в таком учреждении настоящим больным. Дым коромыслом, пьянки. Эски играют в тюрьму, посылают записки через «дорогу»¹² — между корпусами натянуты нитки через окна. С одной стороны — лечащийся человек, а с другой — постоянно открытое окно в палате. Причём, заметьте: «смотрящий» может круглые сутки свободно ходить в другие отделения. Но записки он носить не станет — зачем помогать «быдлу». Лучше спокойно жить в двухместной палате, сладко жрать. А эти, с коридора и общих мест, пусть сами крутятся... Слышал, как «смотрящие» всей больницы, собираясь на сходняк, проходили по коридору и, думая, что их не слышно, спросили друг у друга, показывая на эковские пайки, стоящие на столе: «Как думаете, это свиньи есть будут?»

12 Дорога — нитяная связь для передачи грузов через окно или унитаз между камерами.

Кстати, не только эки, но и сотрудники больницы сидят на дозе. Взять того же оперуполномоченного. Обожрался сильнодействующих таблеток, сел за руль своей машины и поехал кататься по городу. Врезался в столб. Под глюками вообразил, что это бандитское покушение. Выскочил из авто и застрелил из пистолета двух прохожих. А какие дела под силу недобросовестному врачу! Если у эка есть деньги и его уголовное дело не имело большого общественного резонанса, можно купить «активировку». В этом случае толстосуму поставят диагноз тяжелейшей болезни. После комиссии, состоящей из коллег врача-взяточника, отпустят домой. Активируют, правда, и безнадёжных, но тех, кому жить осталось от силы месяц. Пусть подышает на воле и статистику не портит.

Как я уже писал, условия содержания в тюремных больницах оставляют желать лучшего. Даже если арестанту сделали успешную операцию, послеоперационный уход — отвратительный. В реанимации дежурят эки-санитары. С одним таким больной поругался перед операцией (санитар продал ему сильно разбавленный спирт). В реанимации продавец спирта ненадолго отключил недовольному покупателю поддерживающую жизнь аппаратуру и отправил его на тот свет.

Можно ещё долго перечислять негатив, творящийся в этой больнице. Побывав там, я убедился, что всё, как и остальное, касающееся пенитенциарной системы, обязательно доведено до маразма. Прежде всего — самими сотрудниками. С заключённых взятки гладки, большинство из них дегенераты или послушные исполнители. Как гражданин начальник прикажет, так и сделают.

P.S. После освобождения лично присутствовал при разговоре доктора этой больницы, председателя фонда помощи заключённым и президента фармацевтической фирмы.

В фонд и в больницу приходит гуманитарная помощь для эков. Из фармацевтической фирмы берут медикаменты с просроченным сроком годности. Нормальная гуманитарка продаётся через аптеки и фирму, а негодные препараты идут в тюремные лазареты.

Теперь расскажу про психбольницу. Этот мой опыт тоже может кому-то пригодиться.

Психбольница. Беспредел медиков

Лежат я как-то в сумасшедшем доме. Нет, я не бешеный дебил, как вы могли подумать. Просто надо было «закосить» под дурака, чтобы избежать уголовной ответственности по незначительному преступлению.

Как я попал в дурдом, описывать не стану, это отдельная история.

С первых минут со мной начали обращаться как с вещью. Молодая медсестра (в присутствии санитаров) приказала раздеться догола. Осмотрела, выдала только нижнее бельё и отправила на отделение психиатрии. На отделении были четыре палаты без дверей, решётки на окнах, коридор, процедурная, кабинеты врачей, кладовка, туалет. Входная дверь запиралась на замок, который отпирали, когда пациентов водили в столовую и в душ. Прогулок не было вообще. Когда я пришёл, «дуракам» давали курить (четыре раза в день по сигарете, у кого есть). Больные на голову очень несдержанны в желаниях — возле кладовой было столпотворение. Это не помешало огромному азиату прыгнуть на меня и с криком «земляк» полезть целоваться. На «чурбана» я не похож, но у имбецилов свои ассоциации. «Косил» я на спокойного, поэтому вместо того, чтобы дать такому «земляку» в рыло, начал его отталкивать, безуспешно приговаривая: «Не земляк, не земляк». Слава Богу, «чурку» убрали санитары, уж больно с ним в дёсны жахаться не хотелось.

Психи пошли курить и докуривать в туалет, который открывался на 15 минут четыре раза в день. В остальное время — хоть обосрись. Всё равно убирались больные.

Меня положили в надзорную палату, где не полагалась пижама — только нижнее бельё. Там содержат припадочных, буйных и новичков, пока не определят, какой ты. В палате постоянно дежурит санитар, горит свет. Если увидят в коридоре одного и без пижамы — накажут.

Шестьдесят кроватей — спинками друг к другу, в три ряда, вплитык. Между ними такие узкие проходы, что еле влезала голень. Личных вещей никто не имел — курево и мыльно-рыльные принадлежности хранились в кладовке. Мне указали место. Вдруг санитары привели того самого «земляка», раздели догола, положили под одеяло, чтобы не бродил. Он начал мастурбировать. Психи забеспокоились. Их вовсе не шокировало его занятие. Просто онанист лежал на панцирной сетке и издавал однообразный скрип, вот этого придурки не терпели. Со всех сторон послышалось: «Перестань!», «Хватит». Кое-кто начал подражать и овладел сам собой. Санитар, видя, что больные на грани срыва, скомандовал: «Каримов — руки на одеяло!» Тот исполнил команду и продолжил насиловать себя через одеяло.

Я не выдержал и начал смеяться, уткнувшись лицом в подушку. Рядом послышалось: «Не плачь, браток, всякое бывает». Подняв голову, увидел проснувшегося соседа с такой рожей!.. Ну, в общем она (рожа) кирпича не просила, а, видимо, уже дождалась, не раз и при рождении, когда ещё без туловища только на свет появилась.

На отделении народ пребывал разный, половина — нормальные с виду, остальные — как из кунсткамеры сбежали.

Каримов между тем быстро кончил, «потачился» и заявил санитару что хочет в туалет. Медбрат сказал, что его скоро откроют. Каримов вскочил, весь перепачканный спермой, и попытался выйти в коридор. Санитар нажал кнопку тревоги и бросился на «чурбана». На помощь подоспели двое сотрудников. Завязалась борьба. Каримов, скользкий от эякулята, долго не давался. Наконец нарушителя скрутили и привязали за руки, за ноги к кровати. Многие в палате тоже были привязаны. Некоторые заколоты сильнодействующими препаратами и не могли ходить или ходили с трудом, отходя от уколов. Сосед с дурной рожей пояснил, что меня тоже будут колоть — здесь всех колют, особенно первое время. Такая перспектива совсем не радовала.

На другой день меня вызвал врач. Очень ущербный и странный человек. Первый раз он вполне доброжелательно со мной беседовал. А через час меня отвели в процедурную.

Многих больных санитары тащили на укол волоком (не могли ходить) или силой (боялись). Когда первый раз вводят сульфазин, никакой боли не чувствуешь. Колют внутримышечно — не в одну точку, а в ягодичцы, под лопатки, бывает — в голень. Дозы: 8, 12 и даже 18 кубиков. Через несколько часов резко нарастает дикая боль. Как будто в место укола воткнули раскалённые штыри и не вынимают. Стоять не можешь. Лежать, шевелиться — невыносимо. Температура поднимается — зашкаливает градусник. Для поддержания сердца вводят кардиомин. Общее состояние — полусумасшествие. Самая жуть, что через сутки колют опять, в те же места, до которых просто не дотронуться, не то что иголку воткнуть. Из процедурной несутся вопли, как в фильмах про гестапо.

Такое «лечение» длится восемь циклов, 16 дней и больше. Ходить потом долго учишься. Спрашивал медсестёр, зачем такие инъекции. Ответили: «Вроде шлаки выгоняют». Думаю, просто издеваются. На праздники всё отделение «закалывали», чтобы не мешали вечером санитарам и медсёстрам веселиться. Чтобы ЧП не было и, не дай бог, врача из дома не пришлось вызывать.

Чрезвычайные происшествия не редкость. Когда я уже мог ходить не только под себя, начал со всеми посещать столовую. Спустились как-то, кто мог, в пищеблок. В отделении остался санитар. Один псих, заколотый аминазином, проснулся. У него начался припадок: вскочил, выдрал раму, разбил толстенное стекло. Взял осколок, подбежал к привязанному к кровати за плохое поведение восемнадцатилетнему пациенту, «косившему» от армии, и начал резать... себя, но склонившись над ним. Привязанный, видя такое харакири, впал в транс (от него потом долго дерьмом несло). Когда подоспели санитары, горе-самурай был мёртв.

Бывает, над психами издеваются медсёстры. Когда я уже мог нормально ходить, меня перевели в обычную палату, дали пижаму. Смотрели вечером в коридоре телевизор, закованный в железный ящик с решёткой перед экраном и открывающимися впереди

ставнями. Медсестра, старая маразматичка, пела в углу песни диким голосом. Причём её, как ту пластинку, заело, и она дико протяжно визжала: «Снегопад, снегопад...»

Больной спросил её: «Можно сделать погромче?», имея в виду телевизор. Но поп-звезда дурдома решила, что ему нравится её пение, и завывала ещё пронзительней. Псих встал, просунул пальцы сквозь решётку и прибавил звук. Медсестра заорала, позвала санитаров. Больного привязали к кровати. Климактеричка не успокоилась. Без назначения врача она не могла никому делать инъекции психотропных препаратов. Но она нашла выход. Стянула парню кальсоны и колола в ляжку витамины, уколов десять подряд (очень болезненно). Кто долго работает в сумасшедшем доме, на мой взгляд, становится хуже своих пациентов...

Но что это мы всё о грустном?.. Бывали в дурдоме и весёлые деньки (для меня). Раз утром объявили: сумасшедшие являются полноправными гражданами и имеют право голоса на выборах. Приехал в «дурку» агитатор, совершенно «пробитый» гражданин. Собрали в коридоре больных. Несколько человек, таких же «косарей», как и я, чего-то ещё соображали. Многие же были «контужены по самое колено» (мягко сказано). Агитатор толкнул речугу: «Друзья, вам выпала великая миссия! Сегодня у нас праздник, вы будете голосовать. Свободно изъявлять свою волю...» Минут пятнадцать он «гнал» в том же духе. Если бы не цивильный костюм, я бы подумал, что он самый запущенный пациент. Затем он зачитал биографии кандидатов в депутаты. Слушатели внимали с интересом: кто-то ел «козьявки», кто-то ковырялся в гениталиях, у многих от восторга текли слюни. Оратор не замечал убогой аудитории, он «упивался» собой. В конце объяснил, что в дальней палате будет стоять урна для бюллетеней — голосование у нас тайное: проходите к урне и ставите «птичку» напротив фамилии вашего избранника, и прочее.

Санитары возразили, что им положено быть там, где больные. Но член комиссии настоял, чтобы процедура голосования проходила в рамках закона. Под шумок я улизнул в дальнюю палату. Вскоре следом начали заходить придурки с бюллетенями. Кто-то нормальный брал ручку и, чиркнув, опускал бумажку в ящик. Остальных процедура ставила в тупик — они тупо топтались рядом. Я начал советовать: «Откуси половину бюллетеня». Тем, кто был соплив, велел высморкаться, проделать дырку в середине и так далее. Большинство избирательных листов имели жалкий вид. Если бы про мою проделку узнали, мне было бы плохо. Зато я представил, как в счётной комиссии вскроют урну и поймут, что за контингент изъявил свою волю. Не надо устраивать фарс с больными людьми!

Пребывание в сумасшедшем доме оставило у меня весьма тяжёлый осадок в душе. Нигде я не чувствовал такую бесправность. Даже в тюрьме можно жаловаться, протестовать. Да и сотрудники пенитенциарной системы, хоть и не ангелы, но не такие садисты, как упомянутые выше медики. А ведь многие люди проводят в дурдоме всю жизнь, будучи здоровыми, просто врачу не понравились. В общем, если уж выбирать между психбольницей и тюрьмой, думаю, лучше уж сделать выбор в пользу последней.

А представьте, что творится в тюремной спецдурке, где эки-больные и «закосившие» отбывают срок по приговору суда. Там вообще беспредел медиков. Не симулируйте при аресте сумасшествие, иначе с вами может случиться то же, что с одним питерским бандюганом, когда он молодым попался на краже и начал «косить», его поместили в спецдурку, где он провёл 13 лет. Самое печальное, что максимум, что ему грозило за кражу, — два года зоны. Сейчас он вполне преуспевающий бизнесмен. Что доказывает: врачи держали его в психбольнице из собственной прихоти.

Зона провинциальная. Самодельщики. Помоечники. Мода на побег

В каждом исправительном учреждении есть свои маразмы. Особенно сильны они в провинции. Наши кинодеятели и литераторы вечно показывали деревню в иллюзорном свете. Мол, сколько от сохи вышло великих людей!.. Но куда они вышли? В Москву, Питер и другие крупные города. А кто остался в колхозе... Не хочу их ругать — читатель, думаю, сам знает, кто там в основном остался.

Колония, в которую я попал, находилась в посёлке, работали в ней местные жители. Шли на службу, как на подбор, жуткие пьяницы. Самое забавное, что и сам спецконтингент на 90 процентов состоял из обитателей окрестных населённых пунктов. Естественно, менты не сильно беспредельничали. Это сейчас ты власть, а после с бывшим зэком живёшь в соседних домах, пьёшь вместе, а где пьянка — там и разборки... В зоне сотрудники и арестанты тоже беспробудно пили. Зэки ставили брагу, гнали самогон. Менты за ширпотреб проносили с воли пойло.

Начальник учреждения и его зам слегка борзели, но на то они и командиры, им положено. Наглость проявлялась в том, что, когда им надо было с утрачка опохмелиться, а денег не было, они бегали по баракам и искали спиртное на халяву. Сначала пробовали договориться по-хорошему. Забегали в отряд и орал: «Мужики, кто даст выпить, завтра пойдёт на УДО!» Поначалу новички в обещания верили. Но поскольку сразу после опохмелки клятвы забывались, спиртное давать перестали. Так как «буксы горели», «хозяин» зверел и, приставив к голове зэка (замеченного ранее в наличии самогона) самодельный пистолет (их на «промке» делали), орал дурным голосом: «Да-а-ай бра-а-аги!!» Достав выпить, начальнички бежали вприпрыжку в комнату передач, где у «хозяина» работала жена. Она имела препоганый вид: толстая, с бегающими глазками (вечно подбитыми и припудренными). Эта бабища постоянно таскала продукты из передач заключённых. Когда выдавала «дачки», только и слышалось: «О, колбаска!.. Дорогуша, я себе отрежу кусочек?..» Кто же откажет жене такого человека?

Начальник с замом запирались у неё, выпивали, закусывая наворованными деликатесами. Если супруга вякала: «Хватит пить!», муж тут же «подмлаживал» её под глаз. После чего, довольный, шёл править службу.

Из-за постоянных пьянок случались, конечно, чрезвычайные происшествия. Такую мелочь, что замначальника замёрз пьяным в сугробе рядом с домом, обсуждали недолго. А вот когда два нетрезвых самодельщика, которые точили на промзоне револьверы и стреляющие мелкашкой ручки, обстреляли автоматчика на вышке — это было круто. Судили-рядили долго. Но администрация скандал замяла. Ведь с «промки» кормятся все, в том числе — и с пистолетов.

Другие менты также подворовывали с зоны и пили по-чёрному. Доложит оперу стукач, что в таком-то цеху, в такой-то «кандейке» гонят самогон. Нагрянет «кум» в конце процесса (якобы со случайным шмоном), отберёт пойло. После уходит с бутылью, довольный, но замечание всё равно сделает: «Что-то не убрано у тебя, ты приберись обязательно!»

Начальник отряда тоже уникал. Выйдет на поверку и пристанет к зэку. Можно его обзывать как хочешь, но чтобы последнее слово осталось за ним, а так — говори что угодно. Вот если вместо ответного мата он заладит: «Говори, говори, сам такой», — жди беды, непременно сделает гадость.

В санчасти трудился доктор. «Коновал» для него комплимент будет. Все болезни он лечил так: посмотрит внимательно — будь то перелом или простуда — и изречёт: «Ну что ж, давай помажу». В смысле: сделаю йодную сетку. В тяжёлых случаях отправлял в больницу. Это уж когда совсем помирали. Все лекарства из санчасти были пропиты.

Что ещё бросалось в глаза в провинциальной зоне — отсутствие улыбок на лицах зэков. Если в городских колониях только и слышишь «ха-ха, хи-хи» и высказывания полные юмора, то здесь окружающие (за редким исключением) вечно на «гуммозе» (грустные). «Кисляк смандячат» (сделают кислую мину) и давай вести умные разговоры (по их разумению умные) о политике. Вместо развлекательных программ смотрят новости, потом обсуждают, неся ахинею. Или давай про понятия «чесать» — то не «катит», это «в падлу». Особенно преуспевают в таких речах помоечники по воле. У кого-то на религии крыша съехала, у других — на колдовстве или рациональном питании. От дегенерата, пьющего на свободе денатурат и барбитуру, можно услышать: «Ты что, соль есть вредно!»

А то мода пошла в побеге уходить. Никто, правда, так и не убежал, но много раз пытались. То полезут на забор и в колючей проволоке с путанкой застрянут. То по доске

через запретку пробуют перелезть — вниз сверзятся. И смех, и грех. В общем, сидеть в провинции не сахар, но прикольно.

Глава 5. Территория абсурда

Как «запрет» попадает под крышу

Сколько сижу — удивляюсь: для многих эков смысл существования сводится к тому, как достать покурить и заварить. Даже когда в зоне кормят помоями, беспредельничают сотрудники, но если в общаке есть пачухи-заварухи (курево-чай), учреждение считается нормальным. И о «смотрящих» судят по тому, как они «греют»¹³ братву «под крышей» (в карцере).

В некоторых колониях администрация негласно разрешает «загонять грев»¹⁴ в штрафной изолятор, в СУС (строгие условия содержания), в бараки усиленного режима. В других — жёстко пресекают подобные движения. В таких зонах все «смотрящие» имеют в запасе запаянные в полиэтилен сигареты и чай. Причём такие «колбаски» бывают достаточно крупные. Только какого-нибудь арестанта надумают сажать в «трюм», он ещё мыльно-рыльные принадлежности собирает, а смотрила уже здесь: «На, земляк, заторпедируйся» (то есть засунь «бандяк»¹⁵ себе в задний проход и пронеси «бродягам»¹⁶ в карцер). Так же проносят записки, наркоту. Причём чай идёт не в сухом виде — из него бодяжат, вываривая, густую массу. Так экономней заваривать: несколько капель — и кружка чифира готова. На крайняк и кипятик не нужен — в холодной воде растворится.

Но мало пройти перед карцером шмон, приседая в голом виде и сжимая сфинктер, чтобы при этом не вывалилась «торпеда»¹⁷, — надо ещё поделиться «запретом» с другими камерами. Хорошо, если есть «кабура» (отверстие в стене). Тогда мастерится «конь» (палочка или туго свёрнутая бумага с ниткой и тряпочкой или носовым платком на конце). В платок заворачивают «грев» и вслед за палочкой продевают в отверстие.

Когда «кабур» нет, то кулёчки оставляют в прогулочных двориках. В карцере положена часовая прогулка, хаты гуляют по очереди. Бывает, по выходу на прогулку устраивается жёсткий обыск, тогда «подгоны» выносятся и заносятся в прямой кишке. Представьте, каково это на морозе? Про гигиену молчу.

Совсем жуть была в нашей зоне. Один особо ретивый оперативник любил делать гадости и обладал чёрным юмором. Все сотрудники, конечно, прекрасно знали, как «запрет» попадает «под крышу». Когда одна камера погуляла, «расторпедировалась» и спрятала кулёчки, опер нашёл их и, намазав аписатроном (применяется при растяжениях, при нанесении на кожу очень сильно жжёт), положил в тайники. Вышла другая камера и, ничего не подозревая, загнала «торпеды» в задний проход. Представьте, как саднил у них анус. Некоторые вопили в голос и, несмотря на сбежавшихся охранников, спешили опорожнить кишечник. Менты веселились.

13 Грев — передача.

14 Загнать грев — отправить передачу.

15 Бандяк — кулёчек с чем-либо.

16 Бродяги — правильные преступники.

17 Торпеда — кулёчек в целлофане с деньгами, наркотой, запиской, засунутый в зад.

Также «непалимый загошник» или «задний карман»¹⁸ используют как тайник, когда везут по этапу «малявы» (записки), деньги, наркоту и сотовые телефоны.

Таким же образом с промышленной зоны на жилую выносят спирт. Правда, так много не вынесешь. Чаще для спирта используют совсем варварский метод. Осуждённый глотает презерватив, держа его край руками, запрокидывает голову, и в гондон вливают до литра спирта. После горловину резинки завязывают ниткой, которая крепится на зубе. Выйдя с работы через шмон, нитку развязывают, опять держат гондон за край два ээка, переносчика переворачивают вниз головой, и «огненная вода» стекает в подставленную ёмкость. Нередко случается, что латекс лопается в пищеводе. Тогда неминуема мучительная смерть.

Да и с записками на этапах не легче. По двое-трое суток, пока не прибудешь на пересылку и не пройдёшь обыск, нельзя опорожниться. Как следствие — рези, токсикоз. Обидно, что почти все записки примерно такого содержания: «Как сам? Как дела?» Ведь авторитетам такая почта не нужна — у них есть мобильники.

Как я уже говорил, менты знают об этих уловках, но им всё равно. Есть, конечно, отдельные служаки, болеющие за дело до того, что готовы копаться сами понимаете в чём. Вот опять же, в нашей зоне — когда расконвоированные осуждённые возвращаются с воли с работы, им частенько делают клизму. И сотрудники бдительно рассматривают результаты.

А вообще, ээки — как армянские комсомольцы: сами себе придумывают трудности, а потом их героически преодолевают.

Захват заложников. Бескровный

Случилось это ещё при коммунистах, в зоне строгого режима. В тот день осуждённые 5-го отряда отоваривались. То есть на заработанные деньги, но по безналу, покупали в ларьке немного продуктов. Начальство за провинность могло лишиться права отоварки. В предбаннике толпились ээки, за стеклом с решёткой вели торговлю три женщины. Вдруг в лабаз вломилась трое ээков. Приставив к шее продавщиц заточки, заявили: «Это захват заложников». Передав ээкам в предбанник пакет с требованиями, велели отнести ментам. Ээки 5-го отряда, видя, что лабаз срывается, попросили: «Братва, хоть чая и курева дайте!» Захватчики не дали ничего. Велели покинуть помещение и забаррикадировались на торговой площади. Правда, отпустили одну продавщицу, ей стало плохо, она была беременна. А так-то все видели, что террористы обожрались «колёс».

Дальше начался маразм. Большинство сотрудников колонии, как всегда, были пьяны. Первым около магазина, еле держась на ногах, «нарисовался» начальник 5-го отряда. Не понимая, что происходит, но сообразив, что кто-то нарушает режим, он подёргал дверь и заявил: «Осуждённые, кончайте хулиганить, а то я вас ларька лишу на месяц!» По-моему, смеялись даже заложницы. Хорошо, что прибыл трезвый начальник колонии и убрал «шута». Пока вели переговоры, прибыла группа захвата. Бравый майор, взяв командование на себя, пошёл поговорить. К тому времени захватчики частично оклемались и поняли: борзеть не стоит. Потребовали машину и выезд из зоны. От оружия отказались, это их и спасло. С оружием их бы не выпустили из колонии и застрелили бы у ворот. Потребовали также, чтобы из соседней зоны к их приезду освободили их подельника. Отказались обменять женщин на майора и начальника учреждения. Майор, переговорив с бунтарями и выйдя из лабаза, сказал сотрудникам: «Это пленный состав. Можно их подстрелить (на всех зданиях засели снайперы), но мы их возьмём, когда придут в себя, без крови». Тут опять «нарисовался» начальник 5-го отряда. Его колбасило с бодуна, как волка мороженого, но он, выслуживаясь, потребовал: «Дайте мне винтовку, я охотник, белку в глаз бью, я их завалю». Бравый майор распорядился: «Уберите лопизня, а то я ему сам глаз выбью!»

Террористам предоставили «уазик», они загрузились в него вместе с заложницами и в сопровождении эскорта милиции поехали в соседнюю зону за 17 километров. Там случилась

18 Задний карман — анус.

заминка. Дело в том, что их поделщик, отбывающий там наказание, в отличие от захватчиков, с утра не принял «колёс» и не хотел освобождаться таким образом. Понимал, что это чревато последствиями. Но требования надо было выполнять. Менты, надавав парню тумачков и обещаний типа «тебе ничего не будет, даже срок не добавим», выкинули его из зоны. Бедолаге пришлось залезть в «уазик» к дружкам. Захватчики потребовали, чтобы их не преследовали, и поехали в родной город. К тому времени действие «колёс» прошло. Сделанное ужасало, но слезки вроде бы не было, и друзья, совсем поверив в удачу, весело болтали с заложницами.

Странно вообще, что троицу на это переклинило, и они решились на захват. Сидеть им оставалось от одного до трёх лет. Отбывали наказание без проблем.

Женщины попросились в туалет, парням также приспичило оправиться. Ещё раз осмотрев трассу и не заметив ничего подозрительного, они съехали в перелесок. Вышли из машины, и вот тут началось... Как из-под земли возникла группа захвата. Четверых друзей жёстко взяли. Женщины были шокированы и просили перестать бить ребят, так как те им ничего плохого не сделали и всю дорогу обращались вежливо.

После был суд, троем подняли срок до десяти лет. Их четвёртому товарищу не накинули ничего, менты сдержали слово. Случай, описанный выше, беспрецедентный. Обычно захватившим заложников не дают выехать за территорию учреждения. Руководитель операции, боясь, что на воле пострадают люди, даёт приказ, и «спецы» производят захват со стрельбой и взрывами, во время которого группа захвата, толком не разобравшись, палит во всё, что шевелится. Зачастую и заложники гибнут. Так что надо богу молиться за braveго майора. Не знаю, чем он руководствовался, но, рискуя карьерой, жизнь придуркам сохранил.

Деление по мастям

Предлагаю вам экскурс, кто есть кто за колючей проволокой. Также постараюсь сравнить, как жил криминальный мир прежде и как живёт теперь. В России произошли перемены, в неволе тоже многое изменилось.

В колониях осуждённые делят друг друга по мастям. Причём есть камерные люди. В хате он может быть бесспорным лидером, а прибудет в зону и станет «чёртом». Ведь там, чтобы достойно существовать, надо или быть очень сильным морально, или влиться в группировку.

Не буду писать про воров в законе, думаю, они сами не разберутся в собственных понятиях. Старые традиции вымерли, а новые не приживаются. Ушли в прошлое бессребреники, боровшиеся с произволом администрации зон и тюрем. Сейчас носящие «воровскую корону» почти не сидят и занимаются бизнесом. Быть «вором» стало скорее старинным романтическим обычаем.

Лучше коснёмся тех групп заключённых, которые встречаются всегда и в каждой колонии.

Первая и высшая масть — «блатные». Сюда входят: «положенцы», назначенные лично воров в законе смотреть за учреждением. «Смотрящие» — как бы выдвиженцы из среды эков, они смотрят за всем. Нет «положенца» — смотрят за зоной, за общим (общаком), отрядами, санчастью, столовой, ширпотребом, ШИЗО, СУС, больницей (если есть в колонии). Сейчас авторитетные люди не идут на такие неформальные посты. Они остаются серыми кардиналами и рулят всем движением, а «смотрящими», с которых, если что, снимут голову, ставят не поймёшь кого: наркоманов и даже севших за изнасилование. Также в «блатных» ходят те, что имеют вес в неволе, порой больший, чем у «смотрящих» и «положенцев». Но часто такие люди подтягивают к себе богатых арестантов, чтобы сытно жить. Толстосумы благодаря такой «крыше» блатуют. Хотя часто бывают погаными людьми. При коммунистическом режиме за решёткой процветала уравниловка. Зэки в борьбе за лучшую жизнь имели равные шансы. Передачи разрешались через полсрока, были редки и весом не более пяти или восьми килограммов. Материальный фактор в зонахской иерархии

не играл особой роли. Все ходили в робах и сапогах-кирзаках. Из-за этого в лидеры выбивались смекалистые люди. В наше время стало сложнее. Ты можешь быть хоть каким умным, но если плохо одет, у тебя нет нормальной пищи, постельного белья, можешь упасть в глазах окружающих.

Во многих зонах не выдают ничего — ни одежды, ни спальных принадлежностей. Только три раза в день — жидкое варево, которое нельзя назвать пищей. Из-за этого передачи разрешили хоть каждый день, без ограничения в весе. Естественно, тот, кто за счёт знакомых и близких имеет такие подгоны, не будет жить плохо.

В некоторых учреждениях ещё можно изредка видеть типа прежних блатных, засиженных урок, в наколках и при понятиях, живущих за счёт карточной игры. Но они сдают позиции. Сейчас авторитеты больше бандитствующего типа. Хотя зачастую за понятия выступают и бандиты. Последние обеспечивают материальную и силовую поддержку, а уголовник забивает головы впечатлительным дуракам сказками про «понятия».

Есть ещё «приблатнённые», но это подвид. Зэки такую масть не признают, и слово это не в ходу. Но они существуют — это те, кто крутится около блатных, но им не ровня. Здесь всякий люд, кто выбился из общей массы.

Хорошая и забытая сейчас масть — «порядочные мужчины». Они не блатуют, то есть внешне не подчёркивают, что они суперкаста. Такие смогут поставить на место любого. Из-за этого все их опасаются и действительно уважают.

Есть просто «мужики». Это слово на слуху. Самый никчёмный в колонии народ. Раньше хоть были работой заняты, получали зарплату. Могли приобрести еду, курицу. Сейчас валяются на шконках. У них одна задача — достать жратвы, курицы, чая и тут же его сцифирить.

Следующая масть — «черти». Практически те же «мужики», но совершенно не следящие за собой. Впавшие в протрацию типы, уцербные на голову.

Дальше идут «шныри» — слуги, выполняющие роль уборщиков, прачек и личных холуёв.

Потом «козлы» — вот здесь сложнее. На жаргоне так называют и просто стукачей, и эзков, занимающих определённые должности типа завхозов, дневальных, бригадиров, председателей самостоятельных организаций (секций). Если зона «чёрная», где у власти «смотрящие», — то можно назвать активиста «козлом». Но в «красной» зоне они сами рулят — попробуй их так назови.

Потом идут «обиженные». Живут они все отдельной кастой, но отличаются друг от друга. В нормальной, не беспредельной зоне, у них есть «главпетух» — свой «смотрящий». Существуют рабочие «петухи» и не рабочие. Первые оказывают секс-услуги. Вторые — нет. Их просто «опустили», и они несут свой крест.

В «чёрной» зоне нельзя силой принудить педика оказывать свои услуги. С ним надо договориться, заплатить. «Петух» тоже может пожаловаться на беспредел «смотрящему» зоны.

Среди «обиженных» много истеричных, не умеющих себя вести тварей. Зэки их просто отделили от себя. Встречаются и жертвы беспредела.

Конечно, описанное выше очень схематично. Чтобы рассказать обо всех оттенках мастей, не хватит книги. Ведь есть ещё всякие «крысы» (ворующие у своих), «негодяи» (блатные, совершившие очень мерзкие поступки) и даже «суки» — отдельная масть. Многие зэки не знают, что это слово можно применить только к бывшему вору в законе, предавшему свою идею и близких. Ссученный вор — «сука». В общем, всего не объяснишь.

Маски-шоу. Затейники с дубинками

Поведаю, что творит за решёткой гуиновский спецназ.

Преступники сидят в тюрьме — за грабёж, хулиганство, нанесение телесных повреждений. Но если эти же деяния в СИЗО и зонах совершают люди в погонах, почему-то они за это никакой ответственности не несут.

В пенитенциарной системе есть свои войска специального назначения. Они призваны подавлять бунты в зонах, освобождать заложников. В неволе спецназовцы спокойно тренируются на эках, заходят в тюрьмы и палками избивают арестантов.

Возьмём для примера один следственный изолятор, через который обычно проходят этапники. Помимо штатных сотрудников изолятора их встречают молодцы в тракторных комбинезонах, со всевозможными нелепыми нашивками. На спине крупно «Спецназ». На поясе — наручники, баллончик со слезоточивым газом, дубинка. На голове — глухая чёрная маска, но сквозь неё всё равно доносится запах перегара. Из-за маски их и прозвали в просторечии — «Маски-шоу».

После переключки — обыск. «Маски» сразу предупреждают: «Кто не сдаст запрещённые предметы добровольно, будет сильно избит. Если у кого найдут что-то криминальное при повторном шмоне в камере, „под молотки“ пойдёт вся хата». Слова у этих гоблинов с делом не расходятся.

При обыске у арестантов отнимают всё, что «спецам» нравится: деньги, консервы, дорогую зубную пасту, мыло, новые вещи. Вот он, грабёж! Даже рожи, как у разбойников, прикрыты.

После шмона эков кидают в переполненные подвальные камеры. На площади девять квадратных метров обитает до восемнадцати человек. Когда «маски» проводят повторный обыск, открывается дверь, и спецназовец считает до пяти. Если кто-то, кроме дежурного, не успел выскочить на галеру и встать лицом к стене, широко расставив ноги, его сильно избьют.

На следующий день вы слышите дикие крики в коридоре. Это пускают «под пресс» соседние хаты. Открывается дверь, гoblin считает: 1, 2, 3, 4, 5. Вроде все успели выскочить. Арестанты стоят вдоль стен враскорячку. Сзади ходит садист с дубиной и бьёт по ногам, заставляя садиться чуть ли не на шпагат. У одного из спецназовцев в руках карточки с данными эков. Он подходит, и уголовник должен громко назвать: фамилию, имя, отчество, статью. Не дай бог сбиться или замешкаться — тут же удар по почкам и пинки ногами. Если статья — изнасилование или сопротивление властям, бьют до увечий. Нерусских лупят особо сильно, приговаривая: «Ты что, сука черножопая, приехал в Россию преступления совершать?» Ещё «маски» любят отрабатывать удары на физически крепких парнях. Паясничают при этом, как Пельш в «Угадай мелодию»: «Спорим, я собью его с двух тычков. А я с одного. Ну что же, бейте». Одному эку особенно не повезло: он был казах, очень здоровый, сидел за изнасилование и в зоне жил в «петушатнике». Спецы его долго пинали. Потом посадили в отдельную камеру и начали изгаляться. Один из «масок» ему объясняет: «Я прохожу мимо хаты и стучу ногой в дверь. Ты должен очень громко кричать „кукареку“, иначе продолжим экзекуцию». После этот debil в погонах стоит у двери, стучит в неё. Оттуда надрывные петушиные крики. У остальных спецов это вызывает дикий восторг. Но это ещё не всё, они же такие затейники. Подходит второй «интеллектуал» с дубинкой и объясняет эку: «Если ещё раз крикнешь — худо будет». Первый угрожает: «А не крикнешь, будет худо от меня!» Осуждённый при любом раскладе кем-нибудь избивается.

«Маски» вообще большие мастера по части затей и шуток. У одного арестанта на лопатке красовалась татуировка — мишень и надпись: «Не промахнись, чекист». Его постоянно били в эту наколку коваными ботинками, под смех окружающих интересуюсь: «Ну что, не промахнулся?» В результате сломали лопатку, рёбра и отбили лёгкие.

Эти спецназовцы из какой-то особой породы вырожденцев. Ладно, бьют здоровых, но беззащитных мужиков, но ведь они и инвалидов не жалеют. В соседней камере (после доноса стукача) в протезе ноги у эка нашли заточку для резания хлеба. Всю хату мордовали, а калеку особо. Представьте картину: человек без ноги сидит на полу в коридоре, рядом отстёгнутый протез, а двое здоровяков в масках бьют его дубинами по спине.

Эти молодчики считают себя очень крутыми. Стоит взглянуть на их, как я уже говорил, комбинезоны с нашивками на английском с оскалами зверей. Рукава засучены. Дешёвые перчатки с обрезанными пальцами. Дубинки, как меч у ниндзя, сзади. Походка «а ля Терминатор».

Ну а то, что на обысках у эков «крысят» вещи и лазают за запрещёнными предметами в унитаз — это издержки профессии. И на то, что воевать приходится с беззащитными, лишёнными прав людьми, не стоит обращать внимания.

Особо «маски» издеваются в СИЗО и зонах над эками, содержащимися в карцерах. После их посещения редко кто не попадает в лазарет. Бывали случаи, когда осуждённых забивали насмерть. Жаловаться бесполезно. Во-первых, они в масках, невозможно опознать. А во-вторых, в карательных органах круговая порука. Сам видел, как пьяный прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях руководил «масками», когда они безо всякого повода избивали эков в нашей зоне. Когда кого-то сбивали с ног, прокурор издевался: «Ты что, споткнулся?» Ну и куда жаловаться?..

Извращенцы в погонах (про сотрудников-гомосексуалистов)

Очень часто в средствах массовой информации рассказывают про «голубых» — недаром с древних времён народ требовал хлеба и зрелищ. Это я к тому, что хоть про педиков и много пишут, интерес к ним не ослабевает. Они остаются экзотикой. Так что не могу обойти стороной интересную и редкую тему: гомосексуалисты — сотрудники пенитенциарной системы. Да-да, вы не ослышались: именно сотрудники, а не заключённые.

В трудах сексопатологов и психиатров встречаются цифры: 50–70 процентов мужчин склонны к педерастии. Это, наверное, так, просто большинство свои пристрастия не афишируют. Только безбашенные ходят по всяким клубам да тусовкам, соответственно одеваются и даже пользуются косметикой. Многие другие, латентные (тайные) гомики, наоборот, свою ориентацию скрывают, всячески подчёркивают мужественность, даже профессии выбирают из группы риска.

Сегодня речь пойдёт о нескольких офицерах зоны, где я отбывал наказание, склонных к однополю любви. Напрашивается вопрос, как я про это узнал. Некоторые не очень скрывали свои привычки. Ну а про других... В каждой зоне есть группа заключённых, которой известно про учреждение всё (имеющий уши да услышит!).

Так вот, был у нас один майор-дежурный. Долго проработал в системе. А кто долго служит, редко сохраняет полностью ясный рассудок. Майор занимался сексом с зонавскими «петухами» почти в открытую.

После шести вечера всё начальство уходит домой. Дежурный рассылает оставшуюся смену по объектам. Потом вызывает на вахту педика помоложе и «имеет» его прямо на пульте, во все дыхательно-пихательные отверстия.

Об этом знали и сотрудники, и эки. Но поскольку майор держал себя в рамках, то есть трахал только «обиженных», не предлагал совокупляться мужикам, и с учётом того, что до пенсии ему оставалось недолго, начальство его терпело. Тем более что в учреждении был большой некомплект личного состава. Да и со службой извращенец справлялся отлично.

Куда интересней был другой сотрудник. Этот производственник любил соблазнить нового партнёра, так сказать, «целочку». Ему был интересен процесс обольщения. Надо сказать, что в своём кабинете он в этом преуспел. Вот кто был действительно психолог. Самое интересное, что после нашей колонии он пошёл на повышение, стал начальником оперативной части в следственном изоляторе. Здесь он, как говорится, чувствовал себя, как лис в курятнике. В СИЗО до суда томились малолетки. Это же просто праздник какой-то. Отдельный кабинет и полностью зависимые мальчишки. Многие были вызваны для беседы и растлены. Но — зарвался. Нет, никто из соблазнённых им не стал жаловаться. Просто «голубой» начальник оперчасти был хорошим работником. А в то время во вверенном его заботам учреждении находились под следствием (в качестве взрослых у малолеток) и

отбывали наказание (в качестве хозобслуги) члены «мальшевской» группировки. Начальник изолятора (позже арестованный за коррупцию) создал для данного коллектива райские условия... Но речь о другом. В общем, стал опер-педераст собирать компромат на своего начальника, а значит, и на бандитов. Здесь он просчитался: ведь ему давали понять, кто он есть и где его место. Даже когда ночью в изоляторе проходили сходняки, купленная охрана не пускала в тюрьму начальника оперчасти. Он не понял. Тогда во время очередной беседы с четырнадцатилетним симпатичным подследственным в кабинете старшего «кума» выбили дверь. Сотрудникам отдела собственной безопасности пришлось ознакомиться с «новым методом оперативной работы со спецконтингентом»: на столе — матрас, на нём лежит на животе мальчишка-зэк, а сверху — опер без штанов...

Самое странное в этой истории, что насильника не посадили, а по-тихому уволили. Невольно вспоминается его стремительное повышение по службе. Может, в управлении его покровитель тоже был «голубых» кровей. А может, просто честь мундира дороже загубленных жизнью мальчишек. Хотя какая у сотрудников пенитенциарной системы честь?.. Я всегда смеялся, когда они называли себя офицерами. Офицеры, копающиеся в чужих вещах, записках, — это смешно. Мне могут возразить, что тем самым изымаются запрещённые предметы, раскрываются преступления. Да, но вот что удивительно. У начальников есть в подчинении младшие инспекторы. Когда надо найти что-то запрещённое, можно приказать им. Но почти все майоры-подполковники так самозабвенно любят своё вертухайское ремесло, что лично копаются при шмонах в эковских обносках. Впрочем, это опять же тема для психиатров. Сейчас речь про другую патологию.

Был ещё в нашей зоне старший лейтенант. Его перевели из другого учреждения для несовершеннолетних за сексуальные домогательства к воспитанникам. Он ещё переводился, а у нас нормальные зэки уже знали всю его подноготную. Этого, так сказать, офицера сделали простым инспектором. Кабинета у него не было, так он в войсковом наряде любезно беседовал со смазливymi арестантами, но не больше — видимо, службой дорожил.

После этого я сменил ещё семь учреждений за три ходки и везде попадались педики в погонах. Я вот думаю: правы, наверное, учёные — как минимум 50 процентов склонны к гомосексуализму. Ладно, зэки — их жизнь заставляет, хотя многие не пользуются «петухов». Но если только в нашей зоне я наблюдал столько извращенцев в погонах (а про скольких я не знал!), сколько же педерастов по всей стране служит?..

О преимуществе пожилого возраста

Очень много в местах лишения свободы значит возраст. Зэки — такие же люди и снисходительны к пожилым, даже если те «косорезят», снисходительно относятся к их чудачествам.

Сидел у нас в колонии дед лет семидесяти, но этакий живчик. Был председателем СДП. Иногда вёл себя в отношении «чертоватых» мужиков как настоящий мент. На всю зону мог наорать на нарушителя режима, посадить его в ШИЗО. Но или в силу возраста, или из-за того, что он точно знал, на кого можно наезжать, его не трогали. Хоть он и совершал просто аморальные поступки. К примеру, замполиту было лень заниматься писаниной, и всю документацию и приказы по воспитательной части вёл председатель СДП. Это только по закону вопрос об условно-досрочном освобождении решает суд. Всё зависит от ходатайства сотрудников, а они заранее знают, кого отпустят. «Главкозёл» имел доступ к этой информации. Подходил к зэку, подавшему заявление на УДО, который точно пройдёт суд, но не знавшему об этом, и говорил: «Давай триста долларов и точно раньше освободишься». Тот просил у родных эту сумму и благодарный шёл домой. Если бы и произошла осечка, СДПшник просто вернул бы деньги.

Но вот он сам освободился. Его место занял двадцатилетний недоумок. Попробовал он действовать в том же духе. Вечером в клубе я наблюдал такую сцену: пьяные бандиты душили его в углу удавкой. Остановил я казнь, убедив их, что этот урод добровольно оставит

пост «главкозла» и станет простым уборщиком. Более того, он никого больше не заложит. Он всё пообещал и выполнил. Кстати, со старым председателем СДП связана другая история. Стою как-то с бумагами у спецчасти. Он проходит мимо. Мы общались, так как он из боязни предоставлял информацию, которую узнавал у сотрудников. В этот раз поинтересовался, чего стою. Объяснил ему, что хочу подать надзорную жалобу на приговор. Он прямо перекосялся, стал убеждать не делать этого. Оказывается, дали ему двенадцать лет срока. Написал он «касатку» — скинули до восьми. Составил надзорную — снизили до четырёх. Послал ещё одну, по пересуду, — опять подняли срок до двенадцати. И сколько теперь ни жалуется, не сбавляют.

Стоит ли получать портфель «смотрящего»

Находясь в камере, будьте осторожны с представителями других народностей. У них свой менталитет, представление о порядочности, правила поведения. Наконец, они не воспитаны на рыцарских романах и не станут проявлять благородство в том случае, когда надо драться один на один — они всегда нападают стадом. Наши люди (за редким исключением) в случае конфликта вряд ли вам помогут, даже те, на кого вы рассчитывали. Особенно не верьте, когда какой-нибудь жгучий брюнет с горбатым носом внешне показывает вам свою приязнь. Чаше это лицемерие.

Было у меня с ними много стычек. Опишу самую первую, которую никак не ожидал. Тогда я в людях плохо разбирался... Сидим в хате, двенадцать человек, среди нас — цыган Миша, лет сорока. Любезнее человека нет на свете! Мной он просто восхищался, громко выражал свои восторги. В тюрьме нередки случаи, когда зэка переводят из камеры в камеру. От нас тоже выдернули одного арестанта, а на его место кинули ещё одного цыгана. Стали «морики»¹⁹ держаться несколько обособленно, но не борзели. Через неделю снова происходит «килишовка»²⁰, и кидают к нам третьего «рома». Этот в их среде вообще какой-то авторитет: владеет агентством недвижимости, пытается изображать бандита, хотя по жизни — барыга. Стали цыгане держаться особняком, на кого-то из соседей немного порывкивать.

В хате я постоянно поддерживал порядок. Несколько раз наехал на «ромал» — они же очень шумные и бесцеремонные, им всё равно, что кто-то спит. Разговаривают, как будто глухие и в километре друг от друга находятся. Или по радио зазвучит музыка — начинают бить чечётку, как будто «экстази» обожрались. А то сами затянут дурные песнопения (прямо скажем, на прекрасное пение Николая Сличенко не похожие).

Если я делал им замечания, смотрели зло, но пока не огрызались. Потом один сокамерник мне на прогулке говорит: «Я по-цыгански чуть понимаю. Будь осторожен! Они против тебя что-то замышляют». Я не придавал этому значения.

Как-то несколько человек наших играли в домино. В камере всегда есть тот, с кем у вас складываются лучшие, чем со всеми остальными, отношения. Вот и я, проходя мимо приятеля, ненароком толкнул его плечом. Он как раз в проигрыше был, закричал довольно зло, но не обидно, чтобы я не мешал. Тут Миша-цыган громко, во всеулышанье заявляет: «Меня бы так толкнул — я бы вообще убил!» Это уже жёсткое оскорбление. Подойдя к нему, я посоветовал ему заткнуться и думать, о чём говоришь. Этот бородатый гоблин полез в стол, приговаривая: «Чем бы тебя прибить?» И достал тяжёлую шлёмку с острыми краями. Взял я его за бороду, поднял рывком со скамейки и дал в голову. Правда, несильно, но ему поплохело. Тут поднимается второй цыган, подходит ко мне и заискивающе говорит: «Ну зачем же ссориться?» А сам в это время прыгает вперёд и пробует ударить. Еле нырнул под его кулак...

19 Морики — цыгане.

20 Килишовка — перевод из камеры в камеру.

Кончилось тем, что я встал в узкий проход между шконками (в него со спины не зайти), а «морики» все втроём, но — из-за нехватки места — по очереди нападали на меня со шлёмками и заточкой для резки хлеба. Больше мешали друг другу, но шум подняли на всю тюрьму. Разбил им морды основательно. Дежурный нажал кнопку тревоги. Прибежал наряд сотрудников, открыли дверь, ворвались. Троица горячих парней и при них не утомилась — всё продолжали прыгать и орать. Менты утихомирили их дубинами и вместе со мной отвели в «стаканы» (камеры-пеналы). Пока дежурный докладывал операм, кричу цыганам: «Слышишь, табор, раз вы это затеяли — говорите, чтобы не было заморочек, что спортом занимались». Они мямят, что понятия знают. Тут их начали выдёргивать по одному. После к начальнику оперчасти отвели меня. Тот давай наезжать: «Что, боксёр, драку затеял? Напал на мирных последственных?.. Может, на тебя завести уголовное дело? Ты двоим носы сломал, третьему — нос и челюсть». Смотрю: майор — нормальный мужик, спрашиваю его: «Гражданин начальник, вы сколько в системе служите?» — «Семнадцать лет», — отвечает. «Что же, — говорю, — вы эту мандабратию не знаете? Или я на придурка похож, первым на троих лезть?» Опер сразу на другой тон перешёл: «Да посмотрелся я на них. Знаю, сами всё затеяли, но хотят на тебя заявление писать. Чтобы судили тебя за избиение. Ну вот что, с ними я проведу беседу, жалобы забудут. А тебя за нарушение, чтобы потерпевшие не так возникали, я посажу в штрафной изолятор на пятнадцать суток». И с удовольствием продолжил: «А всё-таки здорово ты их отмудохал! Но больше не дерись».

После карцера подняли меня опять в старую камеру. Ни одного «морика» там уже не было — перевели сначала в больницу, потом в другие хаты. К нашим у меня тоже отношение изменилось: ведь никто мне помочь не пытался. Тут ещё за стенкой какой-то авторитет объявился — «смотрящий» за тюрьмой, как потом выяснилось. В его случае сработал тот же принцип, когда настоящие блатные не становятся сами у руля, а «дают портфель» не поймёшь кому. Зовут меня к кабуре (отверстие в стене), и наглый голос с кавказским акцентом говорит: «Питерский, ты что там воду мутишь, народ бьёшь?..» Я всегда считал, что авторитетом нельзя назначить: он либо есть, либо — хоть как себя назови — его нет. В городе я всех известных людей от криминала знаю, в тюрьме — тоже. Спрашиваю, с кем говорю и кто мне указывать будет, с какой руки оскорбившего бить. Этот пиконосый тут же нарушил неписанный закон настоящих арестантов (не представился, выругался) и повысил тон: «Я тебе покажу, биять, с кем ты разговариваешь!» Теперь я понял окончательно, что, несмотря на его статус, я имею дело с «чепушилой»²¹. Просто коротко сказал: «Встретимся — покажешь!» Больше к кабуре не подходил, хотя он там визжал и плевался, угрожая мне. Начала эта мразь малявы в камеры писать, что я беспредельник и с меня надо спросить, но в хате или «овцы» сидели, или умные мужчины — они понимали, что он не прав вдвойне, раз меня цыгане заложили.

Этот «смотрящий» начал рулить тюрьмой, но заигрался и стал приносить много беспокойства ментам. По его указке в случае малейшего подозрения в стукачестве (зачастую безосновательного) людей калечили. Видимо, ментам передали наш с ним разговор или случайно получилось, но на ближайшем шмоне, когда я был с вечера назначен дежурным по камере, нашли заточку для резанья хлеба. Меня посадили в штрафной изолятор. На следующий день ко мне в камеру кидают этого «смотрящего». К тому времени я многое про него узнал от эков. В частности, что сел он за мелкую кражонку на рынке. Сам приезжий. В камере всем рассказывает, что приехал на соревнование по рукопашному бою. Раньше не судим, от роду двадцать пять лет.

Остались мы вдвоём. Он не знал меня в лицо, я его тоже. Но когда в корпусной его принимали, я услышал фамилию и догадался, кто передо мной. Он с порога начал понты чеченские кидать: «В натуре, менты оборзели, я „смотрящий“, вот и подставляют». Осадил его: «Питерский я, ты мне что-то показать обещал — давай!» Начал он «буксовать», нести «блевотину» про понятия, беспредел. Пришлось наехать на него плотнее: «Ты что через

21 Чепушила — презираемый человек.

кабуру кричал, кого материл? За ломовых вписался, меня не выслушав». Такие, как он, сильны только против чушковых, да и то в стае. Причём не волчьей даже, а шакальей. Объяснил ему: «В принципе, мне раскрутка не нужна, но с тобой в одной камере сидеть не буду. Даю тебе полчаса. Не сломишься — задавлю. То же будет, если начнёшь мне за жизнь тюремную тележить — ты в ней ничего не понимаешь, пустозвон». Только здесь он понял, что не в игрушки играет и за свои слова и поступки приходится отвечать. Постучался в дверь. Попросил дежурного выдернуть поговорить. Слышу: в корпусной объясняет, что мы не сошлись характерами, и просит его перевести. Видите, от страха за свою шкуру и честь забыл! Его слышали и арестанты в других камерах ШИЗО, заволновалась тюрьма: «смотрящий» сломился!..

Позже мне пришла «малява» от вора, где он вежливо попросил описать, что случилось. Рассказал ему, как было дело с самого начала, сослался на очевидцев. Решение вынесли, что я прав, а «смотрящий» — негодяй. Мне предложили его «портфель», то есть «загрузиться» за следственным изолятором смотреть. (Да на фига мне такой геморрой!) Ответил, что не имею опыта и не справлюсь. Для интереса расскажу, что следующим «смотрящим» стал 21-летний первоход, нахватавшийся верхушек. Ему потом в лагере «предъявили» за интриги и косяки и жёстко покалечили. Не исключено, что и вам предложат порулить тюрьмой — надо же кого-то «грузить»! Не советую соглашаться. Реальной власти не получите, а здоровья (а то и жизни) лишитесь. То же касается и лагеря.

О кидалове

Теперь коснусь другой темы. В неволе собраны далеко не лучшие представители человечества. Здесь редко кто действительно порядочный. Недаром говорят: предав единожды, предаст и потом. Так и с преступлениями. Но некоторые эки хотя бы в рамках себя держат. Другие сразу же начинают совершать идиотские поступки. Гораздо опасней тот, кто до какой-то поры ведёт себя безупречно, но в силу поганой натуры в итоге совершает такое, что не только ставит крест на себе, но ещё и других подставляет. В описанном выше следственном изоляторе новый «смотрящий» начал назначать «смотрил» в каждой камере. По хатам он гулять не мог. Начал списываться. Нашёл везде знакомых, таких же местных молодых придурков из определённого круга. В нашей камере «смотреть» «загрузили» Лёшу. Этот конченный наркоман сел за мошенничество и кражи. Занимал у знакомых в долг и не отдавал. Заходил в гости и крал мелкие предметы. С его рассказов стало известно, что он и родителей своих обокрал. Кто же такому командовать позволит? Но это в нашей камере не позволяли. В других такие уроды судьбы решали.

Как-то Лёшу вызвали на допрос. Пришёл он очень хмурый, озабоченный. Через час предлагает мне поменяться вещами, от скуки. Надо отдать должное: шмотки у него были шикарные. Вот он и предложил за мой джинсовый костюм, кроссовки, рубаху, свитер — свою «навороченную» кожаную куртку, ботинки и брюки «от кутюр». Сначала я не хотел, слишком неравнозначен обмен, не в его пользу, но он упрашивал, уговаривал, и я согласился. Через три дня меня перевели в другую камеру. Через неделю дёрнули в оперчасть. Там тот же начальник, но уже презрительно говорит: «Я-то думал, ты настоящий мужик, а ты крысой оказался». В ответ я посоветовал ему выбирать выражения и перед тем, как в чём-то обвинять, объяснить, в чём дело. Он подаёт мне письменное заявление от Лёши, где тот просит принять меры в отношении меня, так как я, уходя из камеры, когда он спал, украл его вещи. Дальше было перечислено то, на что мы поменялись. Отвечаю оперу: «Начальник, я легко докажу, что не при делах. Прикинь сам, где он был десять дней — спал, что ли?.. И только сейчас хватился. Это, конечно, косвенное оправдание. Но как мы менялись, видели десять человек. Они же меня провожали, когда я из хаты уходил». Опер велел привести эзков, на которых я ссылался. Беседовал он с ними поодиночке, все говорили в мою пользу. Вызвали Лёшу. С порога говорю ему, что если мы ещё встретимся, я отобью ему гепатитную печень. Он рожу в сторону воротит. Опер приказывает ему принести всё. Мне то же самое

велел. Возвращаюсь с вещами. Лёша приносит только мою рубаху. И здесь пытается кинуть, утверждает, что больше ничего я ему не давал (он ещё не знает про показания десяти сокамерников). Не выдержав, бросаюсь на него, менты оттаскивают. Начальнику «оперетты» надоели эти его «зехеры»²² — огрел его по спине дубиной. Эта мразь заверещала. Увели его ещё раз, принёс остальное. Остались с опером вдвоём. Он объясняет: «Вообще-то я не должен тебе ничего говорить, но влез ты в скверную историю. Этот наркоман перед тем, как с тобой меняться, был на допросе. Молодой дознаватель пробовал колоть его по поступившему заявлению, что Лёша, будучи в гостях, украл куртку, ботинки, брюки. Неопытный сотрудник не въехал, что перечисленные вещи надеты на нём. Вернувшись с допроса, эта мразь, чтобы избавиться от улик, предложил тебе обмен. Но сегодня его допрашивали жёсткие, опытные опера из отделения. Обосравшись в их руках, он во всём сознался, но сказал, что вещи у него скрысил ты». Вернул опер мои шмотки и продолжает: «По правилам поведения подследственным запрещается отчуждать, проигрывать, менять свои вещи. Так что тебе пятнадцать суток штрафного изолятора».

Встречаются и другие подонки.

Кидают в камеру «пассажира»: молодой, забитый, слегка не в себе. У нас «дачки» делили на всех. Продукты хранились на окне. Во время приёма пищи резали поровну сало, колбасу, масло, выделяли по конфете, печенинке. Те, кто не получал с воли посылок, всё равно имели равную долю.

В один день хата получила три большие передачи. Четвёртую получил новичок. Только, видно, и мама у него ненормальная: работая в столовой, прислала ему две пачки «Примы» и три тухлые котлеты, которые тут же выкинули. Этот говнюк утром просит дежурного помощника начальника СИЗО на обходе перевести его и пишет, как потом выяснилось, заявление, что мы его обижали, отняли передачу, назвав своей горю продуктов, которые лежали на окне. Прибежали к нам менты с разборками: дубинками машут, его заявой тычут, требуют всё вернуть. Еле их утихомирили: попросили поднять список того, что он получил в действительности. Когда они его прочитали, извинились и с матами побежали бить того недоноска.

Не подумайте, что эти случаи единичны, хоть вас, наверное, уже утомил примерами, опишу ещё несколько для наглядности. Тогда вы точно поймёте, как опасны случайные знакомства в местах лишения свободы. Следственный изолятор трогать больше не буду — поведаю про зону.

Когда ехал туда этапом, естественно, узнал соседей. Ведь сидели с ними долго на пересылке, ехали в тесном «столыпине», чалились в одном карантине. Потом в колонии при встрече здоровались, иногда разговаривали. Но каждый жил своей жизнью.

Раз прибегает ко мне такой знакомый и, очень волнуясь, просит помочь. Дело в том, что он проигрался в карты. Сегодня день расчёта, но посылка из дома задержалась. Как имеющий вес, я могу спасти его от расправы, если скажу тем, кому он должен, чтобы они перенесли расчёт до прихода посылки. Пошёл я к игровым, говорю: «Парни, не будьте кровожадными. Ну прибудьте вы его сейчас до поноса. Попадёт он в больницу, потом в помещение личной безопасности, богаче вы от этого не станете. Подождите несколько дней. Придёт ему дачка — рассчитается». Конечно, если бы они отказали, настаивать я бы не смог. Но мужики согласились.

Через пару дней прибегает ко мне этот же знакомый и говорит: «Спасибо тебе! Получил посылку, чуть позже рассчитаюсь с долгами. Но есть одна сложность: нужны наличные, а у меня только вещи. Купи у меня куртку (зона была „махновская“, в ней барыг не было), я бы тебе её так подарил, но бабки нужны». Денег у меня в тот момент не было, но больно куртка понравилась. Очень дорогая, но в то же время скромная с виду и чёрного цвета — в зоне носить такую можно. Опять я повёлся: попросил у приятеля в долг, заплатил за вещь. Пришил бирку, надел и, очень довольный, вышел на проверку. Подходит ко мне молодой эк

22 Зехер — дурной, неожиданный поступок, оборот дела.

и говорит, робея: «Ты извини, но это моя куртка, её вчера украли». Спросил его: «Ты ничего не попутал?» Он очевидцев позвал. Собрал я бандюков, велели «шнырям» найти и притащить того продавца. Через полчаса его волокут из клуба. Он ещё издали заорал: «Я ему ничего не продавал!» Вырвался и в штаб побежал. Он к нему ближе, чем мы, находился, не догнали. Закрылся он по безопасности. Куртку я, естественно, парню вернул. Вызвал меня опер, наезжает: «Обещай, что не тронешь его». Возражаю: «И кто я после этого буду?.. Мне пятёрку ещё сидеть. Так что, как только увижу, сразу покалечу. И если меня закроете в ШИЗО сейчас, только хуже ему сделаете. Выйдет он, когда я сижу, не один я его пинать буду, а приятели бандиты коллективно. Могут и убить ненароком». Представьте, эта мразь всё же «соскочила с прожарки». Попросил ментов, и его перевели в «обиженку». Сидеть ему оставалось ещё десять лет, так и «полоскался» с пидорами, а с них какой спрос!.. Велел я «главпетуху» обломать ему об хребтину пару дубин, да деньги себе с него снять. Всё это кидалово, как выяснилось, он затеял из-за наркотиков — очень хотел раскумариться.

Были и другие случаи, когда ээки вели себя как дауны. Опишу ещё один, заодно он проиллюстрирует, как кавказцы защищают друг друга, несмотря ни на какие понятия. У каждого осуждённого есть своя территория, проход между двух шконок. Кто-то ютится в тесноте у двери, в узкой щели между кроватями в три яруса. Другие спят в углу у окна, где шконка в один ярус, а проход — метра два. Для него заказывается специальная тумбочка, комод из ценных пород дерева с инкрустацией и резьбой. На полу — ковёр. На окнах — дорогие занавески. Здесь же — в личном пользовании — магнитофон, телевизор, светильник. Стены украшаются обоями, плакатами.

У нас считалось особым шиком, чтобы во всю стену нарисовали картину. Пригласил я лучшего художника-чеченца. Заказал копию Айвазовского. Он обещал всё сделать, как другим до этого, и, очень извиняясь, сослался на трудности с красками: попросил аванс, небольшую сумму. Тогда я был в «куражах» после карточного выигрыша, очень уверен в себе и в том, что никуда он с подводной лодки не денется. Дал ему денег. А это быдло уехало на этап в межобластную больницу, да там и осталось работать по профессии. Выяснилось, что так же, как и меня, он кинул многих ээков, причём не последних людей в колонии (раз в угловых проходах живут), некоторых — просто отморозков.

Через пару месяцев за «косяки» этого художника отправили из больницы обратно в зону. Прибыл он этапом, мы очень обрадовались. Чечен знал, что от нашего праведного гнева в ШИЗО не спрячешься. Когда пострадал такой коллектив, ночью наедут на прапорщика, и тот откроет камеру...

Поднялся художник в зону, в карантин. Мы решили подождать с разборками до вечера. Тем более, сразу покалечить его днём опасно: предстоят проверки, сразу ЧП всплывёт. После последнего построения стали его искать — пропал. Прятался до ночи. Уже в полной темноте возвращаюсь в отряд — выскакивает он из-за туалета. В руках — молоток на длинной ручке и нож. Решил меня убить, тогда из-за происшествия вызовут всё начальство и его спрячут в ШИЗО, так что бандиты не смогут до него добраться. А потом увезут в следственный изолятор на раскрутку, получит срок, и его переведут в другое учреждение. Сразу он не напал, прыгает на месте, как павиан, себя раздраконивает. Вывел его окончательно из себя, сказав спокойно: «Какой ты молодец, что эти предметы принёс. Давай их сюда, я тебе их в задницу засуну». Прыгнул он, ударил. Уйдя с линии атаки и оказавшись от него сбоку, когда он провалился на выпад, дал ему в голову. Это был даже не нокаут, а целая контузия. Позвал «шнырей», велел тащить его в отряд. Собрались бандюки решать, что с ним делать. Надумали сбросить с лестницы вниз головой: типа, поскользнулся и умер. Тут пришёл Мага. Не люблю «чехов», но Мага — настоящий мужик. На воле и в зоне стоящий очень хорошо. Сам смелый, честный, справедливый. Никак не ожидали, но он стал просить за этого гоблина, всё ещё пребывающего в отключке: «Парни, я ничего не знал про его косяки. Только сейчас мне рассказали. Будь кто другой, сам бы удавил. Прошу вас — не убивайте. Эта погань не просто мой земляк, дело не в этом. Мы — горцы, он из знатного тейпа. У него там очень крутые родственники. Брат — полевой командир. Он наказал мне смотреть за ним,

иначе пострадает моя родня. Если его убьёте, убейте сначала меня, так как, защищая его, я защищаю свой род. Парни, пожалуйста, я верну его долги!» Только из уважения к Маге сказал за всех: «По жизни это неправильно, но пусть живёт. Деньги сам отдаст или картины нарисует, раз обещал».

Оклемался этот говнюк постепенно, хотя «кукушку» я встряхнул ему основательно — он даже воробьям улыбаться начал.

Среди бандюков тоже встречались подонки. Саша жил прекрасно, был в авторитете. В один день обошёл всех знакомых в зоне, попросил шикарных шмоток на свидание сходить, занял крупные суммы денег. Мы все в разных отрядах жили, ничего не знали. А он после велел «шнырю» отнести два своих баула с чужими дорогими вещами к штабу, сам туда налегке прошёл и уехал на этап. Папа ему обещал сделать перевод на «рабочку» в хозобслужбу в СИЗО. Так и кинул всех.

От ссор не уберечься

Ещё помните, что многие взрослые мужики задержались в своём развитии в детстве, или атавизм виноват. Но когда собирается много самцов, кто-то хочет себя поставить лидером, доказать, что он сильнее. Ссора и драка могут возникнуть на ровном месте. Причём удивляешься: даже когда ты прочно в авторитете, когда самые сильные бойцы тебя опасаются, — всё равно случаются редкие попытки проверить тебя на прочность. Это, наверное, точно как у зверей в стае: самцы иногда дерутся с вожаком, пробуя, а вдруг тот проиграет. Зэки ещё и психически ненормальные — отсюда и многие конфликты. Пьяные случаи брать не буду, там и «рахит» может на огромного чемпиона прыгать.

Неожиданные стычки часто возникают в умывальнике, в телевизионке. Самый банальный спор может спровоцировать драку. К примеру, сидим в камере, один рассказывает что-то типа: «Стало холодать, температура повышается». Другой зэк его культурно поправляет: «При холоде температура понижается». С визгом «Что, самый умный?!» рассказчик начинает дико его избивать. Только коллективными усилиями, дав придурку по башке, с трудом утихомирили. Или другая распространённая ситуация. Некоторые люди очень шумные, а когда просишь такого вести себя тише, он начинает нагло в лицо орать, что как хочет, так себя и ведёт, в тюрьме все равны, и никто не имеет права делать ему замечания. Правда, после пары коротких оплеух становится образцом этикета. Но ведь не каждый сразу с быдлом справится, вот вам и драка.

Причём не думайте, что такие бросаются только на слабых: психам всё равно. Вот взять хоть нашу зону. В силу особого положения менты закрыли глаза на то, что я делаю, — лишь бы жалобы не писал да зэков на протест не подбивал. В спортзале я преподавал бокс, сам тренировался до одури, устраивал жёсткие спарринги. Зэки в ужасе смотрели, как мы работаем в полный контакт с профессиональными боксёрами, каратистами, рукопашниками. В учениках у меня ходили огромные парни — бывшие штангисты, борцы, культуристы. Казалось, не было человека, кто рискнёт броситься на меня в драку. Тем более что сам я всегда веду себя культурно.

Как-то стою в умывальнике, чтобы помыть руки, жду, пока один полощется. Причём нахожусь от него в двух метрах. Вдруг он бросает мытьё и с криком: «Да на, бля, мой, что стоишь над душой!..» Посоветовал ему держать себя в руках и извиниться за горячность. Этот дебил выхватывает заточку и пробует меня резать. А если бы кто другой ему попался?.. Ну, дал ему в бороду. На сходянке сломали ему руки дубиной, чтобы за нож не хватался. И ведь он знал, что ему грозит, если убьёт меня, — лет десять срока или «правилка» у братвы.

Здесь сказываются стрессы, скученность. Подобных случаев я наблюдал десятки. От ссор не уберечься. Но не советую начинать их первым: в неволе порой сидят очень серьёзные люди... Со мной в одной колонии отбывал наказание друг детства, боксёр со страшным ударом — правым прямым он проламывал человеку подглазье. И нрав у него тяжёлый был:

много не базарил. Если на него прыгали с ножом — бил психа, чтобы тот упал, вырывал «пиковину» и хлестал ею урода крест-накрест по лицу. Кстати, несмотря на несколько таких случаев, к нему всё равно иногда приставали.

Спросите, как же тогда слабые выживают?.. А они в случае конфликта пасуют — позволяют себя оскорблять, унижать, даже побить. Если зона правильная, «смотрящие» разберутся. А там, где беспредел, таких малодушных будут бить и щемить и дальше.

Откуда за решёткой столько «петухов»

Не могу обойти стороной вопрос, что же делают в неволе с насильниками. Изнасилования разные бывают. Одно дело — трахнуть великовозрастную собутыльницу, которая дня через три вспомнит, что ей не заплатили. Другое дело — малолетку. И то не обязательно, что «опустят», — смотря на кого нарвёшься. Во многих камерах СИЗО никому ни до кого дела нет. А на зонах чаще менты рулят. В некоторых учреждениях насильники сейчас даже в «смотрящих» ходят. Тем более, воры запретили «наказывать членом» и неоднократно посылали «прогоны» об этом. Если зона «чёрная», там эту установку соблюдают. Знаю единственный случай, когда по решению «смотрящих» «опустили» одного стукача (не считаю — затихорённых «петухов» и любителей куннингуса). Этот «козёл» всех просто достал: лазил по колонии, подслушивал, подсматривал, выдумывал и бегал в штаб — всех сдавал. Сколько его ни били — бесполезно. Вот и решили обезвредить — в «обиженку» определить: «петуху» везде лазить никто не позволит. Попросили провести акцию «главпетуху» с помощником. Когда «кумовской» шёл по территории, они его схватили и расцеловали. После этого он переехал к педикам.

Тогда напрашивается вопрос: откуда же столько «петухов» за решёткой? Некоторых отделили за несоблюдение гигиены. Если он на помойке ест, что же его — равным считать?.. Другие проявили свою истинную ориентацию. Много жертв беспредела активных педиков, которые в местах лишения свободы в почёте. «Опускают» молоденьких, придравшись к пустякам и раскачав их «косяк» до вселенских масштабов. Здесь не тюрьма виновата, а ориентация сокамерника.

Для примера посмотрите на кавказцев. Почему при их небезупречном поведении среди них мало «петухов»?.. Потому что для активных педерастов они непривлекательны как половые партнёры — волосатые, звероподобные, с резким запахом...

Последнее время много пидоров приходит с воли. Зэки со стажем уже шутят, что там, наверное, уже и настоящих мужиков-то не осталось.

Чем старше человек, тем больше он застрахован от сексуального домогательства. К тому же сейчас такие связи среди зэков всё менее популярны. Например, у меня в зонах был свой круг общения, где невозможно было пребывать, если ты занимался педерастией, пусть даже и активной.

Думаю, что понятия всё-таки изменятся, как и на воле: обоих однополых партнёров уравниют в статусе и будут презирать.

Кстати, некоторые очень известные педофилы не пострадали в СИЗО. Помните Иртышова? Он в Питере насиловал мальчиков. Двоих убил. У одного, живого, вынул через анус кишки. Его дело имело большой резонанс. Сотрудники СИЗО с удовольствием бы сами его порвали или отдали на расправу зэкам, но хотели, чтобы не было ЧП, и эта мразь дождала до суда.

Посадили маньяка в отдельную камеру. Рассчитывали, что сами его будут мучить, но избили только раз. Он не стал кончать с собой, но его больше не трогали ни менты, ни спецназовцы. Хотя очень хотели. Иртышов нашёл эффективную защиту: испражнился в целлофановый пакет и держал его под рукой. Как только его камеру начинали открывать, обмазывал себя с ног до головы дерьмом. Сотрудники порог его камеры никогда не переступали. Так он целым и невредимым дождал до суда, где получил свою «вышку».

Как я спас лидера ОПГ от смерти, а он меня — от «раскрутки»

Ранее я упоминал, что бомж может стать в тюрьме жутким авторитетом. Но бывает и наоборот: лидеры очень серьёзных организационных преступных группировок в неволе нередко теряются.

Помню, сидим в «Крестах». В камере — человек девять. Как-то раз я спал на втором ярусе за шторкой (на первом сидят, там плохо). Молодой парень начал забивать эмалированной кружкой гвоздь в стену. В это время в хату кинули нового «пассажира». Захлопнулась дверь. Зэк по кличке Мастер громко отругал парня за то, что тот кружку портит. Тут их двоих начал «строить» здоровый воркутинец: мол, люди спят, а вы шумите!.. Наконец из-за шторки высунул голову я и наорал на всех троих, предупредив, что, если меня ещё раз разбудят, я их порву... Новый подследственный, наблюдая эту сцену, чуть «ломиться» из камеры не начал. Как позже выяснилось, это был Леонидович, основатель и действительный лидер мощной и влиятельной питерской организованной преступной группировки. Хотя на слуху — как главари коллектива — фигурировали две другие фамилии. Их банда в полном составе уже сидела по всем «Крестам» — почти сотня бойцов. Леонидовича взяли одним из последних. Сам он — мастер спорта по боксу в тяжёлом весе, тридцать семь лет, госслужащий с высоким положением (его на взятке и подставили). Сначала держали в одиночной камере в «комитетской» тюрьме на Шпалерной — не били, не пытали, но не давали спать три дня. Включили запись истерики женщины, которая дико визжала, завывала, плакала, на все лады повторяя: «Ой, что же я наделала!» Диапазон звуков был подобран так, что давил на барабанные перепонки и на нервы. Сначала Леонидович думал, что это действительно какая-то дама в соседней камере убивается, но когда визги стали повторяться и продолжаться бесконечно долго, он понял, что это — магнитофонная плёнка. Совершенно измученного и разбитого от бессонницы, его перевели в «Кресты» и пообещали, что посадят в пресс-хату. Вот он и перепугался жутко, увидев сцену в нашей камере. Кто он такой, мы не знали, но новичков всегда встречали нормально. Вижу: человеку не по себе. Предложил проходить. Познакомились, поговорили. Тут он вспомнил, что позабыл в «собачнике» дорогую ручку. Это на другом кресте, то есть идти через улицу. Объяснили ему, что пропала, мол, твоя ручка. Он заверил: сейчас сотрудник сбегает, принесёт. Мы посмеялись, потому что такого никогда не бывало, тем более сегодня не будет, когда дежурит Бульдозер — совершенно беспредельный хам. Каково же было наше удивление, когда Леонидович постучал в дверь, подошёл Бульдозер и, выслушав просьбу, заискивающим тоном заверил, что сейчас сбегает. Быстро принёс «Паркер» с золотым пером, а напоследок заверил, что он всегда рядом, и попросил обращаться, если что-нибудь будет нужно. Он ещё и на «вы» обращался к новому зэку. На наши расспросы, что он менту сделал, что тот так боится, Леонидович ничего не ответил. Дали ему поспать. Он, кстати, потом рассказывал, что, несмотря на большое желание, долго усилием воли бодрствовал. Боялся, думал, может, мы усыпили его бдительность и нападём на него ночью. Потом оклемался, сам смеялся над своими страхами. По ночам частенько на середину хаты менты через «кормушку» кидали пакеты для Леонидовича с анашой, коньяком, шоколадом, кофе. Это бандиты из других камер слали. Причём они тогда уже легендарными были. Позднее про них и про Леонидовича написали в книге «Бандитский Петербург». Так же бандиты подходили к нашей камере, очень уважительно с ним разговаривали. Леонидович объездил весь мир, знал многих людей из правительства, депутатов, воров в законе, сам занимал крутой пост, руководил ОПГ — и всё равно в камере подчинялся мне. Хотя я был намного моложе и одиночка. Помню, даже пару раз после размолвки — наехал на него и голос повысил — он потом первый подходил. А ведь достаточно ему было сказать слово...

Опишу один случай, который покажет, насколько бандюкам по фиг запоры на дверях и понятия. Один уголовный авторитет решил указать бандиту из банды Леонидовича, что он неправильно ведёт себя в камере, запрещая людям курить, когда занимается спортом. Но не придумал ничего умнее, как кричать об этом через «кормушку» с нижней галеры. Бандит

позвал корпусного и приказал открыть дверь камеры. Тот от страха открыл. Беспредельник спустился вниз, подошёл к хате уголовного авторитета и велел «цирику» открыть и эту дверь, пообещав никого там не убивать. Зайдя внутрь, он нокаутировал крикуна и сказал его соседям не слушать этого «пидора задроченного».

Леонидович мне подчинялся ещё и потому, что в камере к его приходу был порядок: тишина, покой, свежий воздух, чистота, каждый знал своё место, не было слышно тюремных «приколов». Это его вполне устраивало. Вообще, он был мужик с юмором, с самоиронией. Посадили к нам Сашу. Этот алкаш и тощий охотник по пьянке застрелил дома свою жену и любовницу. У одной снесло голову, а грудь другой после выстрела в спину оказалась на стене. Сокамерники объяснили «стрелку», что ему точно вышка корячится. То ли он диагноз отрабатывать начал, то ли действительно крыша поехала, но стала к нему являться тёща, разговаривать с ним и ругать всячески. Сначала это имело безобидные формы — ну, ведёт человек сам с собой беседы. Но после приобрело другой характер. Она ему надоела, плюс за тещу он стал принимать здорового Леонидовича. Однажды, когда тот спал, Саша окончательно поссорился с матерью покойной жены, принялся её бить и резать. Леонидович проснулся от удара по голове, следующий удар был заточкой в шею. Он бы не смог среагировать спросонья, с верхней шконки Сашу ударил я ногой. Скрутили мы придурка. Вызвали дежурного, попросили поместить в дурдом. Леонидович потом смеялся, что лет двадцать пять вне ринга на него никто руку не поднимал. И уж тем более никогда не принимали за женщину!

Спас я Леонидовича от смерти, а он в свою очередь спас меня от «раскрутки», пожертвовав кистью руки. Если бы не он, прибавил бы я к своему сроку лет десять за убийство. Тогда я был молодой и нетерпимый, люто ненавидел стукачей. Это сейчас я их моментально вычисляю из многих эков, но не подаю вида. Они не мешают. Наоборот — чай в камеру носят, продукты. Через них можно сливать ментам дезинформацию. Упомянутого выше Мастера я невзлюбил сразу. Он постоянно пытался строить из себя бывалого уголовника, «пальцы гнуть». Только боязнь физической расправы останавливала его от неповиновения и заставляла вести себя прилично. Сел он за кражи, причём «загрузился» на девяносто восемь эпизодов, хотя попался на одном. Как-то сплю днём, Леонидович будит меня. Чуть не обматерил его за это, но причина оказалась уважительной. Из другой хаты пришла «малява», что Мастер — стукач и «петух». Все остальные спали. Я попросил Леонидовича дать корпусному денег, чтобы он сводил нас двоих в ту хату, откуда пришла записка. Через пятнадцать минут нас «выдернули». Подойдя к другой камере, мы сказали: «Мужики, дело серьёзное, кто ответит за базар?» Подошли два арестанта, представились. Объяснили, что они отвечают за слова. Плюс — подтвердит другая камера, там Мастер на положении «петуха» жил и «кумовским» был давно объявлен. Сходили мы и туда. Сомнения окончательно отпали. Возвращаемся к себе. Как только корпусной удалился, объяснили мужикам, в чём дело. Мастер пробовал с криком пробиться к двери, но я сшиб его ударом на пол и начал избивать. Схватив за волосы, ударил несколько раз головой об пол. Потом схватил тяжёлую миску с заточенным, как бритва, краем и сильно двинул эту мразь в висок. В последнюю секунду Леонидович прыгнул и подставил руку. Рассёк ему кисть до кости. Переклинило меня — еле оттащили. На шум прибежали менты, бесчувственного Мастера выволокли в коридор. Самое интересное — опера нами даже заниматься не стали. Придя в себя, я осознал, что чуть не «раскрутился». Когда Леонидович пришёл из больницы, я его искренне поблагодарил. Действительно, он как друг поступил. Предлагал потом к ним в коллектив влиться, не на рядовых ролях, или устроить на престижную работу. Отказался я, объяснив, что один работаю, ни под кем ходить не буду. Тем более группировке их конец. Раз взяли всех, значит, в городе они не нужны ментам и у них есть кем заменить беспредельную банду. Если даже на суде выпустят, уберут их по-любому. Так и вышло. Почти всех постреляли, а Леонидович погиб в автокатастрофе.

О чемпионе ВДВ, киллере-кикбоксёре и легендарном бандите — чмошнике из СИЗО

Есть именно камерные люди, умеющие одним своим видом внушать опасение присутствующим. Причём, когда они беспредельничают, то с юмором, и на них особо не обижаются. Да и знают они, с кем и как себя вести.

Расскажу про ещё одного арестанта. Заодно нарисую ещё одну картину нравов тюрьмы.

Одно время в «Крестах» на прогулку в один дворик стали выводить две камеры. Очень я сошёлся с бандитом из соседней камеры. Бывший акробат, чемпион ВДВ по рукопашному бою Рязан. Среднего роста, широкоплечий, лицо вроде доброе. Но мог нагнать жути, не повышая голоса. Ему беспрекословно подчинялся даже Боря-фашист, который обладал страшной физической силой и крутым нравом. Он прославился на всю тюрьму тем, что, когда зашёл в карантин, там уже сидели шесть бандюков, неслабых и «отмороженных». Боря попросил их подвинуться, чтобы лечь на настил. Ему посоветовали расположиться у парашаи... Когда в камере раздались дикие крики и прибежавшие по тревоге менты открыли дверь, они никак не ожидали увидеть такую картину: на нарах лежит даже не запыхавшийся Боря, а шестеро бандюков, перебитые, как в гестапо, ломятся из хаты. Вот даже такого гоблина, как и всех в камере, Рязан держал в кулаке. Сшили мы с ним из кожаного плаща боксёрские перчатки, накатали из ваты с матрасов плотных шариков внутрь и стали спарринговать во дворике. Первый раз, правда, менты прибежали: думали, драка. Потом сами приходили «поболеть».

Рязан служил в спецназе. Спросил его, как снимают часового. Честно сказать, удивился беспределу, когда он подозвал большого мужика из своей камеры, поставил к себе спиной, молниеносно сунул предплечье ему под подбородок, другой рукой нажал на затылок — здоровяк тут же потерял сознание. Привели в чувство. Рязан предоставил мне себя для тренировок. Сколько его ни давил, он так и не отключился — видимо, опыта у меня было маловато...

На людей Рязан влиял, как гипнотизёр. Посадили в мою камеру молодого парня. Сам недоумок, но рассказывал о себе, какой он «крутой». Мы не перебивали: скучно, пусть развлекает... Вышли на прогулку. Рязан его увидел и говорит: «Ты на героя фильма похож. Помнишь такой, в треуголке из газеты и с сачком, всё спрашивал: „А чего это вы здесь делаете, а?“ Завтра на прогулку такую же шапку и сачок сделаешь». Больше с этим чудиком он не общался. В камере новичок начал понтоваться, что не боится. На следующий день, чем ближе к прогулке, тем больше он «садился на колпак» (переживал). Не выдержал, свернул из «Правды» треуголку. Сделал из бумаги что-то типа дровка. Прицепил к нему целлофановый мешок и пошёл на прогулку. Рязан уже и думать забыл про него. Но тут, конечно, вспомнил... Тупомордый целый час ходил по двору и всех спрашивал: «А чего это вы здесь делаете, а?» Даже ментов потом доставал.

Рязан потом и в зоне беспредельничал. Потому что сильный и с головой дружит, умудрялся и в авторитете быть.

Но встречаются такие люди, которые на воле и в тюрьме на всех наводят ужас, а в зоне ставят себя в такое смешное положение, что их начинают презирать. Расскажу про такого. Про него тоже писали в «Бандитском Петербурге». Те, кто побывал в «Крестах», когда он там сидел, слагали про него легенды.

На зоне я долго жил в проходе напротив и видел все его фортели. Но обо всём по порядку. Вова имел внушительные габариты, рост под два метра и вес сто тридцать килограммов. Атлетическая фигура, рука — шестьдесят сантиметров. Неплохой кикбоксёр. Сел за доказанные пять убийств: приводил приговоры братвы в исполнение. Последние два совершил от буйного права. Хамить ему опасно. Подъехал к ларьку на седьмой «БМВ». Подошёл, там два кавказца, посередине милиционер, сидят, беседуют. Вова надоело ждать, он спросил: «Мажет, вы меня обслужите?» Ему ответили дерзостью. Вова дошёл до машины,

достал пистолет и выстрелил двум продавцам в голову. Менту спокойно сказал: «А ты живи! Ты вёл себя культурно».

В общем, в приговоре фигурировало пять трупов. Судили его ещё по старому кодексу и дали «вышку». Вешали на него ещё два «жмура», но следователь вместе с уголовным делом пропал без вести. Так и замяли. Просидел Вова несколько лет в камере смертников. Высшую меру наказания заменили на пятнадцать лет, перевели в нормальную хату. В «Крестах» можно сидеть с комфортом: камера на четыре места стоит 400 долларов в месяц. Хочешь — один живи, но чаще собирается компания, каждый вносит по сто баксов и живут с телевизором, видиком, холодильником, сотовыми телефонами, ресторанным питанием. Ходят в гости к приятелям. Перевод в другую хату тоже стоит 100 долларов. Вова даже «шныря»-негра себе из другой камеры купил. Сколько он разборок устроил, драк! Гремел, как беспредельный авторитет.

Приехал к нам в зону. Питерский завхоз из бандитов перевёл его с карантина к нам в отряд. Поднялся Вова в спальную секцию, расположился. Жили у нас сплошь питерцы и москвичи, в основном спортсмены. Никто на него внимания не обращает. Он к такому не привык. Решил показать крутизну, сымитировал конфликт. Подошёл ко мне и попросил почитать журнал, на тумбочке лежала пачка, он выбрал один, но сказал, что возьмёт его потом. Дождался, когда выбранный журнал унёс другой зэк и попросил у меня именно его. Не придав значения, я сказал, что когда человек вернёт, тогда и он почитает. Вова начал истерику. Заявил, что я теперь ему враг номер один и при случае он меня поломает. Такое без ответа оставить было нельзя.

С иронией спросил у него, может, он попытается это сделать сейчас. Видно, он не ожидал. Вышли с ним в коридор. Попросил его начинать. В драке с ним я бы наверняка проиграл — более пятидесяти кило разницы в весе, да и боец он приличный, плюс жмёт за двести. Но я после убил бы его просто. Начал он пантомиму, мол, я его провоцирую. Тут прибежали наши, завхоз. Поинтересовался у него: «Раз у тебя всё, тогда я пойду спать. Завтра тренировка рано утром». Вова попросил поговорить с ним у завхоза. Тот хоть и «красный», но парень нормальный, сел за то, что нахамившему продавцу ларёк джипом перевернул и убил кавказца. Пошли в его каптёрку. Там Вова «заднюю включил», объяснил, что не знал, что мы земляки и я тоже беспредельник по воле. В общем, помирились. Потом Вову постоянно коробило, что никто не обращает на него внимания. Он часто в конфликты вступать опасался: всё-таки зона, всё с какими-то рахитами по мелочам ругался. Окружил себя молодыми недоносками, чтобы им восхищались. Но и они только его передачи ели, а сами подсмеивались над его тупостью. Он даже от горя тренировки бросал, на героин садился. Уколотый, плакал, визжал, что его жалко, так как давно сидит и не видел мамы. Но на частые свидания её никогда не вызывал — только жену, чтобы потрахаться. Уважением он не пользовался. Да и не боялся его никто, как на воле или в СИЗО.

Бывает, известные бандиты по воле в тюрьме «чертями» живут.

Как-то в одном следственном изоляторе кидают к нам «пассажира» по имени Игорь. Следом приходит малява, что он «сломился» из другой хаты. Спрашиваем, в чём дело. Он грохается на пол и начинает неумело симулировать эпилепсию. Менты открыли двери, он вскочил и попросил его убрать в отдельное помещение.

На следующий день меня за драку посадили в карцер. Сотрудник попросил меня, если можно, повлиять на одного придурка, чтобы не боялся идти в камеру. В СИЗО как раз «загорал» Игорь. Оказалось, он опасается, будто мы будем его бить и «опускать», поскольку он сел за изнасилование. Пришлось объяснить, что его сраная жопа никому не нужна. И что в зонах одна треть сидит за «взлом мохнатого сейфа». Времена сейчас изменились: насильники ещё и блатуют.

Кинули к нам ещё троих человек. У одного была ангина, стало ему плохо, лёг он на бетонный пол. Я позвал ментов, потребовал врача. Вместо доктора к нам ворвались несколько пьяных ментов и начали бить дубинками. Игорь сразу упал на пол, начал визжать и

плакать. Получили мы спокойно пару раз по спине, но настояли на своём, и после угроз в наш адрес и длинного разговора большого отвели в санчасть.

Через шесть лет приезжаю в Питер. Знакомые парни рассказывают мне про легендарного бандита, который был правой рукой очень серьёзного лидера организованной преступной группировки. Про его подвиги в городе уже легенды слагают. Причём говорят правду — есть масса очевидцев, серьёзных людей. И в перестрелке он участвовал: четыре с их стороны, четыре — от враждующей группировки. Семерых похоронили, он один в живых остался. И в розыске он за убийство, совершённое из-за понятий. Предъявили ему, что он с делюги денег в общак не донёс, но не смогли обосновать, тогда он бандита, сделавшего предьяву, прямо у Московского вокзала при десяти свидетелях застрелил. И к чучмекам на «стрелку» один ездил. Те приставили ему к голове пистолет, а он, улыбаясь, попросил стрелять. Было много других историй. В общем, имя его гремело. Даже беспредельники «казанские» о нём отзывались очень уважительно.

Парни ещё сказали: «Вы оба с ним контуженные, вот бы вам попробовать вместе!» Через неделю один приятель предложил: «Поедем в офис, познакомлю с ним». Представьте, каково было моё изумление, когда мне представили... Игоря, чмошника из СИЗО. Сейчас же он имел громкую славу, три машины, яхту, огромные деньги и связи во всех эшелонах власти, криминальных и государственных.

Подавляющее большинство за решёткой — случайные люди. И если бы не нынешняя ситуация в России, они никогда бы не пошли на преступление. Ведь в провинции жуткая безработица. Вот бедные крестьяне и рабочие от безденежья и совершают противоправные действия.

Как-то я читал, что в США есть такой закон: если вы, к примеру, не закрыли в машине окно, оставив её на улице, и прохожий что-то украл из неё и попался, его, конечно, накажут. Но и вас оштрафуют за то, что спровоцировали честного человека на кражу.

Так и у нас я бы штрафовал высших государственных чиновников — за каждого посаженного в тюрьму работягу, которому нечем было кормить семью. Тем более что сами правители живут явно не на зарплату.

Так что не думайте, что в местах лишения свободы все ээки — моральные уроды. Если человек всю жизнь землю пахал или вкалывал у станка, его хоть куда помести — он всё равно останется пролетарием. Этим и объясняется, что в тюрьму сейчас попадает в основном молодёжь. Нередко под влиянием книг и фильмов, где быть уголовником, бандитом — модно и круто. Отсюда и бардак, который творится в неволе. Тем более что туда попадают нищие парни, которые ничего хорошего в жизни не видели: пили в подъездах, дрались в подворотнях, закончили с грехом пополам несколько классов. Настоящим мужчиной нельзя стать в 18–20 лет. В этом возрасте только эрекция неплохая, но человек ещё не закалился, не приобрёл опыта, мудрости (некоторые, правда, до старости остаются инфантильными).

С кем вы столкнётесь в колонии, лучше всего продемонстрирует следующий пример. Был у меня приятель Андрей. Настоящий богатырь. У него от природы просто зверская сила. Всё тело мышцами, словно канатами, переплетено. Нрав он имел, как у берсерка. С теми, кто вёл себя культурно, был вежлив, но хамов буквально втапывал в землю. Его клинило от оскорблений, и становилось всё равно, кто перед ним. Сел он за избиение ментов и за то, что отрезал кисть у поделщика, когда тот утаил долю с делюги. Встретились мы с ним на поселении. Сколько он там наглых ээков перебил — не счесть. Даже сотрудникам от него доставалось. Но поскольку он был классный автослесарь и водитель, начальник его терпел. «Закрыли» Андрея в зону, только когда он покалечил пятерых казахов, напавших на него. В колонии он быстро оказался на «расконвойке», собрал из хлама машину и возил на ней лес. На свою беду, собирая грибы, заблудился, и работы его лишили. Как-то пришёл он на сходняк, где, по идее, должны присутствовать одни порядочные арестанты. Активисты и ээки, допустившие «косяки», туда не допускаются. Один прилагательный спрашивает «смотрящего»: «А вот расконвойник, это же человек, работающий на ментов!» Андрей

понял, что это камешек в его огород. Говорит: «Ну-ка, поясни: если я крутил баранку, чем я братве вред нанёс? Или мало в зону „запрета“ завозил?» Тот «забуксовал», пробовал хамить. Андрей принялся его бить. Блатота полезла разнимать — им тоже досталось. Потерпевший написал заявление в суд, а восемь эков, присутствующих на сходняке, пошли в свидетели. (И это порядочные арестанты, как они себя называли!) Впрочем, начальство спустило это дело на тормозах.

Другого блатные потом поломали бы на сходняке (да и вообще в «чёрной» зоне драться нельзя). Но Андрея можно только убить, что они не умеют, да и духу не хватает, — побить его крайне сложно. И он не будет слушать решение недоумков, возомнивших себя авторитетами.

Эки часто говорят: сила в тюрьме не катит. Это смотря какая. Видел я боксёра-международника, который запретил всякой блатоте близко к себе подходить. Или сидел со мной не спортсмен, а именно воин Дмитрич. Его как бойца во всём мире почитают. Каждый осуждённый знал: Дмитрич легко убьёт пальцем. Да и сам человек серьёзный. Сколько он приблатнённых, которые вели себя как начальники, перебил или наехал на них жёстко. Некоторые из них действительно всё попутали. Ну как относиться к «смотрящему» зоны, если он, заходя в мужицкие спальные секции, говорил: «Вставать надо, когда нормальные люди входят»?.. Дмитрича переклинило, выдал он этому кавказцу: «Это ты-то нормальный, рожа рыночная?!.. Ведёшь себя как мент!» Дмитрич запретил ему входить в барак под страхом смерти. Пострадали от него и другие хамы. Но именно он спас блатных, когда председатель СДП Кирилл вооружил активистов топорами, ломами, заточками и пришёл их бить. «Смотрящие» разбежались. Дмитрич их не любил, но знал, что, если власть возьмут «красные», — навяжут режим. Он вышел один и перебил всю кофду, а Кирилла пинками погнал в его барак.

Так что действительно: сила в тюрьме не катит. Только огромная сила и дух.

Как меняются понятия

Причём огромная физическая сила, ум и крутое положение на свободе не страхуют человека от того, что за решёткой его не будут унижать, — легко и «опустить» могут. Был у нас на общем режиме «главпетух» Миша. Здоровый борец, весом сто сорок килограммов. Высшее образование. На свободе имел свою фирму. С начальством учреждения быстро подвязал, стал в отпуск домой ездить. Но всё равно в «обиженке» жил и пострадал от своих же педиков за интриги. Его история достойна отдельного рассказа.

В своё время он возглавлял многочисленную группировку — они многие годы воровали из порта ценности целыми контейнерами. Но как-то раз случайно попались на делуге. Не знаю, что на него нашло или какие методы допроса к нему применяли, но «раскололся» именно Миша. По его показаниям начались массовые аресты бандюков и людей из порта, занимающих там не последние должности (они в доле были). Тогда действовал советский Уголовный кодекс, и их деяния попадали под статью 93 прим, предусматривающую наказание от 8 до 15 лет лишения свободы или высшую меру. На следствии Миша продолжал всех изобличать, но в таком серьёзном деле надо было повторить свои показания в суде. Конвоирам нет дела до взаимоотношений подследственных: они посадили Мишу в машину в общую клетку. По пути в суд подельники напали на него и нанесли одиннадцать ножевых ударов в область сердца. Его спасла огромная грудная клетка. Он перенёс операцию, оклемался. Начали его возить отдельно. По его показаниям получили срок много людей. Сам он отделался минимумом — восемью годами. Убивать его теперь можно было только из мести, но подельники придумали, на мой взгляд, худшую кару. Они набрали в банку мочу и, когда его вели мимо клетки, плеснули ему в лицо. По-любому он теперь стал «зафаршмаченный». Прибыв в зону, Миша поселился в «обиженке». Потом быстро нашёл общий язык с операми, сместил «главпетуха» и занял его место. Он стал править железной рукой. Настоящие «петухи» — очень обидчивый народ, в них много от женщин. Последние

редко мстят, так как не имеют для этого сил. Другое дело — мужики, хоть и с ненормальной ориентацией. Смещённый «главпетух» поклялся отомстить. Освободился через полгода. Вдвоём с любовником, тоже гомосексом из этой зоны, они вломились к Мише домой. Там долго и мучительно убивали его жену на глазах у семилетнего сына и пятилетней дочери. Женщина чудом выжила, осталась инвалидом. Дети стали припадочными. «Петухов» поймали и осудили. А Миша в колонии так и не успокоился, собирал сведения и стучал на всех подряд.

Вообще, зэки — удивительное племя. Большинство закладывает своих соседей с удовольствием. Ладно в «красных» зонах, где стучат почти все, а председатель СДП бьёт вечером членов своей секции, если они за день написали мало рапортов на нарушителей. В «чёрных» зонах дела не легче. Менты, как я уже говорил, создают две группы помощников: блатных и активистов. У нас на строгом режиме эту секцию возглавлял Петя. До этого я находился с ним в одном поселении, где порядки, скорее, как в вольных общагах. Он был самым забитым и грязным чушком.

Закрыли его за нарушения в зону. Стал он там «главкозлом». Петю не узнать — важный, одет в фирму, с начальством накоротке. Его активисты, несмотря на то, что зона якобы «чёрная», ходят по баракам и переписывают тех, кто не встал по подъёму, курил в непопложенном месте, играл в карты. Бандитов и блатных закладывать опасаются, а вот «мужиков» сдают почём зря, и тех, как нарушителей, сажают в ШИЗО.

Доходило до маразма. Подходит такой активист к зэку и на полном серьёзе говорит: «Сегодня на собрании обсуждали тебя. Решили вынести последнее предупреждение. Ещё раз будешь спать днём — пойдёшь объясняться в штаб!»

И ведь эти сорокалетние придурки, у которых на воле семьи, действительно три раза в сутки проводили собрания, вели стенограмму, голосовали, как стучать. Также все члены актива платили дань Пете. У кого не было передач, делали бизнес. Многим осуждённым лень ходить в столовую — их пайку приносят в отряд «шныри». Чтобы вынести банки, надо ежемесячно платить дежурившим у входа СДПэшникам — иначе не дадут вынести и рапорт составят. Узнав, что с моего «шныря» кто-то требует дань, я собрался идти и разбить им рожи. Не дали «смотрящие», стали уговаривать: мол, все платят, а если я их ударю, вообще никому не дадут выносить. Тем более что «красных» опекает зам по БОР. Он Макса за то, что тот ударил «козла», лично в кабинете запиная так, что у того ноги отказали, полгода был парализован.

В другой зоне, куда меня перевели по «перережимке», блатные за малейший «косяк» били мужиков. Кричали, что сами все они порядочные. А председатель СДП Кирилл, после того как блатота тронула его активиста, бегал с топором за «смотрящим» колонии Монахом и кричал, что его обоссат. Потом при встрече посылал блатных на три буквы, и те тронуть его боялись — он топор за поясом носил. Так что, если мужики поддерживали воровские традиции и соблюдали понятия, их били. А «козлов», которые на это плевали, не трогали. Зона, кстати, «чёрной» считалась. Но многие из братвы, если какую информацию узнавали, в открытую бегали в штаб. Недаром сейчас даже поговорка есть: «Сдать внагляк, не впадляк».

Немало зэков всю душу вкладывали в стукачество. Взять хотя бы нашего фотографа. Срок — пятнадцать лет. Жил в отдельном помещении. Все его обязанности заключались в том, чтобы сделать карточки этапа. Казалось бы, живи и радуйся. Так нет же, он ночей не спал: следил, как осуждённые принимают «брос» через забор, да ещё и фотографировал специальными объективами это действие, а потом отдавал операм. Те, насколько не заботясь о его безопасности, демонстрировали эти фото нарушителям и сажали их в ШИЗО. Когда бандитам это надоело, они надели маски, выбили после отбоя дверь в фотолабораторию и избили «соколиный глаз» самодельными бейсбольными битами. Причём лупили только по локтям и коленям. Добровольный стукач остался на всю жизнь инвалидом: у него конечности, как у кузнечика, в другую сторону гнулись.

Так что в одном учреждении хватает и «красных», и «чёрных», и «козлов», и блатных, и просто придурков.

Понятия не то что меняются, а стремительно деградируют. Новое поколение преступников не может понять своими мозгами элементарных вещей. Всё себе во вред делают.

Взять тех же «петухов». Раньше сто процентов зэков трудились. Даже воры в законе выходили на «промку», пусть и не стояли там у станка, но в цехе присутствовали. Единственные, кто сачковал, — «рабочие петухи». Они ходили чистенькие, следили за собой.

Сейчас во всех колониях — безработица. Но педики, оказывающие секс-услуги, — как самые молодые, слабые и презируемые, — делают самую грязную работу: грузят помойки, чистят выгребные туалеты. Сами быстро превращаются в грязных чушковых, запаршивлевают. И всё равно их по ночам трахают «мужики» и блатные. А когда подхватывают всякую заразу — бьют их, ломают руки.

Не советую вообще заниматься активной педерастией. Помимо ВИЧ-инфекции, которая проявляется не сразу, можно и сифилисом заболеть. У нас в колонии, помню, эпидемия была. Как потом выяснилось, началось всё так. Был у нас «петух» Машка. Пошёл он с мамой на длительное свидание. В соседней комнате с сестрой на свидании был «мужик» Федя. Не знаю, куда он смотрел, но этот педик трахнул в душе его сестру. Она и «наградила» его сифилисом. Машка вышел со свиданки и продолжил половую жизнь с осуждёнными — и сам оказывал секс-услуги, и своих «петухов» имел. Когда хватились — одна треть спецконтингента болела сифилисом.

Зона была «красно-махновской». Бандиты проводили беседу с каждым из новых заражённых. Того, кто упорствовал и не называл полового партнёра, били палками, пока не заговорит. Всплыло много случаев тайной любви, когда зэки «имели» друг друга как «личняки»²³. «Обиженка» пополнилась новыми обитателями.

Я уже упоминал, что новое поколение преступников живёт другими ценностями, понятиями. Бессовестные они какие-то, на мужчин не похожие.

Взять хотя бы такой случай. Как всегда, никто из авторитетных арестантов не хотел «грузиться» за баракком, и «смотрящим» сделали двадцатилетнего недоумка. Как-то раз он не вышел на поверку. Стали его искать. Увидели, что в сушилке заперта дверь, выломали её. Сотрудникам и осуждённым предстала такая картина: на полу лежит пьяный и голый «смотрящий», слушает по мобильнику «секс по телефону» и мастурбирует, увлечшись настолько, что уже абсолютно не реагирует на внешние раздражители. Закрыли его в ШИЗО. Мы с приятелями спросили у молодых блатных (они себя такими считали): «А что, он выйдет и так с вами в братве и останется?» Они удивились: «А что тут такого? Он же ничего не сделал». Мы пояснили: «Если бы кто-то из нас, пусть с перепою, допустил такое — потом от стыда себе бы голову об угол разбил, не говоря уже о том, что он „спалил“ общаковый телефон».

Это ещё ничего! У них один из самозванной братвы, напившись, провалился в туалете в выгребную яму. После того как «шныри» его отмыли и отнесли в отряд, он сам обделался. Но протрезвел и продолжал «пальцы гнуть».

Теперь ещё раз коснусь понятий. Знайте, что в правильных «чёрных» зонах их соблюдают. Например, там вольные разборки не катят. Никто не будет решать, кто из подельников сдал друг друга. Хотя ты приговор покажи о явке с повинной, которая на тебя кем-то написана. Вдруг ты первый дал расклад, но не под протокол, а оперативную информацию?.. Да и у каждого второго зэка насчёт этого совесть нечиста: сам кого-то сдал. Вот и не ворошат такие дела. Отомстить за вольные дела в «чёрной» зоне трудно, даже если ты крутой бандит.

Знал я Сашу. Он попал в аварию: разбил машину «солнцевским» браткам. Они вдвоём приехали к нему домой, стали требовать переписать на них квартиру. Пригрозили, если заупрямится, убить его жену и ребёнка. Он зарезал их, как баранов, кухонным ножом. Срок ему дали не очень большой. Попал Саша в зону, где было полно «солнцевских». Смотрели на

23 Личняк — тайный любовник в неволе.

него косо, обещали, что он жив пока сидит, но разборок в неволе не устраивали. Освободился он, приехал домой. Припёрлись опять трое бандитов, дружки покойных, и снова стали угрожать. Всё повторилось: одного Саня убил ножом, двоих серьёзно ранил. Опять зона, вокруг опять «солнцевские», и опять одни только угрозы — разобраться на воле.

Да что там бандиты! В одной колонии мирно уживаются чеченские боевики и контрактники, отвоевавшие с ними две кампании. Бывает, за одним столом «бойцы вспоминают минувшие дни», делятся впечатлениями. По колонии, где было много «чехов», спокойно разгуливал осуждённый по кличке Змей. Это прозвище он получил на войне, где служил снайпером в разведке. Даже менты его уважали и разрешили носить на шее просолённый и высушенный палец снайпера-наёмника, который когда-то Змея ранил.

Случались и забавные встречи. В одной колонии отбывали наказание бывший прапорщик, солдат из его части и чеченец. Последнему — во время боевых действий — прапор продавал рядового для полевых и домашних работ.

Понятия — неплохая штука, когда они соблюдаются, и ты можешь обернуть их в свою пользу. Тогда будучи совершенно неправым, можно выйти победителем из любого безнадежного положения.

Со мной на Ярославской пересылке было вот что. Привык я в своей зоне, что никто мне не указ. А тут ехал в другое учреждение этапом. В Ярославле, в СИЗО, меня и других осуждённых посадили в большую камеру. Там «воровской ход». Из моей колонии вместе со мной ехали ещё несколько осуждённых, некоторых я вообще не знал. Подходит ко мне приятель и говорит: «Когда тебя на Псковской пересылке посадили в другую хату, Хохол рассказывал про тебя всякие гадости. В частности, что ты активист. Но я-то знаю, что это не так». Попросил его показать сплетника. Позвал этого Хохла и спросил: «Что ты за меня знаешь?..» Он начал юлить, изворачиваться, что вроде ошибся. По понятиям я должен был подойти к «смотрящему» и дать ему весь расклад: обвинить Хохла в интригах, позвать очевидцев. Если бы разобрались, его наказали бы максимум пощёчиной. Привыкнув разбираться с оскорбившими меня самостоятельно, я дал этой твари в бороду. Но, взбешённый, не рассчитал и свернул ему челюсть. Тут смотрящий начал выступать: какое я имел право на человека руку поднимать!.. В принципе, он был прав, но я не стал «включать заднюю» и сказал, что не вижу в той мрази человека. Поведи себя «смотрила» правильно, и мне пришлось бы плохо — могли бы всем коллективом поломать. Но этот неопытный Гурген, обращаясь ко мне, выругался матом. Здесь уже я наехал на него: «Ты кого материшь?» Он начал оправдываться. Я долго возмущался. Разошлись краями. А потерпевшего сделали виноватым и отправили в больницу.

Ещё соблюдают другой закон тюрьмы. Даже в самой спокойной зоне, если при конфликте достанете нож — просто, чтобы попугать, — руки ломают или самого. У меня так знакомый бандит пострадал. Любил он при случае финкой рисануться — то охранника в казино подрежет, то на «стрелке» с москвичами себе в истерике вены вскроет. В зоне за такие понты «смотрящие» его покалечили. Хотя они сами недалёкие были, но следили за соблюдением традиций.

Ещё один мой знакомый пострадал, будучи правым, но против него повёрнуты неписанные законы. Он жил в зоне в «котловой» хате (где хранится общак), значит, был особо проверенным блатным. Но как-то раз он покритиковал, причём справедливо, своих соседей. Раз он соблюдал и читил понятия, они ему отомстили, тоже их соблюдая. Дождались, когда он заперет небольшой «косяк», и раздули его до жуткого проступка. Этот парень поймал «крысу» и ударил его палкой. Собрали сходняк. Спросили его: «Перед тем как ударить палкой, ты объявил его „крысой“? Раз нет, то ты лупил „мужика“, а „мужика“ можно бить только рукой!» Перевели этого парня из блатных в «мужики», переселили в общую спальную секцию.

Другой знакомый тоже покритиковал блатных, сам будучи в братве. Его тоже наказали по понятиям. Полез он разнимать драку. Один из ссорившихся кричал, что ему на всех по хую. Наказали всех, кто его слышал и не пресёк базар.

Видите, как, соблюдая обычаи, можно прессовать своих же? И ничего против не скажешь, хотя все понимают, что им просто мстят за критику. Так что ещё раз повторю: держитесь от блатных подальше — они насквозь гнилые и порядочных среди своих не терпят. Или если будете принадлежать к этому миру, старшие «косяков» понаделают, а вы отвечать будете со всеми. Когда крест на зону поставят. Объясню, что это такое. Опять же на примере. Недавно подобное произошло на Севере, в колонии строгого режима. Там блатота делила власть с помощью ментов — одна группировка «пилила ноги» другой. Сотрудники устроили шмон в «котловой» хате и изъяли общак. Ярославский, который смотрел за ним, из своих средств на следующий день всё восстановил. Но блатоте, рвущейся к рулю, это было неважно: нужен был повод его убрать. Предъявили ему, что не должен был отдавать общак (куче ментов!). Пробовали его бить. Он, не чувствуя за собой вины, дал оборотку. Тут как раз на зону приехал авторитет с малявой от воров. Устроил правиловку. Нашёл за блатными кучу «косяков» и перебил палкой тридцать пять человек. Натравил на них «торпед». Желающие нашлись. Калечили их с удовольствием. Сопротивляться было нельзя. Это же всё равно как решение жуликов. Все пострадавшие закрылись по безопасности, боясь, что, находясь вне закона, не избегут смерти. Половина «смотрящих» ушла по УДО, уехала на поселение. Кому срок не позволял, стали дневальными в ШИЗО и прочими активистами. Блатные очень легко «переобуваются» и становятся «красными», лишь бы не жить на общих основаниях. Позже выяснилось, что приехавший от воров в законе — самозванец и подослан ментами. Те его сразу вывезли по изоляции. Настоящим вора́м надоели зехера в этой зоне, они поставили на ней крест. То есть объявили всех блатных колонии нечистью. На этапах и в других учреждениях били, как резиновых, могли и прибить. Вместе с действительно отпетыми уголовниками пострадало много молодых дураков, «гнувших пальцы» и примкнувших к блатоте по недомыслию. Потом крест сняли, но всем, кто тогда строил из себя авторитетов, дорога в порядочные арестанты была закрыта навсегда.

Моё мнение (и не только моё): в местах лишения свободы было бы больше порядка, если бы, как раньше, воры периодически сидели в зонах, а не купались в роскоши на воле. Если бы обладателю этого статуса предъявляли больше требований. Тех же и «положенцев», и «смотрящих» назначали не из числа всякой швали, а из порядочных арестантов. Для примера, ничего не придумывая, опишу свой последний шестилетний срок. Отбывая его, я сменил три зоны и два поселения. В каждом были «смотрящие», «положенцы», воры. Вот о них и поведаю, причём о тех только, кто был «загружен» за учреждениями, а не за отрядами, столовыми, «атасами» (чтобы на шухере в отряде зэки стояли), аптеками (собирают лекарства у одних зэков и отдают другим).

Первый лагерь строгого режима находился на северо-западе России, у самой границы. Смотрел за ним Валера Жук, конченный наркоман. Проколол общак. Начал не отдавать карточные долги. Брать взаймы и не возвращать, причём не только деньги, но и вещи. Дали ему по ушам, то есть сместили с должности. Спасая от разборок, менты закрыли его в ШИЗО. Его друга Азиата, «смотрящего» за «крышей» (штрафной изолятор, строгие условия содержания), тоже «лишили портфеля»²⁴. Менты и его посадили, но в СУС. Там он, чтобы «раскумариться», украл общаковую наркоту. Объявили его «крысой», покалечили. Следом «смотрящим» сделали 22-летнего Брянского, бывшего бандита и наркомана. Как он мог отвечать за целую зону, где полторы тысячи арестантов, у многих из которых срок за решёткой более его возраста? Этот втихомолку освободился условно-досрочно, что для настоящего блатного в падлу. От воров пришла «малява», что он поступил как негодяй. Следом прислали воровской «прогон»²⁵ по всем зонам и тюрьмам, где перечислялись десятки кличек и указывалось, что эти люди — самозванцы, а не законники. Представьте, какая

24 Лишить портфеля — низложить из «смотрящих».

25 Прогон — например, записка, отправленная для ознакомления во все хаты тюрьмы или во многие зоны.

началась неразбериха, если столько народа за решёткой себя за «жуликов» выдают. Да они сами «кто есть кто» разобраться не могут!

Как на Матросской тишине, например, было... Поругались четыре вора. Двое объявили других самозванцами. Их избили. После с воли подъехали другие воры и отзвонились, что пострадавшие — настоящие, а обвинившие их — сами самозванцы. Избили теперь этих. Подъехала ещё и третья группа жуликов, защищали теперь этих пострадавших. Так я и не узнал, чем эта эпопея закончилась, — на этап уехал.

А сколько на ментов работает таких крутых агентов, что целые зоны какое-то время под собой держат, и все эски их ворами почитают! Знаю даже случай, когда лагерем «петух» как законник рулил. Ему даже как-то раз «мужик» предъяву кинул, что тот пидор, но его поломали, сказав, что обознался. Потом всё-таки разобрались в его масти, но его менты быстро вывезли. В тот же лагерь позднее Ваха Бакинский приехал, тоже месяц за вора канал (перед этим три месяца в СИЗО). Но с ним разобрались, он нужных людей неуверенно называл, путался. Хотя за это время, что он был в зоне, узнал много ценного для сотрудников, они его тоже спасли.

Но вернёмся в нашу зону. После Брянского «смотрящим» стал Боцман. Приехавший в карантин Змей набил ему морду и заявил, что тот мразь. Боцман сел за то, что пьяный поругался с женой после её реплики, что он импотент и сын не его, кинул двухлетнего мальчишку на стол и пригвоздил ножом.

Следующего «смотрящего» мой знакомый побил и обещал обоссать. Приезжали люди с воли — чтобы не было конфликта, менты их запустили в зону. Они просили бандита не трогать их человека.

Уехал я на поселение в Коми. Стояло оно в достаточно большом населённом пункте. «Смотрящий» за всем городком — ставленник воров, бывший эск и местный житель — работал мастером в котельной. Однажды он объявил запрет на выход поселенцев за пределы своих общежитий, потому что неизвестно кто изнасиловал местную шалаву. Причём наказал малолеткам, если увидят нас в городке, бить до поноса. Два приятеля-спортсмена и я пошли в магазин. К нам подвалили человек двадцать парней от восемнадцати лет и старше. Мы очень убедительно объяснили, что сейчас перебьём их всех, а кто не успеет убежать — трахнем в жопу, и никакие папы-менты их не спасут. И спокойно пошли дальше. Но кого-то из поселенцев они всё же избили. Одного мужика ещё и обоссали до кучи, сделали «петухом». От стыда он ушёл в побег. Менты его поймали, побоями отняли здоровье, добавили срок и закрыли в зону, где он навсегда останется «обиженным».

В этот же день другой наш приятель стоял в очереди в магазине. Туда вошёл пьяный «смотрящий» и заорал, что он запретил эскам выходить за пределы общежитий. За что получил в морду и долго лежал на грязном полу в отключке. А приятель спокойно сделал покупки и вернулся. Этот же «смотрящий» назначил «смотрящего» за нашим поселением осуждённого Кирима, который до приезда сюда был на ближайшей зоне председателем СДП. Кто судим — не говорите, что я гоню. Для несудимых объясняю: председатель секции дисциплины и порядка — «главкозёл», «краснее» его активиста нет. После этого «смотрящего» за городком послал на три буквы другой мой знакомый. Настоящий блатной (да просто порядочный мужик!), ни минуты не задумываясь, убил бы за подобное оскорбление. Этот прибежал жаловаться к нам, чтобы мы повлияли на друга, поскольку тот подрывает его авторитет. Ещё этот «смотрящий» ночью вместе с сотрудниками поселения патрулировал городок и ловил пьяных поселенцев. Потом вместе с операми бил их в кабинете в штабе. И ведь воры поставили такого смотреть за городком! Собирать на общак с магазинов, баров, рынка. Вывод делайте сами, у меня мата не хватает.

Потом меня закрыли в зону. Её я описал ранее. Это на ней крест стоял. После по «перережимке»²⁶ перевели ещё в одну колонию, уже общего режима. Там вообще был маразм. «Смотрящий», грузин Иос, от наркоты уже стоя мочиться не мог. Вместе с

26 Перережимка — смена режима (например, со строгого на общий).

начальником он ежедневно обходил лагерь, часами торчал в штабе. Запретил писать жалобы на администрацию. Хотя в столовой кормили жидкой перловкой на воде, тухлой квашеной капустой, залитой кипятком, не давали по пять дней хлеба. Зато для блатных там жарили мясо. Когда в штабе принимал прокурор, «смотрящие» дежурили на подступах и не пускали к нему эзков. Иос освободился. Выяснилось, что он и два его друга, тоже кавказцы, имели личняком своего юного «шныря». Ходили с ним в душ, трахали его в зад. Но один друг, по кличке Немец, целовал «шнырёнка» взасос в губы и живот. Смотрите, как теперь понятия чтят: Немца перевели в «обиженку», а ещё одного, который вместе с ним трахал «шныря», не «опустили». Сославшись на то, что он никого не целовал, а «всего-навсего» трахал педика. А ларчик открывался просто: ему приходили огромные передачи, и он делился с блатотой. А ведь, не объявив личняка «педиком», они запоганили многих — он за руку здоровался с десятками эзков, чай с ними пил (их, конечно, не перевели в педики: слепая масть не катит). Но прикиньте сами, кто судьбы эзков решает — конченные мрази, пидоры.

Потом рулил зоной уже «положенец», ему вор-грузин «портфель дал». Сам он тоже грузин был, первоход. Он начал с того, что объявил всех «мужиков» с рабочего отряда нечистью. Также приказал все сотовые телефоны сдать ему (их менты запрещали, но в зоне их много). После блатные устраивали обыски и если узнавали, что у кого-то есть «труба», били её обладателя до увечий. Мы проверили: да, это было распоряжение вора в законе с соседней зоны (о нём ниже). И ничего нельзя сделать, ведь «положенец» — на положении вора. Ещё этот авторитет заходил к «мужикам» в секцию, высыпал на пол пепельницы и запрещал убираться, чтобы назло ментам грязно было. Также он оскорбил старых арестантов, сказав, что раз они раньше носили робу, значит непорядочные. Спорить с ним было невозможно, он вечно под наркотой был, потирал сопливый нос и никого не слушал. И ведь у него нашлась масса подхалимов, таких же наркоманов. Если бы он был просто «смотрящий», а не «положенец», его бы прибили. А так — ударить его, значит на вора руку поднять. Но всё же мы решили расправиться с такими блатными. Приготовили арматурины, дубины и даже самодельные пистолеты. Бойня была бы большая. Ведь многие эки всё равно поддержали бы блатоту. Просто потому, что так положено. Но менты, чтобы избежать бунта, вывезли этого «положенца» на другую зону, где сидел вор, давший ему руль. Позже посмотрели мы на этого жулика. По перережимке зону ему заменили на поселение. Ехал он через пересылку нашей колонии. Грузин-наркоман, двадцать шесть лет, первый раз сидит, «корону» купил ещё на воле. Мы пробрили: он не был самозванцем — другие воры его действительно короновали. Но как вести себя, не научили, а ума ни за какие деньги не купишь. Сидя в камере, он начал «круто», по его мнению, себя вести, качать режим. Баландер спросил его, будет ли он кашу. Вор обложил парня матом. Через пять минут передумал и потребовал свою пайку. Получив шлёмку с жидким варевом, запустил её раздатчику в лицо. Баландер хоть и ложкамойник, но через него под крышу заносят общак, записки, наркотики, спирт. А так — зачем вору перловка?.. Блатота провела в отрядах общие сходняки, на которых потребовала, чтобы «мужики» «подогрели» жулика. После этого дорогие сигареты, шоколад, кофе, чай, тушёнку, сгущёнку гнали ему в камеру целыми баулами. Подогнали также героина. Он остался доволен зоной.

Вот такие «авторитеты» наносят воровскому движению вреда больше, чем все менты вместе взятые. Может, где-то и есть достойные воры в законе, «положенцы», «смотрящие». Но это я только последний свой срок описываю, а у меня их три за плечами. Прошлые ходки я ещё смешнее блатных встречал. Видел, что жулики реально с ментами связаны. И когда они между собой власть делили, враждовали. Знаю, о чём говорю. Тогда поколесил я по этапам по всей стране. И ведь не специально сгущаю краски, а описываю то, что видели все. Если бы я рассказал о том, что знаю сам, и назвал бы конкретных людей, в неволе бы резня началась.

В конце концов, раз допускают таких к рулю, сами виноваты, что всё больше зон становятся «красными» и эки относятся к воровскому движению негативно. Хотя ещё

выполняют решения воров, а куда денешься? Когда, например, приходит малява от них: поддержать голодовку. Так было в одном СИЗО.

Сидим, всем довольны. Сотрудники не борзуют. Баландеры по вечерам продают всё, что закажешь: наркотики, спиртное, продукты. Мы даже в гости в другие камеры ходили. Это когда в выходные в тюрьме никаких движений. На прогулку открывают все двери на галере, и эски сами идут до двориков. Заранее договариваешься с другим арестантом — он идёт в твою хату, а ты в его, к своему приятелю. В воскресенье меняемся обратно. Ментам же главное, чтобы на поверке по головам количество сошлось. Видите, какой расслабон в учреждении?.. И вдруг приходит «прогон» от воров с призывом (считай, приказ) сесть на голодовку и выдвинуть перечисленные ниже требования. Причём некоторые пункты совершенно идиотские: чуть ли не голую бабу давай. Пробили мы, конечно, действительно ли воры писали, а не ментовские провокаторы. Получаем подтверждение: писали жулики. Все камеры (в том числе и наша) на следующее утро отказались от приёма пищи, подали на имя начальника СИЗО соответствующие заявления. После обеда ввели спецназ, «Маскишоу», во всех хатах устроили шмон, изъяли все продукты. Закрутили режим в рамках закона. Раньше они — спи в любое время. Теперь при них нельзя днём прилечь. После отбоя, наоборот, запретили ходить и даже разговаривать. Иначе пресс. ШИЗО забиты. За неповиновение бьют, как оказавших сопротивление. Все нитяные дороги за окном оборвали, маляву не отправить. Баландеры перестали продавать «запрет». Четыре дня поголодали, спецназ начал принудительное кормление. Каждого связывать и засовывать в желудок шланг им бы времени не хватило. Они провели его по-своему. Начали с нижнего этажа, с крайней хаты. Выводят всех эсков в подвал, чтобы другие арестанты не слышали и двери не ломали, и начинают бить со всей дури дубинкой по ногам. Лупят до тех пор, пока камера не соглашается прекратить голодовку. В тюрьме сидели следственные, большинство первоходы, только с воли заехали. Думаете, им нужны были какие-то протесты? Некоторые под дубинами немного упорствовали, лишились здоровья, но принимать пищу согласились все. Хорошо, мы сидели на верхнем этаже. Пока до нас дошли, около ста камер на корпусе уже принимали пищу, мы согласились питаться без кипиша. Спецназ ещё месяц стоял в СИЗО. Но и после его вывода режим ещё долго закручивали. Самое поразительное, никакой малявы насчёт того, чего они добились этой акцией, воры не прислали. Ведь мужикам только хуже стало. А всесоюзная двухчасовая акция протеста в 1991 году? О ней до сих пор вспоминают. Ну ладно, в отдельных зонах прекратили работу. А в СИЗО мы как валялись на шконках, так и дальше лежали. Но с понтом тоже протестовали. Это воры и правозащитники показали, что они есть.

Ещё хуже получается, когда эски массово «вскрываются». Сразу хочу сказать: только единицы, у кого сильный дух и низкий болевой порог, могут вскрывать себе вены. Остальные для понта царапаются. Большинство идёт на это против своей воли, за компанию. Типа, раз братва режется, то и я должен. Если у кого-то не хватает силы воли нанести себе рану, его режут другие. Менты видят, что это симуляция, и не обращают особого внимания на царапины. Даже наоборот, при мне зам по БОР дал одному эску по разрезу на животе кулаком, чтобы тот опустил майку и не выпендривался, спекулируя своей неглубокой раной. Тогда многие вскрылись, но ничего не добились. Требовали не сажать в ШИЗО оборзевшего авторитета. Во-первых, менты не боятся протестов, когда требования выдвигаются незаконные. Во-вторых, поверьте, если бы суицидник нанёс себе смертельную рану, вот тогда бы менты забегали. А так им плевать на этот цирк.

Когда сотрудники действительно что-то нарушают, не надо никаких эффектных акций. Можно одному многого от них добиться. Вот как у нас в зоне было. Эски из ВИЧ-отряда приболтали «петуха» (он не был ВИЧ инфицирован) и трахали его всем скопом в зад втайне ото всех. Педик был «рабочим», после них он оказывал секс-услуги и другим эскам. Ещё у нас на территории зоны посередине стояла больница. В колонии многие работы за сотрудников делают эски. За врачей трупы вскрывал тоже педик. Морг сгорел, и он занимался этим в будке на выезде. Ладно бы он их просто потрошил! Он делал «жмурикам» минет.

Ласкал их. Разогрев анус электрочайником со специальной насадкой на носике, «имел» покойников в зад. Пусть не покажется это дикой фантазией — он даже жарил на плитке внутренние органы и ел человечину. У каждого свой вкус (некоторые в зоне кошек ели и говорили, что вкусно). Мы его даже фотографировали с помощью сотового во время некрофилии.

Когда я поднял этот вопрос, начальство впало в истерику. Ведь без погон остаться можно. Сначала, кстати, пробовали нагрывать на меня благоту. И те во главе со «смотрящим» зоны на меня наезжали. Заметьте, эти мрази знали, что колония превратилась в рассадник СПИДа и что «петух» насилует трупы. Но это их не шокировало. Наоборот, чтобы не лишиться поблажек для себя, они по приказу начальства пробовали меня прессануть, чтобы в журнал статью не писал. Но всё-таки я добился, чтобы «петуха» и ВИЧевых взяли под контроль. В больнице построили морг. И трупы вскрывал врач. ВИЧ-инфицированных потом вообще вывезли. «Хозяин», который до этого был против спортзала и библиотеки, после моей просьбы выделил под них два помещения. Ослабил режим вплоть до того, что я в зале бокс преподавал и спарринги устраивал целых два года. Вплоть до моего освобождения менты на это внимания не обращали. Вот что значит, когда они действительно нарушили закон.

А так скажу одно: много видел учреждений, но редко где эски чего-то требуют действительно справедливо. Больше какими-то дуростями занимаются. В столовой дают помои, а они провести радио в ШИЗО просят! Это так, для примера. Арестанты одного не понимают: если менты потребуют исполнять то, что положено по закону, то кончится расслабуха. Ведь в любом СИЗО и исправительной колонии можно достать спиртное, наркотики. Везде эски всё равно не ходят постоянно в робах. (Кстати, по закону ношение осуждёнными спортивных костюмов и обуви разрешено только во время спортивных мероприятий. И костюмы разрешены только из хлопчатобумажных тканей. Но в колониях носят любые.) Играют в зонах в футбол, волейбол. Учатся в вечерней школе, профессиональных училищах, институтах. Россия — единственная страна в мире, где есть длительное свидание. Переписка не ограничена. Передачи и посылки — в огромных количествах. Досрочные освобождения через 1/3, 1/2, 2/3 срока. Также можно уйти на поселение, исправительные работы, заменить срок штрафом. Только веди себя прилично, не играй в тюрьму. (Ведь дурдом эски устраивают.)

В последней зоне, где я сидел, вообще была халява. Ходили в вольных шмотках. Локалок нет. Спи сколько хочешь. Представьте сцену: впятером пьём чай. У всех по мобильнику. Один приглашённый в гости из соседнего отряда запаздывает, звоню ему по «трубе», чтобы пришёл. Тут же одному из наших поступает звонок. Звонит старший опер и уговаривает сдать телефон, заодно демонстрирует свою осведомлённость, что номер узнал. Эск нагло говорит: «Найдёшь „трубу“ — твоя будет. Только зачем она тебе нужна?..» В течение дня относим в штаб ширпотреб, шкатулку, нарды, поднос — и из ПКТ в больницу переводят совершенно здорового бандита Мишу. Он в прошлом боксёр-профессионал. В своё время у Кармазина выиграл. Вечером в спортзале мы с ним час бьёмся. Ночью смотрим порнуху по видеаку.

И всё равно кто-то недоволен зоной. Это обнаглевшие «первоходы» — им не с чем сравнивать. Они хотят полной свободы в местах лишения свободы. Эти дебилы не были на Мурмахах, где осуждённые болеют дистрофией и дерутся, деля газон с травой, чтобы её есть. Или побывали бы в Саратовской, Волгоградской областях, где шагу нельзя сделать — за всем следят активисты, а менты избивают эсков прямо в кабинете начальника. Или где они же переводят за нарушения в «обиженку». Впрочем, и там действительно люди нормально живут. Одинаковые требования ко всем никогда не предъявлялись. Что на свободе, что в неволе — все по-разному живут. Прежде чем протестовать против ментов, надо спросить народ, а им это надо?.. Быдлу мало нужно — их годами бьют, а они смеются. А «шныри» ничего унижительного в своём положении не видят. Скорее, нормальным людям за всякую мразь неудобно бывает. Знаете, к чему я не привык в зоне за двенадцать лет?.. Попьёшь чай,

после хочешь выкинуть заварную гущу, чтобы помыть кружку. Какой-нибудь рецидивист Гена, заядлый чифирист, чуть не за сердце хватается, видя это. Для него получить вторяки — прямо праздник. Так что, попив чаю, надо крикнуть любого гоблина, и он с благодарностью заберёт заварку. И о таких что, надо заботиться?! Лучшую жизнь им устраивать?! Ну а нормальная братва сама себе устроит приличную жизнь, без всяких голодовок и харакири.

За срок, проведённый в одной колонии, вы можете увидеть, как она из «чёрной» превратится в «красную». Как после расслабона, когда пьяные эки играют на гармошке у штаба, везде наварят локалки (устроят локальные участки у барачков), поставят светофоры, и осуждённые станут передвигаться по их сигналам, которые будут включать с вышки СДП.

Особенно меняются порядки, когда назначают нового начальника. Причём ломают зону в один день. Заводят спецназ. Побьют слегка «блатных», посадят парочку зэков с каждого барака в ШИЗО, и вот вчерашние «смотрящие» прилежней всех маршируют строем и горланят песни.

Бывает и наоборот, когда режимная зона превращается в бардачную. Чаше же во всех учреждениях (как и в вольной России) у ментов случаются месячники-припадки. Начинают, например, бороться с вольными вязаными шапками. Потом год не обращают на них внимания. Или с выносом пищи из столовой, но через неделю прекращают там дежурить. Понаезжают за внешний вид, и самим надоеет. И так постоянно: с чем-то борются, а потом бросают.

Как обращаться с сотрудниками пенитенциарной системы

Теперь дам несколько рекомендаций, как обращаться с сотрудниками пенитенциарной системы. При хорошем поведении сталкиваться с ними не придётся. В случае нарушений или если вы выделяетесь из общей массы, с вами побеседуют, и не один раз. Особо им, конечно, не доверяйте, но и не обманывайте. Ни в коем случае не считайте себя умнее их. Возможно, вы больше видели музеев и театров (что тоже сомнительно). А ограниченными менты кажутся потому, что находятся на службе. Да и кто вы такой, чтобы они перед вами раскрывались и блистали эрудицией?.. Не забывайте, что они годами и десятилетиями видят перед собой тысячи человек. Каждый, естественно, считает себя яркой индивидуальностью. Но недаром даже маньяков — при всей их уникальности — психологи классифицируют, разбивают на группы. Значит, даже люди с патологией повторяются. Что уж говорить о простых смертных! Многие сотрудники имеют стаж двадцать и даже тридцать лет, «и на том поле, где вы только мышей ловите, они всех котов перетрахаили». Среди них много нормальных мужиков, хотя система заставляет ловчить, обламывать, приспособливаться. Ну а законы и инструкции у нас так составлены, что, если им следовать в неволе, вообще начнётся маразм. Вот и пущено всё почти на самотёк, который сотрудники пытаются как-то корректировать. А с какими мразями им приходится иметь дело! Это я о зэках, которые их подставляют, пытаются дурить, устраивают скандалы, истерики. И ведь ещё перед сотрудниками — наши личные дела, из которых они узнают, что половина авторитетов стучит сейчас и сдали подельников. Сидят за то, что украли у старухи последние деньги. У них перед глазами приговоры убийц, насильников. Как менты в нас вообще после этого людей видят?.. Не хвалю я их и не защищаю. Просто не надо их всех стричь под одну гребёнку. Как среди зэков, так и среди них всякие попадают — и плохие, и хорошие. Опять же, для кого как они поступают.

При всей моей самодисциплине за свои сроки я имел огромное количество конфликтов с администрацией. Отстаивал свою честь и достоинство и резал правду-матку в лицо. Но никогда не пытался хитрить и всегда выходил победителем из таких ситуаций, где можно было, выбрав неверный тон, сильно пострадать. Причём находил общий язык с самыми конченными самодурами.

Приведу несколько примеров. Желая познакомиться, меня вызвал начальник отдела безопасности — совершенно пробитый, вечно укуренный азер. Для завязки разговора говорит:

— Слышал, ты меня ругаешь?!

Без всяких пауз отвечаю:

— Ругал и ругать буду.

Он опешил от такой наглости, а я пояснил:

— Если ээки хвалят сотрудника, значит, его, с точки зрения администрации, выгонять надо. И, наоборот, чем больше хаот, — тем больше он для ментов хорош.

Переварил он услышанное — понравилось!.. Беседовали с ним часа три. Он откровенничать начал:

— Вот ты думаешь, мне легко? Я двадцать пять лет служу России. Причём честно. А чуть что — меня чуркой обзывают. А такие, как ты, хоть и русские, только вред приносят. А ведь я здесь родился и другой родины не знаю.

В общем, мы нашли с ним общий язык и, встречаясь в зоне, всегда вежливо общались.

В другой колонии, где об активистах заботится начальство, мне перед строем нахамил завхоз. На глазах у полутора тысяч осуждённых и многих сотрудников дал ему в морду. Закрыли меня в ШИЗО, хотели завести уголовное дело. Пришёл побеседовать замполит, который всем рулит в зоне. Очень умный и самолюбивый. Откровенно ему сказал:

— Мне сидеть ещё шесть лет, но я хочу нормально жить, чтобы соседи уважали и боялись. И из-за этого, поверьте, если бы даже мне нахамили вы, то и вам бы дал в морду. Но при всей вашей власти вы себе такого не позволяете. А тут какая-то мразь, стукач, приспособленец занимается провокацией.

Подполковник смотрит пристально и серьёзно интересуется:

— Неужели и мне бы двинул? Ведь это же реальный срок.

— Ни секунды бы, — отвечаю, — не колебался.

Если бы он понял, что я просто понтуюсь, у меня была бы масса неприятностей. А так спросил:

— Выйдешь, не будешь ещё этого бить?

— Не полезет — не трону. Он и так потерпевший.

Выпустили меня в зону. А этого завхоза с должности сняли, чтобы ещё кого-нибудь не спровоцировал.

В последней своей колонии мы с замполитом вообще подружились (он сейчас в отставке, так что его не подставляю). Оказалось, что у нас с ним полная психологическая совместимость. На людях я с ним соблюдал субординацию. А так — прикалывались, общались на вольные темы. И сейчас отношения поддерживаем. Видите, где хорошего человека можно встретить?..

Тут опять же вывод один: будьте мужчиной, общаясь с ментами, ведите себя естественно. Пусть они будут вас не любить, но зато станут уважать. И бояться немного, что тоже важно. Взять, к примеру, зоны, где сотрудники беспредельничают — за малейшую провинность бьют ээков. Некоторых запинали насмерть. Есть люди, которые и там борются, и на них даже не замахнулись ни разу. Потому что специально убить духу не хватает. Побоями нормальных ээков не запугаешь. Да и отомстят они обязательно, менты это чувствуют. В каждом учреждении таких арестантов — десятков на тысячу, а остальных прессуют как начальство, так и уголовники. Здесь ещё главное — по правилам не играть, а то напридумывали законов писанных и неписанных. И человек, как пленник, не может выйти за рамки, и его с помощью их угнетают.

Ещё не надо жалеть себя и смерти бояться. Жизнь — прекрасная штука, надо её ценить. Но именно жизнь, а не существование! Даже в тюрьме можно быть полноценным. Заниматься серьёзно спортом, учить языки, писать книги, изучать ремёсла, профессии, осваивать музыкальные инструменты. Завести хороших знакомых. Но если вас каждый день унижают и бьют, лучше отомстить и сдохнуть. Это опять же моё мнение. У всех разные

натуры. Есть мазохисты. Мечь, конечно, крайность. Так рассуждать, можно всю жизнь за решёткой провести. Положим, вы человек нормальный, но так сложилось, что вас бьют. Если сотрудники — сообщите родным. Пусть напишут начальнику учреждения с просьбой ответить, почему вас мучают. Тогда отстанут, потому что начальник поймёт, что вы не скандалист и не «вынесли ссор из избы», но у вас приличная родня и может поднять шум, написав не только ему.

Когда бьют эки — сложнее. Даже если пожаловаться начальству, не всегда поможет. Хотя есть колонии, где за рукоприкладство на эка заведут уголовное дело. Но осуждённые связаны понятиями — они молчаливо сносят побои. Эту книгу я пишу для того, чтобы научить вас не «пальцы гнуть», а выжить в неволе. Повергаетесь систематическим избиениям — напишите заявление в суд с требованием привлечь садистов к уголовной ответственности. Администрация колонии зашевелится — для них это чрезвычайное происшествие. Попробуют сами разобраться. После этого эки вас трогать не будут, но станут считать «ломовым»²⁷. Какая вам разница? Раз вас до этого лупили, значит, и так считали «чёртом». Задумайтесь: раз до такого дошло, значит, есть в вас что-то гадское. Постарайтесь измениться. Найти работу на производстве (работяг не очень трогают даже в беспредельных зонах), в ширпотребке общаковой (тогда будете под опекой блатных). На крайний случай — сделайте активистом. Пусть и в падлу, но здоровье сохраните. Займитесь спортом. Поверьте: через полгода регулярных занятий, даже если вы рахит, заметно окрепнете, прибавите результаты. Обычно в «махновцах» ходят спортсмены, но к своим у них хорошее отношение. Увидят, что серьёзно занимаетесь, — отстанут. В конце концов, чтобы избавиться от издевательств, сделайте крупное нарушение режима содержания и сядьте в ШИЗО, СУС, ПКТ там спокойнее будет.

Прислушайтесь ещё к одному совету: если наметили какой-то важный разговор с сотрудником или вас за нарушение дёрнули в штаб, не вступайте в беседу, если ментов в кабинете много. Они, как и все граждане России, умные и хорошие только по одному, а когда соберутся вместе, превращаются в глупое стадо.

Теперь совет грамотным людям. Сотрудникам очень трудно высказать всё, что наметили, заранее. Владете ручкой и хотите решить какой-то вопрос — лучше пишите. Менты привыкли иметь дело с бумагами — они лучше вас поймут.

Очень помогает, чтобы утихомирить начальство, упоминание об их офицерской чести. Начинает он наезжать, хамить, просто скажите: «Оскорблять безответственного эка — невелика заслуга, но достойно ли это сотрудника системы?»

Когда мне один начальник начал угрожать, что он добавит мне срок, написав в рапорте, что я у него погон оторвал и обещал убить, я с иронией заметил: «Как это по-офицерски!» И он понял, что городил, по сути, подлые вещи.

Иногда надо тоже хамить. Помню, на строгом режиме в Коми ко мне стал придирааться зам по БОР. Как-то на дневной проверке стоим по пятёркам. Он подходит именно ко мне и спрашивает, почему я в неположенных брюках. Положняк (робу) в колонии вообще не выдавали. Брюки у меня были чёрные. Рядом осуждённые в цветных трико стояли — на них он внимания не обратил. В отношении меня продолжил придирки, потребовав: «Руки по швам!.. Как стоишь?!»

— Мы не в армии, — объясняю ему. — А насчёт штанов и остального, гражданин подполковник, давайте не будем устраивать здесь разборки, смешить народ. Если не возражаете, я после поверки зайду к вам в кабинет и всё объясню.

Позже поднимаюсь в штаб, а у него в кабинете расселись начальник колонии, прокурор и судья. Хоть и не в моих правилах беседовать с толпой сотрудников, но решил, что в этом случае можно. Тем более что зам по БОР пошёл на обострение и велел заходить и объяснить своё поведение. Спрашиваю его:

27 Ломовой — например попросивший из-за незначительного конфликта сотрудников перевести в другую камеру, сдавший ээков сотрудникам.

— Гражданин подполковник, закон для всех один?

— Да, конечно.

Тогда продолжаю:

— Что же вы до меня до одного доебались?

Как он подскочил:

— Что за мат?!

Интересуюсь у него:

— А какое ещё выражение сюда подойдёт?.. Если полторы тысячи эков стоят чёрт знает в чём, а вы пристали именно ко мне!

Проговорили ещё полчаса. Он пробовал навязать своё: что, мол, дисциплину начнём наводить с меня.

Я парировал:

— Раз что-то требуете, то и давайте, что положено. Где мясо и рыба в супе? Где сладкий чай, нательное бельё? Где зубная щётка, паста, станки для бритья, мыло, туалетная бумага и прочее, что обязаны выдавать?

Он кричит:

— Не я это украл!..

С улыбкой говорю:

— Наверное, я.

Он сразу — любимый аргумент ментов! — «Но ты же совершил преступление!..» Соглашаюсь: «Да, один раз, и годами за него отвечаю. Но моя пайка пропадает каждый день, десятилетиями, и никто за это не пострадал».

Пригласил я прокурора посетить столовую. Пошли туда с ним и с БОРОм. Они ещё выпендриваться начали, взяли с собой СДПэшника как очевидца. Заходим на пищеблок. Там как раз мой отряд готовится к приёму пищи. На столе — бачки-«сороковки» с кашей. Прошу у дневального поварёшку, черпаю из бачка и выливаю обратно — на просвет — жидкую, как бульон, сечку с комбикормом без капли масла.

— Это второе, — поясняю. — Впрочем, и первое так же варят. Вот втяните носом воздух...

Они рефлекторно понюхали.

— Видите, в столовой вообще пищей не пахнет. Воняет, как в казарме.

И тут меня сразил прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, он гневно заметил:

— Тебе не угодишь! Зато вам баню построили!

Видите, что взятки делают!.. Рассмеявшись, я ушёл в отряд, и больше ко мне менты не приставали.

Помню, раз не выдержал и наорал на высокопоставленного сотрудника матом. Но и это приняло неожиданный оборот.

Пришёл к нам в зону новый зам по БОР. Его брат занимал высокий пост в ГУИНе, вот и перевёл родственничка на такую должность из войск. Подполковник ни дня не служил в пенитенциарной системе. Совершенно не разбираясь в её специфике, но чувствуя мощную поддержку за спиной, он увидел, что даже начальник его боится, и начал наводить порядок. О его методах прекрасней всего говорит такой пример.

Зайдя к нам в отряд и всё осмотрев, зам по БОР возмутился: «А что это у вас пожилые люди у двери на сквозняке спят, а молодые — в тёплом углу?» Подойдя ко мне и другим парням, он велел поменяться местами с великовозрастными эками. Я попробовал ему объяснить, что так не делается, да они и сами с места не тронутся, потому что «обиженные». Этот дуболом выдал: «Кто их обидел, они простили». Он вообще не понимал, о чём идёт речь! Ну, я и наехал на него: «Рожа автоматная, недоумок!.. Перед тем как совать свой нос, куда собака член не совала, узнай, что и как!» Посадил он меня в барак усиленного режима на полгода.

Через неделю вызывает на беседу. За это время он едва не спровоцировал бунт, стал посмешищем для ментов и эсков и слегка одумался.

Говорит мне: «Да, я, не разобравшись, был смешон. Но и ты хорош — не мог мне в стороне всё спокойно объяснить?» Поинтересовался у него: «А тогда вы бы стали слушать?» Он, подумав, ответил честно: «Нет». И тут же обещает: «Ладно, погорячились, но я тебя условно-досрочно освобожу». Не поверил я ему. Даже когда в камеру пришёл отрядник и попросил написать заявление. Самое интересное: меня никуда не вызывали, а через десять дней выгнали на свободу. Больше года «до звонка» не досидел. Самокритичный подполковник оказался.

В зонах всё «не по уставу». Ладно, я просто оскорбил сотрудника и не пострадал, а, наоборот, выиграл. Знаю случаи, когда эски совершали преступления и не несли ответственности. Потому что, когда долго сидишь в зоне, устанавливаешь знакомства с ментами, и они уже снисходительно к «ветеранам» относятся.

Сидел у нас Вася. За срок два раза «крутился», сделал два трупа, почти двадцатку «добывал». Однажды прапорщик проиграл ему в нарды деньги и не отдавал. Васю это достало, он пришёл в штаб, запугал нарядчика и по громкой связи на всю колонию объявил прапорщика «фуфлыжником». Сами менты над коллегой смеялись, в шутку велели ему пользоваться отдельной посудой. Но тот так и не возвращал проигрыш. Тогда Вася подошёл к прапору и приставил к его шее две заточки. Сбежалось начальство, стали уговаривать, узнали, в чём дело. «Хозяин» из своих ему заплатил. И ведь Вася всего пятнашкой ШИЗО отделался. ЧП — замяли.

В неволе многое не так, как представляет обыватель. Ну кто может представить, что в одной колонии рядом с очень крупным городом и сейчас сотрудники вечером боятся выходить из штаба? Забаррикадировавшись, и проверки оттуда проводят — иначе их пьяные эски прибить могут.

Или на промзоне в нашей колонии на стене цеха висит деревянный щит со следами от пуль. Это ночью слесарь самодельные револьверы пристреливал. И никому дела нет! Был случай (давно, правда), когда один осуждённый другого у барака застрелил.

Раз уж я повёл речь про сотрудников, расскажу, как они себя ведут, когда сами оказываются за решёткой. Наблюдал их очень близко.

Когда надоело сидеть в зоне, в очередной раз я подал заявление о переводе на поселение. Прошёл суд. Этапировали на место. Там я слегка удивился. Поселение оказалось для бывших сотрудников пенитенциарной системы, милиции, ФСБ, прокуратуры, судей. В принципе, по закону на поселениях можно содержать вместе мужиков и баб, так что с БС (бывших сотрудников) эсков-уголовников (их там «бытовиками» называли) тоже можно.

Что поразительно, БС тоже играют в тюрьму. У них даже «петухи» есть. Правда, «рабочий» только один — бывший судья и педик по воле. Здесь он за десятку минеты делал.

Вот когда я пожалел, что не трахаю пидоров. Такой шанс был судьёю поиметь!

А так, если не знать, где и среди кого находишься, кругом обыкновенное поселение. БС делают себе татуировки. При мне один мент-капитан, севший за изнасилование, на плечах воровские звёзды наколот. Также они себе в член шары вгоняют.

Единственное отличие: несмотря на то что знают законы, не спорят с администрацией учреждения. Начальство их эксплуатирует, заставляет работать по две смены, без выходных и праздников. Причём за 220 рублей в месяц и то по безналу. В столовой кормят плохо. Там я злорадствовал. Приходит бывший полковник, севший за взятки, начальник отделения милиции. Здесь он завхоз, мальчик на побегушках. Получит поварёшечку перловки. С собой у него бутылочка из-под кетчупа с прогорклым подсолнечным маслом, купленным в ларьке. Нальёт он его экономно в кашу и ест, жмурясь от удовольствия. Голодный, гад, а рожа такая начальственная.

Всё это они терпели, чтобы не ехать в спецзону, — там, говорят, полный режимный дурдом.

Что ещё обращает внимание: «бывшие» в открытую сдают друг друга. У них это не в падлу. Ко мне относились уважительно, всё время рассказывали, как на службе экам помогали. Врали, конечно...

Недолго я там пробыл. Заявил начальству, что понимаю в расценках-нарядах за труд на лесоповале. Если мне не заплатят, сколько положено, напишу жалобу. Придравшись, они «закрыли» меня обратно в зону. Зато было что знакомым рассказать.

Советы родственникам осуждённых

Теперь несколько советов родственникам осуждённых. Ранее я уже говорил: регулярно пишите им, не возите всякую одурманивающую дрянь. Если хотите, чтобы он раньше освободился по УДО без всякой взятки с вашей стороны, — приезжая на свидание с ним, побеседуйте сначала с его начальником отряда. Иногда — с замом по кадрам и воспитательной работе, с «хозяином» учреждения. Администрация увидит, что у осуждённого нормальная семья, заботится о нём. Лишний раз и в зоне цеплять не станут. И, досрочно освобождая, будут знать, что он идёт не в подвал к очередным преступлениям, а к любящим людям.

Кстати, в характеристике, подаваемой в суд для УДО, обязательно есть пункт о социальных связях, переписке и прочем. В конце концов после беседы с сотрудниками и их отзывах о вашем сыне, муже, вы сможете на него положительно повлиять, попросите его вести себя более правильно.

Осуждённым, у которых нет семей или порваны отношения с родными, тоже не надо сидеть сложа руки. Подайте объявление о знакомстве в газету. Откликнется много добрых женщин. И не думайте, что все они прямо никому не нужные неудачницы. Пишут в зоны много хороших, красивых дам из приличного общества. Просто они верят, что всё в жизни решает случай. У них нет комплексов и предубеждений в отношении судимых.

Естественно, сначала присутствует обыкновенный интерес. Уверенность, что переписка ни к чему не обязывает. Но потом женщина увлечётся, приедет на короткое свидание, увидит, что ээк — нормальный мужик. Так, глядишь, и чувство возникнет.

Только, парни, если вы плохо владеете ручкой, всё равно пишите послания сами. Не доверяйте это полуграмотному соседу. Пусть с ошибками, но выражайте свои чувства. Здесь главное — искренность. Бабы знают, что не с академией наук общаются.

Я очень сумбурно и в общих чертах обрисовал нравы пенитенциарной системы, тюрем и зон. По-другому про эти места писать невозможно. Это Территория Абсурда. Со своими законами и традициями, которые меняются и нарушаются, где каждый новый начальник учреждения и «смотрящий» устанавливает свои порядки — успевай только приспособливаться. Поэтому про неволю пишут обычно шаблонно, одно и то же, и чаще — неправду. Хотя правду про эту систему писать трудно, она изменчива. За решёткой, как и в снах, своя логика и истина...

Адреса, куда можно направлять жалобы

Прим. OCR: Большинство сведений данного раздела неактуально, некоторых инстанций просто не существует или перевераны их названия.

Надзорные на приговоры судов

Верховный суд. Судебная коллегия по уголовным делам,
г. Москва, индекс 103289, ул. Ильинка, д. 7/3 (прежде чем писать сюда, пройдите все другие суды в своём городе, области).

Генеральная прокуратура Российской Федерации,
г. Москва, ГСП-3, индекс 125993, ул. Б. Дмитровка, д. 15а (сюда можете писать сразу.
Дело возьмут на контроль и не вернут вам жалобу, как в случае неправильного обращения
делает Верховный суд, а спустят в нужную инстанцию для рассмотрения).

Куда жаловаться на сотрудников

Управление собственной безопасности РФ при МВД,
г. Москва, индекс 119049, ул. Житная, д. 16.

Министерство Юстиции РФ,
г. Москва, индекс 109830, ул. Воронцово Поле, д. 4.

Секретарю особого отдела по контролю за действиями судов и органов прокуратуры и следствия,
г. Москва, индекс 103706, ул. Ногина, д. 6.

Прокурору по надзору за работой органов следствия и судов,
г. Москва, индекс 103760, Кузнецкий мост, д. 13.

Отдел по надзору судов и прокуратур,
г. Москва, индекс 101031, ул. Кропоткинская, д. 28.

Служба по надзору за органами следствия и дознания,
г. Москва, индекс 125124, Кремль, корпус 13, 9.

Высшая квалификационная коллегия судей,
г. Москва, индекс 121260, ул. Поварская, д. 15.

Совет судей РФ,
г. Москва, индекс 103289, ул. Ильинка, д. 7/3.

Управление Президента РФ по работе с обращениями граждан,
г. Москва, индекс 103132, ул. Ильинская, д. 23.

Секретариат по осуществлению контроля за органами МВД (отдел жалоб),
г. Москва, индекс 121260, ул. Воровского, д. 15.

Служба по надзору за уголовными делами,
г. Москва, индекс 113194, Кузнецкий мост, д. 13.

Президиум Верховного Совета РФ, отдел помилования,
г. Москва, индекс 117036, проспект Калинина, д. 4.

Президенту РФ,
г. Москва, индекс 109031, Кремль, Красная Площадь, д. 3.

Управление юстиции при Администрации Президента РФ,
г. Москва, индекс 103012, Новая Площадь, д. 8/10.

Служба по надзору за органами МВД и юстиции,

г. Москва, индекс 103013, Кремль, кор. 13, 01.

Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России),
г. Москва, ГСП-1, индекс 119991, Житная ул., 14.

Штатный советник Прокурора по надзору и пересмотру уголовных дел в судах,
г. Москва, индекс 113136, Кузнецкий мост, д. 13 (кабинет 131).

Председателю комиссии по правам человека при Президенте РФ,
г. Москва, индекс 103132, ул. Варварка, д. 7.

Уполномоченному по правам человека,
г. Москва, индекс 103084, ул. Мясницкая, д. 47.

Фонд «В защиту прав заключённых»,
г. Москва, индекс 125009, Малый Кисловский пер., д. 7, стр. 1, помещение 21.

Словарь жаргонных слов и выражений

Теперь предлагаю вашему вниманию словарь жаргонных слов.

Эти выражения встречаются и понятны зэкам во всех тюрьмах и зонах бывшего СССР. Есть, конечно, области, где свои обороты. Но не рассказывать же вам, что, например, в насквозь «красном» Волгограде солнце называют «балдоха». Или что в «Джентльменах удачи» плохого человека называют «редиска» — кому это интересно.

Автоматная рожа — военный.

Апельсин — затычка унитаза, делается из целлофанового пакета, набитого мокрой ватой.

База — тумбочка.

Баклан — хулиган.

Бандяк — кулёчек с чем-либо.

Барыжное движение — в неволе торговать может только специальный барыга, платящий в общак. Остальным зэкам что-либо продавать в падлу.

Баян — шприц.

Блевотина — глупый разговор.

Блеснуть чешуёй, **накидать на себя пуху** — выставить себя в лучшем, чем есть, виде.

Блоть — блатные.

Блудень — человек, совершающий нелепые поступки.

Блудняк — оказаться в ситуации, когда вскрылся твой гадкий поступок.

Бодяга — нудный, длинный рассказ.

Борода, **облом** — отказ, напрасная надежда.

Бродяга — правильный преступник.

БУР — барак усиленного режима.

Бурбулятор — кипятильник.

Быка врубить — упрямитесь.

В шоколаде — в хороших отношениях.

Вертолёт — леска с бусинкой, вставленной в «уздечку» пениса.

Вертухай, **цирик**, **дубак**, **пупкарь** — сотрудник СИЗО.

Весло — ложка.

Взломщик мохнатых сейфов — насильник.

Влезть под шкуру — войти в доверие с корыстными целями.
Воздух , лавэ — деньги.
Вола ебать — тянуть время.
Волчий билет — справка об освобождении.
Вывезешь — сможешь доказать обвинение.
Вырвало днище — поносит.
Гасить — убивать.
Гаситься — прятаться.
Герыч — героин.
Главшпан — главарь.
Глиномес — активный гомосексуалист.
Гнать волну — паниковать.
Гнать жути — запугивать.
Голимый — притесняемый, тупой, никчёмный.
Голова болит — хочется чифира.
Гоп-стоп — уличный грабёж.
Грев — передача.
Грузить — оговаривать, давать на кого-то показания, или надоедать нудными разговорами.
Грузят подельники — дают на тебя показания.
Гуммоз , кисляк — унылое выражение лица.
Гусю шею сломать , Дуня Кулакова — заниматься онанизмом.
Дать по глазам — напомнить зэку, что он совершал «косяки».
Дать по ушам — на сходняке спросить за проступок с правильного зэка.
Дачка — передача.
Делюга — уголовное преступление.
Днюха — день рождения.
Дольщик — в долях на навар.
Дорога — нитяная связь для передачи грузов через окно или унитаза между камерами.
Дробь 16 — перловка.
Дрова — тряпка или бумага для «факела».
Дрочи булки — готовься к гомосексуальному акту в качестве пассивного партнёра.
Дрэк — нестоящая вещь, ерунда в разговоре.
Дунуть в ухо — наябедничать.
Дурака включить — разыгрывать непонимание.
Дурь — анаша.
Дэпан — дежурный помощник начальника в СИЗО или ИК.
Ёбни фазу — выключи свет.
ЕПКТ — единое помещение камерного типа.
Жало — лицо.
Жеванина — никчёмный разговор.
Жжёнка — жжёная резина, разбавленная водой или мочой (для нанесения наколок), жжёный сахар, залитый водой.
Жмур — покойник.
Жопа выше головы , шлёпки на голову — пролетает самолёт или вертолёт.
Жулик — вор в законе.
Завари ебало — заткнись.
Заваруха — большая ложка чая.
Загнать — например, отправить грев в камеру.
Загони ноги — пришли человека.
Загрузился, как Боинг — получил большой срок, дал на себя много явок с повинной, несёт слишком много.

Задний карман , тухлая вена , туз , шоколадный глаз , очко — анус.

Заезд — намёк.

Закрылся — при конфликте с зэками в зоне попросил сотрудников поместить его в помещение личной безопасности (в отдельную камеру).

Запил — челюсти.

Запрет — запрещённые в неволе предметы, табу на какие-либо действия зэком от блатных.

Запретка — ряд ограждений тюрьмы, зоны.

Засухарённый — скрытый «петух», не объявившийся, кто он есть, в новом учреждении.

Заточка , жало , ебучка — лицо.

Зверь , зверёк , хачик , гурген , чёрный , чурка — лицо кавказской национальности.

Звонок — конец срока.

Зелёный прокурор — тайга.

Зехер — дурной, неожиданный поступок, оборот дела.

ИВС — изолятор временного содержания.

Играть на рояле — давать отпечатки пальцев.

Идти по изоляции на этапе — быть «обиженным» или бывшим сотрудником карательных органов.

Измена — страх, кожзаменитель.

Канат — самодельная верёвка из ниток.

Качалово , коляска , качели — разговор за понятия.

Кидать леща — льстить.

Килишовка — перевод из камеры в камеру.

Кипиш — скандал, бунт.

Кича , шизняк , трюм — штрафной изолятор.

Кишки — одежда.

Кишкoblуд , кишка — обжора.

Кобел — мужеподобная женщина.

Ковырялка — женщина, доставляющая ласки другой.

Кожаный шприц — пенис.

Колёса — таблетки или ботинки.

Командировка — колония.

Конь — груз для установления дороги, например, опускается на нитке в нижнюю камеру.

Кормушка — небольшая дверца в двери камеры.

Костопыжиться — выпендриваться.

Косяк — в одном случае гнусный поступок зэка, в другом — нашивка на рукаве у зэка, означающая, что он активист.

Котлы — часы.

Коцапеты, коцы — обувь.

Красный — зэк-активист.

Красный микрофон , кракалыка , болт , шняга , шляпа — половой член.

Крест на хате, зоне — ставят воры в законе, приговаривая обитателей к расправе за проступки.

Крестины — после водворения дежурным зэка в ШИЗО, до прихода «хозяина», на следующий день разбирательство у начальника в кабинете.

Криво не насадит — плохо не сделает.

Кропаль — очень мало, чуть-чуть.

Крысы — ворующие у своих.

Крытка — тюремный режим.

Кубатурить, гонять — думать.

Кукушку встряхнуть — ударить по голове.
Кум — оперативник в неволе.
Кумовской , наседка , подсадной — стукач.
Купец , купчик — слабо заваренный чай.
Курица , курочка — группа картёжников.
Кухонный боксёр — семейный хулиган.
Лабаз , ларёк — магазин для зэков.
Лепила — доктор.
Лечить — врать.
Личняк — тайный любовник в неволе.
Лоб зелёной намазан — расстреляли.
Ложкомойник — посудомой, работник столовой.
Локалка — огороженные изолированные участки в зоне.
Ломовой — например, попросивший сотрудников из-за незначительного конфликта перевести в другую камеру, сдавший зэков сотрудникам.
Лопата — кошелёк, язык.
Малява — записка.
Мандовошка — лобковая вошь, игра типа нард.
Манжеты — ягодицы.
Маргарин — тупой, но сильный человек.
Марочка — носовой платок с белым полем или тряпка, на них ручками что-то рисуют.
Мартышка — обычное зеркало, или зеркало, привязанное на палочку и выставленное из камеры в окно или дверь, чтобы посмотреть за угол.
Маски-шоу — спецназ.
Мастырка — членовредительство.
Масть — каста у зэков.
Машина — самодельный кипятильник.
Медвежатник — взломщик сейфов.
Могила — рыбный суп.
Мойка — лезвие бритвы.
Морик — цыган.
Мотыль — когда в камере нет спичек, на лампочку кладут ватку из подушки, она тлеет, и от неё прикуривают.
Мохнатый сейф , пилотка — женские половые губы.
Музыкальный суп — гороховый суп.
Мурзилка — порнографический журнал.
Мурка — понятия.
Мурчать — быть блатными.
Мышиное движение — мелкая возня.
На кочерге — пьяный.
На пизде повёлся — ради своей женщины отошёл от каких-нибудь дел, друзей.
Наболтали — дали срок.
Навострить лыжи — сбежать.
Накернить — совершить половой акт.
Намордник — наваренный на окно лист железа с небольшими отверстиями для притока воздуха.
Насос — богатый.
Нахвататься вершушек — быть дилетантом, но строить из себя крутого уголовника.
Непруха — невезение.
Непуть — плохой человек.
Несун — ироничное название «крысы», ворующего у своих.
Нефеля , вторяк — жижа, оставшаяся после заваренного раз чая.

Ништяк — замечательно.

Ноги — тот, кто что-то отнесёт.

Нырять в пилотку — делать куннинлингус.

Обезличка — непризнание, игнорирование кого-то.

Обиженка , петушатник — низшая каста отверженных зэков.

Обоснуй — поясни, докажи.

Обуть — обворовать, смошенничать.

Объёбон — обвинительное заключение по уголовному делу.

Объявить негодяем — признать совершившим жуткий проступок перед зэками, другим зэком.

Одеть на кукан — совершить половой акт.

Окрестили — дали срок на суде.

Определиться — решить, кем будешь в неволе.

Отказ — несознанка.

Откинуться — освободиться.

Откусать — например, отыграть карточный проигрыш.

Отмутить — прокипятить вторяк и добавить немного сухого чая.

Отovarить — избить.

Отovarиться — сделать покупки.

Отрицало — противник сотрудииков.

Падай — садись.

Палево , запал — попасться на противоправном действии.

Пальма — второй, третий ярус нар.

Пальцовка — жестикуляция при разговоре.

Паровоз — главный обвиняемый в группе подельников в уголовном деле.

Пасти — подсматривать.

ПВР — комната политико-воспитательной работы

Перережимка — смена режима (например, со строгого на общий).

Печенье в клеточку — вафли.

ПЖ — пожизненный срок.

ПКТ — помещение камерного типа.

Плавал — много сидел.

Пленные , пленсостав , пехота — никчёмные запуганные зэки.

Плющит — накрыло наркотической волной.

Погоняла — взрослый зэк в камере малолеток.

Погоняло — кличка.

Погремуха — кличка.

Под кожу — в анус.

Подгон — подарок.

Подел — соучастник, проходящий по одному уголовному делу.

Подкнокать — подарить.

Подлиза — женщина, лижущая у другой промежность.

Подмолодить — добавить немного сухого чая к уже заваренному, или другое значение — избить.

Подрезать — шулерский карточный приём.

Поймать тишину — жить спокойно.

Покоцать — порезать кого-либо.

Положняк , наркомовская пайка — то, что дают из зэковской столовой.

Полосатый — зэк с особого режима.

Полоскаться — есть из одной посуды, быть близким приятелем.

Получить портфель — стать «смотрящим».

Помазуха — масло, маргарин.

Портак — некрасивая, испорченная кольчиком татуировка.
Портачки — некрасивые наколки.
Портянка — большое письмо.
Поселуха — колония-поселение.
Поставить в стойло — указать на место никчёмному зэку.
Поставить на лыжи — сломить (то есть заставить перевестись) из хаты.
Поставить на хор — подвергнуть групповому изнасилованию.
Поставить на четыре кости — изнасиловать.
Предъява — обвинение зэка зэком.
Примерить бороду , нырнуть в пилотку — куннилингус.
Приняли — задержала милиция.
Приплыл — попал в тупик.
Приход — приятное действие наркотиков.
Прогон — например, записка, отправленная для ознакомления во все хаты тюрьмы или во многие зоны.
Продол , галера — коридор в тюрьме.
Проебун — ироничное название зэка, обворованного «крысой».
Проколоть общак — истратить его на наркотики.
Проредить штакетник — выбить зубы.
Проход — территория между двумя нарами.
Пульнуть базар — распустить слух, объявить всем.
Пуля — свёрнутая конусом бумага, как снаряд для духового ружья, в ней выстреливают на волю записки или закреплённые нитки на соседний корпус для установления дороги.
Пыжик — бодибилдер.
Пыхнуть — попасться, покурить анаши.
Рамс , хрюк — спор, разговор.
Рамсы попутать , попутать третатульки — обнаглеть.
Расклад — полная информация о чём-либо, чаще о преступлении.
Раскрутка — в момент отбывания срока совершение нового преступления.
Распечатать — быть первым половым партнёром.
Расход — расставание.
Реснички — металлические наваренные жалюзи.
Решка — решётка.
Рогатки — растопыренные пальцы.
Розочка — головка пениса, разрезанная на четыре части.
Росомаха , рыбина — хитрый, опытный зэк.
Ружьё — свёрнутая в трубку газета, используемая как духовое ружьё.
Рыжьё — золото.
Сажало — нож.
Самовар , чифирбак — кружка, в которой заваривают чифир.
Свернуть кровь — испортить настроение.
Свободные уши нашёл — надоедает болтовнёй.
Сдавать шкурки — когда зэк сдаёт зэков сотрудникам.
СДП — секция дисциплины и порядка.
Секелиться — мужчине вести себя как баба.
Серогорбый — крыса.
Сесть на колпак — сойти с ума, переживать.
Сидеть на баулах — иметь много вещей, но быть жадным и ни с кем не делиться.
Сидор — сумка.
СИЗО — следственный изолятор.
Синий — пьяница.

Скатать рубероид — свернуть матрас.
Скачуха — амнистия.
Сквозануть — убежать.
Скоблиться — чесаться.
Скок , скачок , рывок — побег.
Сладкий — зэк с богатой передачей, которую можно постоянно хитростью забирать.
Слить — убить.
Словиться — установить дорогу.
Смандячить — соорудить мину.
Соскочить с прожарки — избежать наказания, оправдаться.
Спецы — бойцы спецназа ГУИН.
Спилить ноги — когда зэк подставляет другого зэка и занимает его хорошее место типа завстоловой, бригадира.
Ссать в уши — врать.
Стакан — маленькая кабинка в СИЗО, автозэке, для содержания зэка, нередко таких размеров, что в ней можно только стоять.
Стиры , пулемёт , стос — игральные карты.
Столыпин — вагон для перевозки зэков.
Стрельнуло — удовлетворили жалобу.
Стрельнуть в башню — дать в рот половой член.
Струна — проволока или гитарная струна от самодельной машинки для нанесения татуировок.
СУС — строгие условия содержания.
Суточники — арестованные на срок до пятнадцати суток.
Сходить за баню — трахнуть в зад.
Сырынки — носки.
Тарочка — бумажка для самокрутки.
Татоша — пистолет ТТ.
Тачковка — отметка о чём-либо.
Телефон — разговаривать через «толчок» (унитаз) по трубам канализации с соседними камерами.
Тема — расклад на совершение преступления.
Торкнуло — приход от наркоты.
Тормоза — дверь.
Торпеда — кулёчек в целлофане с деньгами, наркотой, запиской, засунутый в зад.
Торпеда (другое значение) — сильный зэк из «шестёрок», исполняющий приговоры блатных.
Тюремный загар — синюшная бледность от длительного пребывания в камере.
Тяжеловес — зэк с большим сроком.
Тяпка , хапнуть — глоток, глотнуть.
Убиться — принять наркотики.
Удочка — выставленная из окна палочка или туго свёрнутая бумага с крючком на конце, чтобы ловить кинутые нитки для установления дороги.
Уебись об косяк — думай, что говоришь, приди в себя.
Уехать под крышу — сесть в СИЗО.
Упасть в тряпки — лечь спать.
Упасть на тряпку — стать уборщиком, что в падлу в неволе.
Усы — леска, вставленная в уздечку пениса.
Уши пухнут — хочется курить.
Фаза — лампочка.
Факел — тряпка или бумага, свёрнутая в трубку и подожжённая, чтобы разогреть кипяток.

Форшмак — что-то грязное, опускающее зэка.
Форшмануть — опустить (к примеру, кинуть в лицо тряпку, которой убирают туалет).
Фуфломёт , фуфльжник — не сдержавший слово.
Хлебник , семейник — зэки, ведущие совместное хозяйство, вместе питающиеся.
Хряпа — варёная капуста.
Цимус — самое вкусное.
Цинк — сигнал, слушок.
Чалиться — отбывать наказание.
Чепушила — презираемый человек.
Чердак , макитра , бестолковка , жбан , дыня , тыква — голова.
Чёрный — зэк со строгого режима или житель Кавказа.
Чёс — нездоровое желание вступить в половой акт.
Чистодел — грамотно работающий по криминалу.
Чичи — глаза.
Чичи-гага — приклатнённый.
Шабить — курить.
Шарабешки , зарики — кубики для нард.
Шары — глаза или шарики из оргстекла для вставления под кожу пениса.
Шементом — быстро.
Шерсть — активисты, помощники сотрудников.
ШИЗО — штрафной изолятор.
Шкера , нычка — тайник.
Шкериться — прятаться.
Шконка — кровать.
Шлёмка — тарелка.
Шлюз — помещение между двух ворот для въезда в зону машин.
Шмон — обыск.
Шнифт — глазок в двери, глаз человека.
Шнырь — слуга.
Шпала — плоская пластмасса для вставления под кожу пениса.
Шпалер , вольна , ствол , пушка , плётка — пистолет.
Шугняк , очко на минус , измена — бояться.
Щипач — карманник.

Вообще жаргонные слова имеют много оттенков, их нельзя просто произнести отдельно, они имеют смысл в определённом контексте, когда про что-то идёт речь. Например, «заехать под кожу» и «заехать в хату». В первом случае слово «заехать» означает ввести пенис в зад. Во втором — быть водворённым в камеру. Можно ещё сказать — «заехать в морду» — ударить. И так многие-многие обороты в жаргоне имеют массу значений.